Абачара Гусейнаев

Арабоязычная литература народов Дагестана первой половины XIX века

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящая книга является посмертным изданием исследования по арабоязычной литературе Дагестана ведущего научного сотрудника отдела литературы Института ЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, доктора филологических наук А. Г. Гусейнаева (1921–1997). Автором эта работа была завершена в начале 90-х годов прошлого столетия и для своего времени была одной из первых в дагестанском литературоведении по исследованию художественных и идейно-тематических особенностей арабоязычной дагестанской литературы первой половины XIX века.

К сожалению, автор не успел подготовить рукопись к изданию и оставить окончательно исправленный вариант для печати. Следует также отметить, что в работе чувствуется влияние господствовавших в те годы идеологических установок в общественных науках. Исследование А. Г. Гусейнаева не потеряло своей значимости и, хотя местами чувствуется

фрагментарность материала, в нем содержится достаточно полный анализ произведений арабоязычных авторов Дагестана, в первую очередь Мухаммада Ярагского, Мирза-Али Ахтынского, Юсуфа Аксайского и др. Отметим также, что за прошедшие после написания этого исследования годы по данной проблеме появился целый ряд работ дагестанских литературоведов, заметно обогативших наши знания об особенностях дагестанской литературы, созданной на арабском языке.

Несомненно, если бы автору удалось поработать над подготовкой книги к изданию, он внес бы необходимые уточнения, дополнения с учетом вновь появившихся источников и трудов.
При подготовке рукописи к изданию в текст не внесены существенные изменения, в целом сохранен и авторский стиль. Сделаны самые небольшие уточнения и исправления.

Работу подготовил к печати и осуществил компьютерную верстку сотрудник редакции республиканской газеты на лакском языке «Илчи» А. М.-Г. Гаджиев, за что приносим ему глубокую благодар-ность.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Арабоязычная литература народов Дагестана 1-й половины XIX века - тема чрезвычайно ответственная. И не только потому, что история Страны гор этого времени наполнена событиями, которые в анналах летописей, в оценках исследователей противоположных мировоззрений отразились по-разному, противоречиво, при этом не было недостатка как в идеализации тех или иных личностей, так и в фальсификации фактов, явлений.

Отчетливо сознавая разницу между царизмом и русским народом, высоко ценя гуманное и уважительное отношение декабристов, революционной демократии, представителей литературы и искусства, передовой русской интеллигенции к народам Кавказа и Дагестана, известный революционер и поэт Саид Габиев еще в 1909 году наметил правильный ориентир для оценки событий первой половины XIX века. Тогда, в связи с 50-летием окончания Кавказской войны на Гунибе проходили торжества. По этому поводу С. И. Габиев писал: «Стоя на противоположных Гунибу Кегерских

высотах, откуда некогда А. И. Барятинский руководил осадой последней шамилевской твердыни, я невольно уносился мыслью к тому прошлому, что совершалось на этих самых местах 50 лет назад.

Передо мной невольно вставал призрак грозного имама Шамиля, этого легендарного героя и гениального самородка угрюмых скал Дагестана. Мне чудился он в своем неизменном бе- дом одеянии и огромной чалме, окруженный только горстью беззаветно преданных исламу и ему храбрых мюридов, готовых каждую минуту умереть у ног своего вождя.

И перед моим зачарованным взором, одна за другой промо- или картины видений. Как долго это продолжалось, не помню. Внезапный гром пушечной пальбы, раскатистым эхом пронесшийся по горам и долинам Дагестана, еще раз напоминая дагестанцам о последнем дне их былой независимости, разом вы-

и меня из состояния забытия. И я увидел, как гр. Воронцов-Дашков окруженный блестящей свитой боевых офицеров и депутации, торжественно проехав историческую березовую рощу, выехал к развалинам аула Шамиля.

Наблюдая со стороны эту красивую картину

празднования «мира», я не мог не задать себе вопроса: «Когда же Дагестану было лучше: тогда ли, когда Великий Шамиль до последнего изнеможения отстаивал независимость горцев, или под властью России?». Оставаясь беспристрастным, можно дать ответ только такой: <<Как ни безотрадно настоящее положение горцев с ана- хроническим бессмысленным военно-народным управлением, разрушающим самые здоровые части народного организма, все же теперь лучше». Пусть никому из ярых националистов не по- кажется этот ответ слишком бьющим по нашему же самолюбию. Что же делать? Ведь факты не извратишь, историю не пе- ременишь. Надо знать хорошо историю кавказских горцев, надо вдуматься в то прямо-таки исторически безвыходное положение всех горских народностей по отношению друг к другу, чтобы не дать другого ответа.

Пусть же этот день, 25 августа 1909 года будет праздником не только победителя, упорным долгим трудом усмирившего беспокойных соседей, но и всех кавказских горцев, для которых с этого дня должна начаться новая эпоха культурного и экономического процветания.

Пусть с этого дня каждый горец принесет на алтарь

общего отечества не только военные силы, что они делали до сих пор, и гражданские. Пусть Гуниб, эта могила нашей независимости, отныне служит ветвью мира и символом культурного преуспевания. Пусть усмирившийся в Калужском заточении голос Великого Шамиля из-за гроба будет призывать и нас только к миру и братскому единению»1. Как бы откликаясь на этот разумный призыв, Расул Гамзатов в поэме «В горах мое сердце» справедливо писал:

... Был наиб у имама - испытанный воин,
Но покинул правителя Хаджи-Мурат.
Он вернуться решил, о свершенном жалея,
Но в болото попав, был наказан сполна…

Я хочу попросить у имама прощенья,
Но в болото при этом попасть не хочу.
(Перевод Я. Хелемского)

Несмотря на точное освещение этого периода в трудах дагестанских историков, еще в наши дни появились рецидивы превратного истолкования национально-освободительного движения горцев Северо-Восточного Кавказа.

Но, как бы представители различных народов, классов и научных воззрений к нему ни относились, для нас чрезвычайно важно, что именно В результате этого народно- освободительного движения в течение тех пятидесяти лет развитие арабоязычной литературы народов Дагестана ускорилось, а на протяжении второй четверти того же XIX века она сделала решительный поворот к нуждам народа, стала выразителем общественного сознания. Будучи порождением народно-освободи- тельного движения, она преодолела свою оторванность от народа, прониклась его интересами.

К сожалению, до недавнего времени она не была объектом всестороннего внимания ученых, исследования представляли разрозненные островки проблемы.

По выявлению и изучению этого наследия в последнее время проделана значительная работа, но до сих пор не выяснено, какое место литература эта занимает в истории народа, каковы ее характерные черты и кто ее лучшие представители, настоящая ли она художественная литература, созданная с соблюдения прогрессивных традиций, правил и норм арабской классической литературы (гражданственность,

образно- эмоциональное мышление, ритмика) и что она представляет по сравнению с современной ей арабской литературой.

Разрешение проблемы осложняется необходимостью раскрытия причин появления арабского языка в качестве средства межнационального культурного общения, необходимостью изучения природы этого общения и двуязычия. При этом на повестку дня встает аспект отражения содержания времени, своеобразия края и его народа, отражения влияния родных языков и родных литератур на характер искусства слова, создаваемого на чужом языке.

Будучи глубоко убежден, что важным инструментом воспитания гражданственности, настоящего патриотизма, интернационализма было и остается воспитание историей, а не переписывать историю, ни подчищать ее нельзя, автор данной работы стремился говорить об истории и литературе первой половины XIX века взвешенно, с возможной полнотой.

При этом считаем необходимым помянуть с благоговением имя нашего непосредственного предшественника. В работе • «Арабоязычная литература народов Дагестана» использован в

основном материал «Антологии арабоязычной поэзии народов Дагестана», принадлежащей перу незабвенного Мансура Гайдарбекова, на которую мы неоднократно ссылаемся. Подвергнуты анализу дополнительно и произведения писателей, обнаруженные нами в других источниках.

Знакомя мир впервые с образцами арабоязычной поэзии Дагестана и их подстрочными переводами на русском языке, а также сопровождая их довольно подробными биографиями их авторов, Гайдарбеков заслужил благодарную память о себе.

В литературоведческой практике высококлассного знатока арабского языка и ценителя изящной словесности Мансура Гай- дарбекова все же превалировал идейно-тематический анализ. В данном же исследовании впервые в летописи дагестанского литературоведения рассматривается глубокий качественный сдвиг, происшедший в художественном слове Дагестана за каких-нибудь 25-50 лет под воздействием народно-освободительного движения Страны гор и Чечни: литература из духовной переросла в светскую - в настоящую, художественную. Она вызвала к жизни дальнейший рост национальных литератур на родных языках и была по эстетическому

уровню не ниже самой, современной ей арабской литературы.

Все эти проблемы подняты в предлагаемой монографии, которая, конечно же, не претендует на полноту осуществления замысла.

«Арабоязычная литература народов Дагестана 1-й полови- ны XIX в.» около десяти лет не раз обсуждалась на заседаниях отдела литературы Института языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН, была объектом внимания ученого совета Института, выдержала конкурс РАН за 1994 год на подготовку к изданию как фундаментальное исследование. Некоторые основные положения труда опубликованы в журнале «Филологические науки» (М., 1990. No 3), в тезисах докладов Всесоюзной научной конференции «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.» Махачкала, 1989.

Автор глубоко благодарен за ценные советы членам отдела литературы, ученого совета Института языка, литературы и искусства, покойному М.-С. Саидову, а также востоковедам А. Р. Шихсаидову, Х. Омарову, Н. Нурмагомедову, рецензентам М. М. Садыки и М.-С.

Магомедову.

25 мая 1995 г. Махачкала

ВВЕДЕНИЕ

В 1868 году в печати появилось знаменитое высказывание: «О горской литературе не может быть и речи, потому что горцы теперь только начинают заучивать литеры. Словес- ность имеет много знаменательное значение. Поэзией нельзя назвать того, в чем, быть может, не отыщется никакой поэзии или отыщется ее сокрушительно-малая толика, золотник золота на сто пудов песку, - в чем не моя вина».

Слова эти шли вразрез с высоким мнением В. Г. Белин- ского, Л. Н. Толстого, А. А. Фета и других о фольклоре гор- цев. Передовые люди России увидели в народно-поэтическом творчестве народов Кавказа образцы подлинной поэзии. Европоцентризм и ложное представление о низкой сортности поэзии силлабического склада, бытовавшее в то время в науке, помешали П. К. Услару присмотреться к предмету исследова- ния более внимательно. О

несостоятельности приведенного утверждения не раз говорилось в предшествовавших работах Дагестанских литературоведов. Более того, усилиями послед-| них выявлено множество произведений художественной ли- тературы аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин, табасаранцев, созданных на их языках в XVII-XIX веках. Наряду с этим еще задолго до времени высказывания Услара горцы создали еще и литературу на арабском языке, отмеченную печатью непреходящей значимости.

И все же положение Услара о том, что в жизни горцев в прошлом, и скажем мы - до Октябрьской революции, не было письменности, находило отклик у части интеллигенции советского Дагестана. «У дагестанских народов не имелось своей письменности», - писала всерьез известный фольклорист У. Б. Далгат во вступительной статье к поэтической антологии «Нашлись люди, которые осмеливаются утверждать, что у нас, у дагестанцев, до революции не было письменности», - говорил в наши дни Расул Гамзатов. «В Стране гор народы... не имели своей письменности... трудно было найти грамотного человека...»3, пишут весьма компетентные в вопросах истории Дагестана люди.

По логике вещей, раз не было письменности, не было и литературы, без письменности не могло быть и литературы. «До Октябрьской революции наша литература состояла из незначительных произведений о любви, мелких религиозных стихов, из сказок» 4, констатировал известный дагестанский филолог А. Шамхалов в 1932 году.

Естественно, что творения невысокого, по мысли ценителей вульгарно-социологического толка, художественного сознания, представляющие культурное наследие народов дореволюционного Дагестана, не могли считаться полезными в строительстве социализма.

Если произведения, созданные в прошлом на родных языках, огульно считались вредными, из-под чьего бы пера они не вышли, само собой ясно, что о принятии арабоязычного наследия, творцами которого могли быть только «реакционные» муллы и кадии, речи быть не могло.

Совсем недавно, после того как по стране промчалось столько очистительных ветров, опровергая справедливое суждение Г. Б. Мусахановой, высказанное ею в «Очерках кумыкской

дореволюционной литературы» (1959) относительно того, что «зачатки дагестанской поэзии, в том числе и кумыкской, были ограничены религиозно-дидактическими рамками, так как первыми поэтами выступали ученые-арабисты», К. Д. Султанов возвещал тоном, не допускающим возражения: «Нет ничего удивительного в том, что ученые-арабисты «смело и безбоязненно отдавали свое имя на позор» (слова В. Г. Белинского о современных ему бездарных стихотворцах. 4. Г.), считая себя творцами поэзии, если даже в наше время их называют «первыми поэтами».

Да, они умели сочинять довольно-таки гладкие и благозвучные стихшки, тем не менее, они не были не только «первыми», но и вообще какими-либо поэтами. Полностью оторванные от народной жизни, пытавшиеся насильственно насаждать чуждую народу религиозную литературу, они свысока относились к родному языку, родной литературе»

И далее: «Нет, ученые-арабисты кумыкского происхождения не в состоянии были стать поэтами...» По словам критика, они, оказывается, были способны лишь «щебетать по-птичьи мелодические звуки», а не «мыслить поэтическими образами». Ни какой-либо

конкретной исторической обстановки, ни личности какого-либо поэта. Все чохом объявляются жившими вне времени, вне конкретного классового антуража, оторванными от народа, чуждыми его интересами. Не наши - и все тут. Позиция воинствующего вульгарно-нигилиста социологического толка - иначе и не скажешь.

Заявления о том, что до революции народы Дагестана не имели своей письменности, о неприемлемости для нас твор- чества некоторых поэтов прошлого, в особенности арабистов, опровергнуты в ряде работ дагестанских ученых, в частности, в статье А.Г. Агаева «Насущные проблемы истории культуры народов Дагестана» 7, в упомянутых выше «Очерках кумык-ской дореволюционной литературы» (1959) Г. Б. Мусаханова- вой, «Очерках лакской дореволюционной литературы» (1960) 5. Ю. Кассиева, «Очерках аварской литературы» (1961) Б.М. Магомедова, «Очерках даргинской дореволюционной литера- туры» (1963) Ф. О. Абакаровой, в работе «Формирование лезгинской национальной литературы» (1970) Ф. И. Вагабовой, в книгах Г. Г. Гамзатова: «Формирование многонациональной литературной системы В дореволюционном Дагестане» (1978), «Литература

народов Дагестана дооктябрьского периода» (1982).

И, наконец, в результате трудов А. А. Каяева, И. Ю. Крачковского, М.-С. Дж. Саидова, А. Н. Генко, А. М. Барабанова, Л. И. Лаврова, А. Р. Шихсаидова и др. выявлено, отчас- ти изучено, оценено относительно древнее арабоязычное на- следие народов Дагестана, имеющее для региона великое зна-

чение.

Можно было бы не ворошить старое, ограничиться сделанным предшественниками, если бы кто-либо из предшественников разобрался в причинах появляющихся время от времени рецидивов национального нигилизма, если бы про-леткультовско-рапповские взгляды, о которых речь еще впереди, все еще не мешали воспроизвести подлинную историю литературы народов Дагестана во всем ее богатстве, многообразии, со всеми обретениями и потерями, не скрывая пути ее противоречивого развития.

Далее, никто из заявлявших о письменности не обосновал свое утверждение научно, не выдвинул критерия, по которому можно было бы установить, письменность это или нет.

По единодушному определению высококвалифицированных авторов четырехтомного (1959. Т. III. С. 176) и семнадцатитомный (1959. Т. 9. С. 1242) словарей русского языка, с мнением которых невозможно не считаться, термин письмен- ность обнимает два понятия: 1) систему графических знаков, употребляемых для писания; 2) совокупность письменных литературных памятников какого-либо периода, эпохи, народа.

Несколько расширяя сказанное применительно к нашей многоязыковой действительности, кажется, можно утверждать, что письменность систематизированная сумма зна- ков, отражающих в той или иной степени фонетику данного языка, при помощи которых одни сообщают, другие понима- ют нужную информацию, обмениваются мыслями, общаются друг с другом. Именно на этой основе наши предки создали свою письменность, приспособив арабский алфавит к своей речи, и таким способом оставили нам значительное количест- по памятников литературы. Ряд из них уже запечатлен типографским способом еще до революции. Вдобавок к этому еще • VIII века они сообщали о себе и времени своем, о делах своих не только своим сородичам

современникам, но и соседям, всему мусульманскому миру в эпиграфике, исторических хрониках, письмах и поэзии на арабском языке.

Разве случайно, что известный арабист И. М. Фильштинский, ссылаясь на упомянутый доклад М.-С. Д. Саидова утверждает: «...дагестанская литература XVI-XIX вв. на арабском языке испытывает общее влияние средневековой арабской литературы, всеми своими корнями она связана с историей и культурой Дагестана и, таким образом, по существу составляла духовное наследие народов Дагестана, лишь поль-новавшихся арабским языком на определенной стадии исторического развития»?

После всего сказанного как можно не считать нашей письменностью, не принимать за наше национальное достояние культурное наследие, созданное нашими народами в прошлом как на родных, так и на арабском языках!

Причины принижения уровня художественного сознания горцев со стороны шовинистов или ошибавшихся честных ученых и деятелей искусства прошлого очевидна: третирование ими малых народов и их гения с позиций европоцентризма исходило из

буржуазного национализма. Тут картина прозрачна: домыслы националистов и европоцентризм нам чужды, и мы их отвергли, вклад же добросовестных буржуазных ученых в изучение истории и культуры нашего народа мы принимаем с благодарностью, и он служит нам.

Куда труднее усмотреть порой неверные утверждения в докладах, статьях и книгах в контексте верных в целом суж- дений их авторов. Тем более, если высказывания принадлежат известным авторитетам. К примеру, обратимся к следующему высказыванию: «В те (двадцатые - А. Г.) годы Тахо-Годи - критик решительно развенчал идеологию ислама со всеми ее атрибутами. Не только тогда, но и позже (вплоть до наших дней!) встречались ревнители арабской религиозной схоластики, «утверждавшие» цивилизаторскую роль арабского языка в Дагестане. Аргументированно полемизируя с ни- ми, А. А. Тахо-Годи приходил к противоположным выводам. «Арабы, писал Тахо-Годи, принесли в Дагестан три ин- ститута всей жизни: арабский язык, шариат и ислам. Между этими установлениями и теми, которые имелись у самих дагестанцев, завязалась ожесточенная борьба. Адат местное обычное право -

вступил в борьбу с шариатом, язычество - с с арабским» исламом и местные языки

А. А. Тахо-Годи не признавал за арабским языком в Дагестане тех заслуг, которые приписывали ему, да и сейчас приписывают его запоздалые поклонники. Более того - А. А. Тахо-Годи считал, что завоеванные им (арабским языком. - К.С.) позиции были достаточны, чтобы на сотни лет затормозить хозяйственное, а следовательно и культурное развитие горских народов Дагестана» 10. Опровергая ложное мнение о прогрессивной роли арабского языка в Дагестане, А. А. Тахо- Годи указывал, что «духовенство особенно культивировало язык Корана, укрепляя в массах вместе с ним и религиозный фанатизм» 11. Он задавал резонный вопрос: «Какой может быть культурно-хозяйственный прогресс у народа, который лишен возможности пользоваться культурно-хозяйственным опытом других, более передовых народов? А арабизм добился этого в Дагестане, раскидав по всему Дагестану монопольные школы на арабском языке - школы по изучению Корана».

Как оценить это заявление известного революционера, признанного деятеля в области народного образования А. А. Тахо-Годи, сделанное в конце 20-х годов (XX

столетия. Ред.) и приведенное современным критиком как безусловно верное суждение и на сегодняшний день?

В конце 20-х - начале 30-х годов XX века в Дагестане, как и во всей стране, шла ломка привычного уклада жизни. Серьезным тормозом, мешавшим осуществлению невиданной в горах культурной революции, была мусульманская религия, исповедуемая населением. Нужно было ее развенчать, открыть народным массам глаза, повернуть их лицом к великим задачам дня, к их светлому будущему. В этом справедливый пафос статей А. А. Тахо-Годи. И они сыграли свою положительную роль, выполнили социальный заказ.

Вместе с тем в тезисах А. А. Тахо-Годи отрицается начисто так называемая мусульманская культура огромный вклад народов Востока в мировую цивилизацию приравнен к исламу, объявляется однозначно реакционным по выполненной роли арабский язык, на котором создана величайшая литература, язык научных трудов Ибн Халила, Сибавайхи, ал- Фараби, Ибн Сины, Бируни, Хорезми, Ибн Халдуна. Памятники свидетельствуют, что наши

предки не были отгорожены от всего этого, приобщались к нему, пользовались им в меру возможностей. Вряд ли правомерно то всесилие, приписываемое А. А. Тахо-Годи мусульманской религии, из-за которого и через арабский язык на сотни лет было заторможено хозяйственное и культурное развитие горских народов. Да и хозяйственный опыт других народов горцы отлично перенимали, не спросясь у духовенства.

Если инерция 20-30-х годов XX века жива еще в умах современной интеллигенции и все, что написано справа налево кое-кем воспринимается как безнадежно реакционная тео- логия, есть настоятельная необходимость расставить акценты, определить наши исходные позиции по вопросам религии, о роли и значении духовной литературы в становлении и развитии искусства слова народов Дагестана.

Дагестан вплоть до середины XIX века многим напоминал средневековую Европу доренессансного периода (феодальный гнет, борьба социальных низов против этого, невежество подавляющего большинства населения, сильное влияние религии на него). А как

отметил Ф. Энгельс в «Крестьянской войне в Германии», «революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания». И далее «Средние века, - пишет Ф. Энгельс, - присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение было вынуждено принимать теологическую форму. Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде».

Точно так же и в Стране гор религия подчинила себе науку, политику, юриспруденцию. И борьба против феодализма протекала как в форме мистики, открытой ереси, так и в виде ряда вооруженных восстаний.

Наиболее яркое сочета- другого проявилось освободительном движении горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х годов XIX века, ибо суфизм (тарикат), которым руководствовались и вожди этого движения, объявившие беспощадную войну феодальному классу,

— ничто иное как мистика, открытая ересь.

В теологические одежды облекались позже и идеи национально-освободительного движения, идеи прогресса и борьбы против царизма и буржуазии.

Другой вопрос принципиального значения, вытекающий из первого - отношение к деятелям науки и культуры прошлого. Кто они? Муллы, кадии, царедворцы или ученые, поэты?

Ошибочен взгляд тех, кто считает, что деятели прошлого должны были быть безупречно и последовательно прогрессивными, чтобы признать их деятельность и наследие полез- ными для последующих поколений. Получается, невозможно сочетать в одном лице сан поэта, историка и советника местного князька, муллы, кадия. И если он выходец из знатной семьи, то вовсе нежелательно, чтобы он был предметом исследования.

«Не следует только впадать в то ограниченное представление, - писал К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», — будто мелкая буржуазия стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что специальные (курсив К. Маркса. - А. Г.) условия ее освобождения суть в то же время те общие

(курсив К. Маркса. - А. Г.) условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равным образом не следует думать, что все представители демократии лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между политическими и литературными представителями (курсив К. Маркса. -А. Г.) класса и тем классом, который они представляют»

Следовательно, интересы крестьян, народных низов мог ли представлять и действительно представляли не раз в прошлом не только сами крестьяне, но и духовные лица и выходцы из привилегированного класса.

Разумеется, нелегко разобраться в конкретных

проявле ниях того самого великого закона движения истории, о котором Ф. Энгельс писал в «Предисловии к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «Именно Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон по которому всякая историческая борьба совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обусловливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена».

Правомерно ли рассматривать идеологическую борьбу общественных классов только в политике, отрывая и игнорируя ее разновидность в религиозной? Справедливо ли после этого замалчивать вклад того или иного деятеля в развитие общественной мысли?

В своей работе «К характеристике экономического романтизма» В. И. Ленин писал: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями,

а потому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками» Этим руководствовался В. И. Ленин в оценке деятельности выдающихся личностей. В частности, объясняя противоречия во взглядах Л. Н. Толстого, он писал, что «противоречия во взглядах Толстого надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеливания масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней»

Не так-то просто определить эти исторические заслуги Деятелей Дагестана в силу ярко выраженного своеобразия действительности. Вопреки утверждению К. Д. Султанова в процитированной выше книге о том, что горцы не религиозны, власть ислама над их умами длилась вплоть до 20-х годов XX столетия.

Процесс секуляризации, т.е. постепенного падения влияния религии, высвобождения из под ее контроля различных сторон общественной и личной жизни, получавший в Европе все большее развитие с эпохи Возрождения, в Дагестане зародился лишь на стыке

XIX-XX веков. Дагестан не знал ни ужасов инквизиции, ни Ренессанса с гигантами мысли, ни роста капитализма до империализма в классических формах, ни крушения феодализма.

Будучи приверженцем марксистско-ленинского взгляда на религию, не могу молчать и о том, что она в противовес сказанному впереди, играла и колоссальную положительную роль в общественной жизни. У нас в Дагестане культурными центрами в аулах были только мечети, и примечетские школы, а грамоту и знания среди населения распространяли образованные духовные лица. Они является авторами эпиграфиче- ских памятников, исторических хроник, создателями духов- ной литературы. Вопросы жизни и смерти села, района, наро- да решались в мечетях при полном стечении общественности.

Авторитетные духовные лица поднимали народ на борьбу против иноземных захватчиков, благословляли воинов на патриотические подвиги. Попробовали бы сыграть свадьбу без брачного благословения муллы. Не обходились без компетентного решения кадия (судьи) при разводах и во всех случаях раздела имущества. Они утешали народ в горе, ссылаясь на судьбу и волю всевышнего, воодушевляли его в годы

безвременья.

Страх перед Богом, внушаемый духовенством, останавливал многих перед проступком. Правители совершили бы злодеяний гораздо больше, если бы их влиятельные советники не соответствовали им отказаться от многих богопротивных поступков.

В условиях причудливого переплетения разных укладов жизни, до феодальных, феодальных и зарождавшихся позже капиталистических отношений, религия в Дагестане сколько- либо серьезного противника в общественной мысли не имела.

Драматизм борьбы между религиозными и прогрессивными идеями стал нарастать ко времени Великой Октябрьской Социалистической революции.

Потому все передовые мысли, даже пропаганду достижений науки и техники, лучшие люди (к примеру, Али Каяев, Абу-Суфьян Акаев и др.) начинали опираясь на ислам, доказывая, что передовые новшества не противоречат принципам Магометанского вероисповедания.

Таким образом, поскольку национально-освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х годов XIX века

происходило под религиозными лозунгами, возглавляли его духовные лица, а объектом изучения является арабоязычная литература названных народов этого сложного периода, то следует сказать о месте ислама в жизни горцев вообще и в развитии литературы в частности, отчасти повторяя предшественников.

Ислам, как и всякая религия, рассматривается не только как «опиум для народа». На данном этапе истории Дагестана протест против феодального гнета и колонизации края вился как в ереси (тарикат), так и в открытой вооруженной борьбе народных масс.

Интересы народа, прогрессивные идеи выражали не только крестьяне, но и выходцы из феодалов, часть духовенства. При этом следует избегать как преувеличения роли передовых деятелей, их идеализации, так и замалчивания объективно правильных мыслей людей в общем консервативных убеждений.

Задача, которую автор данной работы взял на себя, - рассмотреть в этом свете историю идейно-художественных сдви- тов, происходивших в арабоязычной литературе народов Дагестана, показать, как духовная литература с признаками

средневековья перерастала в светскую, как в результате борьбы сторон прогрессивные, демократические начала росли и усиливались.

Вот те методологические позиции, из которых исходил автор в дальнейшей работе.

ДАГЕСТАН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА И ЕГО АРАБОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА. СВОЕОБРАЗИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ. ОТРАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СДВИГИ В ЕЕ РАЗВИТИИ

В памяти народов Дагестана еще свежи были ужасы на- шествия полчищ Надир-шаха (1688-1747), а в 90-е годы XVIII века над Кавказом, не переставшим быть объектом вожде- лений правителей Ирана и Турции, снова нависла угроза нового вторжения орд Ага-Мухаммед-хана Каджара (1742- 1797). Эта и другие попытки Ирана и Турции утвердиться на Кавказе и покарать непослушных горцев были пресечены действиями русских войск и их дружелюбным отношением к местному населению.

Не случайными были неоднократные обращения феодальных владетелей Азербайджана и Дагестана к

России с просьбой о принятии их в русское подданство. Тому были серьезные причины. На протяжении XVI столетия народы Кавказа совместно выступали против иранской и турецкой агрессии, оказывали друг другу посильную поддержку. Лучшие люди - Дагестана Дамадан Мегебский (ум. в 1718 г.), Да- вуд Усишинский (ум. в 1757 г.) и др. - проповедовали несовместимость феодальных набегов со стороны их земляков на христианскую Грузию ни с человеческой совестью, ни с догмами ислама.

Будучи заинтересованной в налаживании политических и экономических связей с феодальными владетелями Дагестана и Закавказья, Россия сыграла важную роль в прекращении Феодальных междоусобиц между владетелями Дагестана, Грузии и Азербайджана. В 1776 году по инициативе России и с участием русского майора Фромгольдта были созваны съезды владетелей Дагестана и Азербайджана, где на повестке дня стая именно этот вопрос. Было предотвращено и выступление феодалов Дагестана против Грузии.

Воины аварского Умма-хана сорвали его поход в Грузию. Дагестанцы отвергли заманчивые предложения Турции присоединиться к ее армии,

совершить набег на Грузию и поддержали Ираклия II во время его борьбы с Турцией. А в 1790 ду дагестанские и кабардинские отряды активно участвовали- в боевых действиях русских войск против 30-тысячной армии Батал-паши, двинувшейся на Кавказ.

Павел I в рескрипте от 5 января 1797 года главнокомандующему на Кавказе генералу Гудовичу велел: «...народы горские... удерживать в кротости и повиновении ласкою, отвращая от них все, что служит к их притеснению или отяго- щению.... мы ни в образ их правления мешаться, ниже от них дани или иные повинности, кроме верности единой к нам, требовать не намерены».

И далее русскому командованию было предписано не предпринимать действия, которые бы могли вызвать возмущение горцев; правительство не вмешивалось во внутренние дела Дагестана, не было намерено покорять край оружием, обещало покровительствовать в торговле народов Кавказа с Россией. Естественно, что в этих условиях не могла не усили- ваться ориентация народов данного региона на Россию.

Согласно Ясскому мирному договору, Турция подтвердила условия Кучук-Кайнаджирского договора

(1774), при- нала присоединение к России Кубани, Крыма, территории между Бугом и Днестром, Черноморского побережья, отказалась от притязаний на Грузию.

На Кавказе наступили годы долгожданной мирной жизни.

Население края, которое вынесло из событий XVIII века сознание единства интересов всех народов Кавказа, в резуль- материальных издержек, гибели трудоспособной части муж- тате постоянных войн, походов, разорения аулов, непомерных чин, было доведено до грани нищеты. Перед ним теперь, в начале XIX века открылась перспектива спокойной жизни «за гранью русских штыков». Происходит удивительно ярко выраженное переплетение событий, столкновение противоречивых национальных и классовых интересов.

Расширяя сферу своего влияния, укрепляя свои южные границы, обеспечивая безопасность торговли с Востоком, царизм вместе с тем стремился восстановить пошатнувшуюся ориентацию феодалов региона на Россию. Народы же Кавка- за, идя навстречу этому, преследовали свои классовые

интересы: феодалы добивались укрепления своих внутренних и внешних позиций, а трудящиеся рассчитывали на защиту от иноземных вторжений, от междоусобиц, на облегчение феодального гнета. Последовавшие за этим события, войны Ирана и Турции против России, выступления дагестанцев на стороне последней показали серьезность этих намерений. «Подготовленное всем ходом русско-дагестанских отношений и оформленное Гюлистанским договором (сентябрь 1813 г. - А. Г.) вхождение Дагестана в многонациональное централизованное русское государство было единственно возможным путем для обеспечения внешней безопасности, ликвидации экономической и политической раздробленности, для выхода из застойного положения, в котором пребывали народы Дагестана на протяжении многих веков».

Однако захватническая природа царизма проявилась, как только он вышел победителем из войн с наполеоновской Францией, Ираном и Турцией. Намерение «покорить» край силой, подготовка к этому и последовавшие военные действия вызвали многозначные явления и повлекли за собой далеко идущие последствия. Часть феодалов, видя в акциях вое- начальников царизма ограничение их

политической власти над подвластным населением, начала оказывать сопротивление.

Как известно, по признанию даже самого А. П. Ермолова (письмо к Воронцову от 24 февраля 1817 г.), ханства в Дагестане форма самого дикого правления. «Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием, писал он. Управление ханами есть изобретение первоначального образования общества. Вот образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничтожающих человечество».

Однако поддержанная пока царизмом финансами и военной силой другая часть феодалов усилила гнет над подданными, увеличила размеры податей, отняла общественные земли. Единовременные контрибуции с восставших, тяжелые подати деньгами, продуктами, скотом с усмиренных, кольцо блокады вокруг Дагестана и непокорных районов, рассчитанное на измор населения, вызвали резкое недовольство горцев царизмом и местными феодалами. Не могла не испытывать к ним враждебного отношения и часть мусульманского духовенства и феодалов, отстраненная от власти.

К сожалению, события эти, вопреки многолетним

усилиям ученых страны и Дагестана по их подлинно научному осмыслению, нашли грубо фальсифицированное отражение.

По безапелляционному заявлению писателя В. С. Пикуля <<на Кавказе по воле Шамиля лилась русская кровь, и не только русская: в первую очередь страдали горские народы, которые сами не знали, как им избавиться от религиозной диктатуры Шамиля и его кровожадных мюридов... для меня он прежде всего сатрап-фанатик».

В статье <<Кавказская война: социальные истоки, сущность»* М. М. Блиев не случайно не ссылается ни разу на «Очерки истории Дагестана» (1957), на четырехтомную «Ис торию Дагестана» (1967, 1968), где подробно и с глубоким знанием проблемы научно добросовестно изложены факты, сделаны вытекающие из них выводы — и обоснованно называется то социальное явление, о котором шла речь, национально-освободительным движением. Зато автор обильно ссылается на дореволюционных историков буржуазно- монархистского толка, без классово-критического подхода к ним. Отсюда у него и название: «Кавказская война». Причем, выдергивает выгодные для его ложной концепции цитаты и порой

явно извращает их. К примеру, полковник Руновский говорит, что Шамиль отменил звание ханов, беков, «стер это звание на целых 25 лет и объявил свободными тех из принадлежащих им крестьян, которые составляли население какой- либо местности... Вместо прежних условий крепостного быта, по которым весь труд крестьянина принадлежал помещику, распоряжавшемуся в его доме как в своем собственном, освобожденные рабы были обложены такой же податью в пользу общественной казны, какую платило население целого края» (Курсив мой. - А. Г.).

Такое освобождение крестьян, уравнение рабов со свободными вот в каком превратном плане изображается М. М. Блиевым: «Узденская «верхушка теснила ханов, беков, уцмиев - «феодалов-конкурентов» - для беспрепятственного установления в последующем господства над «освобожденным» крестьянством. Так поступил, например, Шамиль, когда он, «освободив» крестьян ряда сел, расположенных по соседству с Хунзахом и находившихся в собственности аварских ханов, передал их новой знати. В результате «освобожденные рабы были обложены такой же точно податью в пользу общественной казны, какую ранее платило население

целого края».

Причиной «Кавказской войны», считает автор, явился не ход предшествовавших исторических событий, а столкновение Гази-муллы с царскими войсками поход 1830 года в Гимры. Такую «мелочь», конечно, как походы Цицианова, Мадатова, суровые мероприятия генерала Ермолова, установленная им блокада горцев, обрекавшая их на голодную смерть и заставившая их взяться за оружие, историк во внимание не берет. По М. М. Блиеву, Кавказская «война «выросла» из системы экспансии, восходившей к концу XVII в.».

Формирование феодальной собственности и феодальной знати М. М. Блиев связывает не с внутренними сдвигами, происходившими веками в самих горных обществах, а с длительно якобы господствовавшей системой экспансии этих обществ, к тому же эта экспансия проповедовалась религией издавна и во время <<Кавказской войны». По этой странной концепции, выходит, Гази-Магомед и его сподвижники, объявившие «бой» адатам, и, возглавив движение крестьян в их интересах, ис- требившие хунзахских ханов, отменившие ханства и в других

районах Дагестана за насилия ханов над народом, за их процаристскую политику, оказывается, по воле М. М. Блиева, «выражали интересы родовой знати, тяготеющей к феодальной собственности или уже имевшей ее».

Что касается роли ислама во всем этом, у нас пока нет сведений, материалов о том, что религиозные деятели поощряли набеги за пределы Дагестана. Осуществление же руководства национально-освободительным движением горцев религиозными деятелями и под религиозными лозунгами ослабляло то движение, затемняло сознание народных масс. К сожалению, у М. М. Блиева речь не об этом.

Помимо всего сказанного, игнорируя факты и данные науки, М. М. Блиев архаизирует ступень общественного развития горцев в первой половине XIX века, относя ее к героическому периоду доисторических времен.

Между тем, во множестве работ, ознакомиться с которы- ми М. М. Блиев не удосужился, становление феодализма Дагестане установлено с V века нашей эры. Приведенные в этих исследованиях факты и

данные подтверждают дальнейшее развитие этой формации в следующие века.

В книге «Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России» (М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 132), выпущенной торстве с Н. С. Киняпиной, М. М. Блиевым и В. В. Дегоевым, последний пишет: «Ее (по выражению М. М. Блиева и В. В. Дегоева, Кавказской войны. - А. Г.) причины, как представляется, кроються прежде всего в особенностях социально-экономического строя горских обществ Северного Кавказа, находившихся в XIX в. на разных уровнях развития. Политика царизма, также влиявшая на движение горцев, была внешним фактором, осложняющим события».

Ссылка В. В. Дегоева на критикуемую статью М. М. Блиева и отсутствие возражения последнего говорят о том, что оба они отстаивают ошибочные положения, содержащие- ся в той статье. И не только на наш взгляд. В частности, В. П. Невская в статье «Проблемы сельской общины у горских народов Северного Кавказа в советском кавказоведении»: «Нельзя согласиться с мнением М. М. Блиева, который на первое место ставит военную функцию сельской общины, организацию набегов, считая ее более важной, чем хозяйственная.

ная. Это не только не подтверждается историческим и этнографическим материалом, но и противоречит ему»

Дело в том, что в связи со столкновением захватнических интересов Англии и России на Ближнем Востоке и Средней Азии, роль Кавказа в международных делах в первой половине XIX века стала резко возрастать. И царизм, стремясь завершить завоевание этого края обезопасить свои южные границы, упреждал Англию, лишая возможности превратить регион, как и Среднюю Азию, в ее колонию.

Статья М. М. Блиева вызвала бурю возмущения среди ученых в свое время, и по сей день она продолжает вызывать обоснованно справедливые возражения". И, пожалуй, наиболее квалифицированным ответом на нее я бы счел только что приведенное в ссылке исследование Б. Х. Ортабаева и Ф. В. Тотоева. И, наконец, в только что появившейся на свет (1989) «Истории народов Северного Кавказа (Конец XVIII - 1917 г.)» в главах IV-V движение это названо освободительным, борьбой антифеодальной, антиколониальной и ее происхождение, природа и последствия охарактеризованы исчерпывающе.

Отводя критику М. М. Блиева в адрес национально-освободительного движения горцев 20-50-х годов XIX века, мы не скрываем, что затянувшееся, пусть героическое, сопротивление царизму, будучи бесперспективным, объективно держало развитие производительных сил Дагестана сословий, на некоторое время. Но вместе с тем уничтожение феодалов, отмена сословий, уравнение их в правах, научило народ бороться за свою судьбу, вселило страх в его угнетателей.

К тому же по сравнению с ханствами, которых уничтожающе, но предельно точно, справедливо охарактеризовал в приведенной Выше цитате А. П. Ермолов, военно- теократическое государство, созданное Шамилем, при всех его недостатках было значительным шагом вперед в развитии теории и практики государственности, лучшей формой правления в условиях тогдашнего Дагестана.

Если в небольших (территориально) ханствах царил произвол их правителей, обладавших неограниченной властью, а адаты были приспособлены к защите их интересов, то сравнительно крупный по территории, многочисленности и разнообразию входящих в него народов имамат был централизованным и

относительно демократическим государством с единой властью. «Вся полнота власти в имамате юридически принадлежала совету- диван-хане во главе с Шамилем. Но многие вопросы имам решил единолично, хотя для рассмотрения наиболее важных дел созывались съезды наибов, алимов и т.д.».

Для искоренения самоуправления и насилия, водворения в крае порядка и справедливости, Шамиль провел ряд мероприятий, издал законы, ограничивающие власть чиновников, определяющие обязанности всех членов общества. Государственный совет в составе 32 человек собирался ежедневно для рассмотрения текущих вопросов управления. На заседаниях этого совета и на съездах алимов и наибов рассматривались решения Тайного совета по особо важным делам. Функционировали ревизоры, отделы по налоговым, военным делам, общественного порядка, по надзору за соблюдением шариата и судебным делам. «На дальнейшем этапе развития освободительной войны при Государственном совете были учреждены отделы по покровительству науке и ученым и по делам христиан, покровительству их и веротерпимости»

Итак, недовольство населения края в 20-50-е годы XIX

века существующим порядком вещей вылилось в антифеодальное национально-освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа. По стечению обстоятельств движе- ние это возглавило духовенство, назвавшее себя последовате- лем суфийского ордена «Накшбандие», что наложило печать своеобразия и на ход дальнейших событий, и на литературу этого периода. Потому есть надобность осветить вопрос несколько подробнее.

По сообщению весьма компетентного арабиста и кавка- зоведа Магомед-Саида Джамалуддиновича Саидова, суфизм в Дагестан проник довольно рано. Уже «в XI веке Абу Бакр Мухаммед б. Муса б. ал-Фарадж Дербентский написал книгу о суфизме и суфиях «Рейхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик» («Базилик истин и сад тонкостей»)14. Далее Саидов приводит целый список трудов дагестанских суфиев об этом мистиче- ском учении. Добавим к сказанному Саидовым, что пока была социальная почва в Дагестане, суфизм был живуч. Об этом свидетельствует история хотя бы лакской дореволюционной поэзии. Омахан Качаев создает в 1877-1885 гг. в ссылке в Усмани (нынешняя Липецкая область) высокохудожественный сборник лирических стихотворений суфийского толка «Диван Дервиша».

В лирике Маллея Балхарского, например, в стихотворении «Смотри, какова страсть красавицы» явственны мотивы суфизма. Систему взглядов суфизма изложил в целости в стихотворном трактате на лакском языке в начале XX века перешедший на сторону революции и большевиков и сделавший немало для них, Сайфуллах Башларов.

Мюридизм, распространившийся в Дагестане В первой половине XIX века, был явлением, возникшим на местной социально-экономической почве. Потому он в некоторых чертах и отличался от суфизма, бытовавшего на Ближнем Востоке как и в Средней Азии.

Зародившееся в VIII веке в Аравии (Сирия и Ирак) реакция социальных низов на неправые порядки в Халифате, на роскошь привилегированных слоев общества, мистическое течение суфизм распространилось позже по всему мусульманскому миру. Основоположниками учения суфизма считаются Зу-н-Нун ал-Мисри - (IX в.) и багдадец Абу Абдаллах ал-Мухасиби. Ал-Мухасиби - автор теории самонаблюдения над соотношением поступков человека и его сокровенных намерений, их чистота и

соответствие считалось высшим критерием служения Богу. Своим острием эта теория была направлена против ханжества и показного благочестия официального духовенства. Согласно учению багдадского старца Джунайда (ум. в 909 г.), суфий может достигнуть своего мистического растворения в Боге («Фана» исчезновение, гибель, небытие) и приобрести «сверхбытие» («бака» - вечность) в абсолюте. Суфизмом принято предложенное Джунайдом три этапа сближения аскета с Богом: первый - «шари- общемусульманский религиозный закон, второй - суфийский путь «тарикат» - соблюдение ряда правил поведения, третий «хакикат» мистическое постижение истины в Боге. В XI веке «тарикат» складывается в стройную и законченную систему, появляются своеобразные монастыри (хана- ка), ордена с традициями передачи руководства ими от основателя к старцам по цепи.

На пренебрежительное отношение суфиев к представителям ортодоксального ислама последние отвечали тем же, опровергали их доводы и порой весьма доказательно. Вот, например, как обосновывается несостоятельность суфийских утверждений о якобы аллегоричности, символичности

содержания аятов Корана, о скрытом в них другом смысле: Знайте, что религия великого Аллаха ясна. В ней нет ничего скрытого, и она открыта, в ней нет секрета, вся она - доказательство... Не верьте всему и не подчиняйтесь недоказуемому. Кто бы ни заявлял, что в религии имеется секрет — это спорно и беспочвенно.

Знайте, что посланник Аллаха, да благословит его Всевышний, не скрыл от краснокожего, чернокожего, овцепасов ничего из того, что сообщил о правильном пути шариата самому близкому человеку, своей супруге или дочери, дяде, двоюродному брату или товарищу. И у него, да благословит его Аллах, не было ни секрета, ни символа, ни скрытого (букв.: внутреннего. - А. Г.). Кроме того, к чему призывал весь народ. Если бы он скрывал что-нибудь от народа, выходило бы, что он не довел до народа то, что было возложено на писал Ибн Хазм (994-1063) в книге «Ал-фисал фи- л-милал ва-л-Ахваи ва-н-Нихали» (Каир, 1908. Т. 2. С. 116).

Двенадцати Вековая история суфизма показывает, что его ордена порой проявляли себя отнюдь не смиренными организациями, а их члены подвижниками, отрешившимися от мирских дел. Они

участвовали в «священных войнах против неверных» (джихад). Суфийские шейхи - вожди народно-освободительного движения в Иране и Средней Азии в XIV веке против монголо-тюркской кочевой знати халифе (уб. в 1335 г.), Веджих ад-дин Масуди, Хасан Джури проповедовали идею народного восстания против властей, возглавили само это справедливое движение сербедаров. И его наиболее радикальное левое крыло, с которым вынуждены бывали считать-ся эмиры из мелких землевладельцев, руководившие воору- женными переворотами, представляли дервиши ордена Джу- ри, защищавшие интересы беднейших крестьян и ремесленНиков и опиравшиеся на них.

Суфийские военные формирования привели к власти династию Сефевидов в Иране (нач. XVI в.). Боясь влияния суфизма, опасаясь критики словом и оружием со стороны его приверженцев, феодальные владетели преследовали дервишей. В XX веке дервишеские ордена в Иране и Турции запрещены законом и властями.

Следует считать положительным явлением суфийский протест против феодального гнета и жестокостей правителей, хотя бы он исходил с позиций «божественной справедливости». Относится к активу

суфизма и осуждение им фанатизма, жадности и лицемерия официального духовенства.

Идеи суфизма находили отражение не только в проповедях, произнесенных в живом общении, не только в научной, теоретической и публицистической литературе. Известна чис- то суфийская художественная литература, к примеру, наследие Ибн-ал-Араби (1165—1240), Ибн-ал-Фарида (1182-1235), Маджуда Санаи (ум. ок. 1140), Аттара (р.ок. 1119), Руми (1207-1273) и др.

Суфизм внес определенный вклад в развитие средневековых литератур арабов, персов, турок, народов Средней Азии, урду. Влияние суфизма прослеживается в творчестве великих поэтов Низами, Саади, Хафиза, Джами, Навои, Физули. Как-то уживаются самые прогрессивные общественные Мысли с идеями суфизма и приемами поэтов суфийского толка в наследии великого пакистанского поэта Мухаммеда Ик- бала (1877-1938).

Близость поэтических форм, которыми пользовались суфийские поэты, к народной песне, притче, волшебной сказке делала их слово доходчивым до широких масс, придавала ему образность, силу воздействия.

Вместе с тем не надо забывать, что реакционные стороны неоднородного суфизма были удобны для использования в интересах правящих верхов, чему и служили. А некоторые старцы, как предводитель ордена «Накшбандие» в XV веке в Средней Азии шейх Ахрар и его преемники, сами бывали крупными феодалами.

«В Дагестан довольно рано проник суфизм. В XI в. Абу- бекр Мухаммед б. Муса б. ал-Фарадж Дербентский написал книгу о суфизме и суфиях «Рейхан ал-хакаик ва бустан ад- Дакаик» («Базилик истин и сад тонкостей») (Саидов М. Дагестанская литература XVIII-XIX вв. на арабском языке. М., 1960. С. 2). «В 1150 году в Рутуле Абд ас-Самад сын Налки приказал построить ханаку (обитель для аскетов-суфиев. А.Г.)» (Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984. С. 51). Кумыки не перестают восхищаться изяществом слога суфийских стихов Абдурахмана Атлыбуюнского (1780-1869).

Свидетельств об овладении этим мистическим учением умами жителей Страны гор множество. Ввиду ограниченности места вынуждены приводить только

крайне необходимые.

Неоднозначным по своей общественной роли был и мюридизм в Дагестане. Вместо того, чтобы убивать плоть и все мирские желания постами, уединяться и молиться, доходить обрядами, многократными повторениями имени Бога до экстаза, при котором можно якобы лицезреть Всевышнего, вместо того, чтобы не вмешиваться в мирские дела, дагестанские суфии объявили джихад против царизма. Его шейхи, как и предводители сербедаров, оправдывали и возглавляли насильственное свержение феодальных властей, проповедовали равенство перед Аллахом, вводили в первой половине XIX века средневековый шариат, утвердившийся в условиях победы феодализма над родовым строем в далекой и по времени и по расстоянию Аравии.

В принципах суфизма основателя ордена шейха Бахааддина Накшбанда (ум. в 1388/89 г.) 16, последователями которого считали себя дагестанские тарикатисты, нет особого отступления от правоверного ислама и склонности к теоретизированию. Философские воззрения приверженцев крайняя бед- должны реализовываться на практике. Это крайняя бедность, добывание пропитания трудом собственных

рук, не уединенье в келье или гробнице какого-нибудь святого, а «уединенье в обществе, странствие на родине, внешне с людьми, с Богом», служение ближнему человеку, предельная терпимость и снисходительность к людям, уживчивость с ними.

В противовес ясному и прогрессивному указанию Накшбанда о добывании мюридом средств существования собственным трудом, по свидетельству мюрида тех времен, согласно предписаниям тариката в Дагестане, «...мюрид избегает всякого рода домогательств со своей стороны к приобретению жизненных припасов обыкновенными светскими средствами, как-то трудом, просьбами у других и т.д. Подобного рода добывание средств к жизни мюрид находит достойным лишь только обыкновенных людей; он же ждет только того, что Бог сам пошлет к нему: ему отворяются ворота благодеяний Божьих, и он пребывает в ожидании новых откровений в делах Божьих».

В основополагающей работе для дагестанских тарикати- стов <<Адабул марзия» («Правила достодолжных приличий») Джамалуддина Казикумухского нет этого положения. Правда, Мы пользуемся переводом сокращенного текста,

опубликованным во втором выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах». Варианта полного текста у нас нет. Видимо, сын соратника Шамиля Магомедханов исходит из положения Джамалуддина. На эту мысль нас наталкивает свидетельство сына старца, содержащееся в послесловии к «Адабул марзия», о том, что другого руководства для мюридов Дагестана и Чечни нет. С пассивностью роли мюрида согласуется и другое свидетельство о том, что Гази-Магомед не получил от Джамалуддина санкцию на объявление газавата. После его запрета газават одобрил учитель Джамалуддина Магомед Яраги.

Абдулла Омаров назвал суфизм, мюридизм «гнусной профессией», не пропускающей удобного случая отнять последний грош у бедняка. «Тарикат, к сожалению, писал он, - до сих пор служит удобным орудием всякого фанатизма и своекорыстия»

Если это верно в отношении ложных последователей тариката, которых Омаров не отделяет от истинных, в той же степени недалека от истины и оценка политической стороны учебника дагестанских суфиев, данная им. «Адабул марзия», по его мнению, написана на вид самым невинным, но в то же время весьма практическим образом, «не упуская из виду и своей

главной честолюбивой цели - цели политической. Все содержание этого сочинения направлено на то, чтобы последователи тариката безусловно и слепо подчинялись своим учителям, признавали их непогрешимость, не замечали их нравственных недостатков, исполняли их волю беспрекословно, не позволяли себе рассуждать о их делах и поступках и т.д. Основанное на таких началах учение тариката на практике развивалось успешно и достигало предложенных целей в политическом и экономическом отношениях, тарикат и происходящий от него мюридизм имели сильное влияние на образ мыслей народных масс и служили главными двигателями к пагубным переворотам в общественном быту недавно покоренных обитателей гор». Однако переходивший из ислама в христианство и служивший верой и правдой властям царизма, Омаров не был способен понять, что народные массы, как он точно назвал их, не могли за одни только религиозные посулы идти на великие жертвы и лишения, следуя за Гази Магомедом, Гамзатом и Шамилем. И потому совершенно неправ, утверждая: «В самом деле, в недавно оконченной партизанской войне в Дагестане, народ был руководим главным образом религиозными понятиями, внушаемыми тарикатистами, патриотические же и

национальные чувства стояли на далеком плане».

Именно за свои интересы и до тех пор, пока они не расходились с практикой начавшей разлагаться администрации Шамиля, поддерживали они последнего.

Суфизм и его дагестанская разновидность, вошедшая в научный обиход под названиями тарикат и мюридизм, схожи и разнятся по указанным выше признакам.

Завершая разговор об «Адабул марзия», необходимо, чтобы не возвращаться к нему снова, отметить, наконец, что книга эта, сыгравшая столь значительную идеологическую роль, представляет религи-озно-теоретический трактат. Положения, советы, содержащиеся в нем голы, сухи, рассудочный, хотя просты, ясны, иногда и напоминают сентенции. Джамалуддин ни одного из рассуждений не подкрепляет художественным рассказом, притчами, баснями, анекдотами, ярким и предметным примером из жизни, как это мы встречаем у великих дидактов - Саади в «Гюлистане» и предшественника самого Джамалуддина в цепи предводителей ордена накшбандийцев - Абдурахмана Джами в «Весеннем саду». Несколько суховато и его же единственное

дошедшее до нас стихотворение суфийского толка, созданное на лакском языке, хотя и оживленно рядом поэтичных изобразительно- выразительных средств.

Куда художественнее легенды о самом Джамалуддине, приводимые в предисловии к его книге, написанном его же сыном Абдурахманом. Они уходят корнями в реальную действительность того времени, отражают нравы тогдашних людей. Поданные в них обычные явления, факты оборачиваются необычной, но не невозможной стороной, обрисованы характеры Аслан-хана и крупным планом Как бы ни было, во всем этом теплится литературная жизнь, в самого Джамалуддина. какой бы степени ни было, налицо сопряженность художественного слова с действительностью.

НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ГОРЦЕВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В АРАБОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Традиции. Начиная с VIII века дагестанцы создавали произведения литературы на арабском языке, берегли и собирали их. Многие из них дошли до нас благодаря

усилиям Аб- дуллы Омарова, Гасана Алкадари, Назира Дургелинского, Али Каяева и других.

Выявление неизвестных раньше арабских диалектов и богатого арабского фольклора в Средней Азии и арабской литературы на Северном Кавказе, по мнению академика И. Ю. Крачковского, являются двумя выдающимися открытиями, и оба «стоят в ряду крупнейших результатов работы наших арабистов за время после Октябрьской революции» (1948).

Если И. Ю. Крачковский в упомянутой выше статье отнес к образцам такой литературы исторические хроники, письма, стихи, афоризмы (надписи) и разграничил хронологические рамки существования этой литературы XVII-XX вв., то М.-С. Д. Саидов 2 своим докладом на XXV Международном конгрессе востоковедов раздвинул те рамки в глубь веков, ввел в научный оборот новые имена и материалы, а М. Гайдарбеков, составил «Хрестоматию арабоязычной поэзии народов Дагестана» с параллельными текстами на арабском и русском языках, снабженную весьма квалифицированно написанными биографиями поэтов и комментариями к их произведениям, существенно расширив наши знания о многобытии нашей поэзии. Изданием исторической хроники «История Ширвана и Дербенда» (М.: Восточ. лит., 1963) неоценимую услугу

оказал известный востоковед В. Ф. Минорский. В этом же ряду стоят публикации эпиграфических памятников края Л. И. Лавровым и А. Р. Шихсаидовым3.

Благодаря многолетней собирательской работе энтузиастов и сотрудников сектора восточных рукописей Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР мы ныне располагаем богатейшим материалом.

Представление о нем дает статья Г. Г. Гамзатова, М.-С. Дж. Саидова, А. Р. Шихсаидова «Сокровищницы памятников письменности», опубликованная в «Ежегоднике иберийско- кавказского языкознания» (Тбилиси, 1982. Т. IX).

Для изучения этой колоссальной арабоязычной литературы Дагестана по теологии, юриспруденции, логике, астрономии, математике, медицине, свидетельствующей о широте духовного горизонта наших предков, требуются многолетние усилия целого коллектива серьезных ученых. Не представля- ется все еще возможным выделить во всей этой массе литературы и извлечь для научного осмысления и пользования в культурном обиходе произведений, относящихся к художественности, к художественному слову.

Наша задача более скромна и конкретна. Вытекает она из характеристики, данной арабоязычной литературе Дагестана самыми компетентными в данном деле арабистами. В своем докладе на XXV Международном конгрессе востоковедов М.- С. Дж. Саидов справедливо говорил: «Арабская художественная литература проникла в Дагестан в период упадка общеарабской культуры. С конца XVI - начала XVII в. начинается развитие местной художественной литературы на арабском языке. Она выросла на местной почве и отражала историю Дагестана. Хотя произведения дагестанских авторов этой эпохи не вошли в сокровищницу мировой литературы, они были довольно значительными, в них ярко выражен местный колорит, оригинальны приемы, язык зачастую сжат и выразителен, они написаны по отзыву И. Ю. Крачковского, «нередко с большой резкостью и силой, которая напоминает нам лучшие образцы классической эпохи арабской литературы» 6.

И все же оценка эта до сих пор осталась общей, не подкрепленной фактическим материалом. Чьи и какие именно произведения какой местный колорит отражают? В чем выражаются упомянутые оригинальные приемы? вопросы эти из-за жестких рамок регламента конгресса в докладе остались без

ответа. В статье И. Ю. Крачковского, на которую докладчик сослался, анализируемый материал невелик.

Далее Саидов делит собственно художественную литературу на два направления: религиозно-клерикальное (Али Кумухский, ум. в 1448 г., Али Багдадский, ум. в 1613 г., Шабан Ободинский, XVII в., Дибир-кади Хунзахский, ум. в 1816 г. и др.) и иное (вероятно, докладчик хотел сказать, светское, как Мы сказали бы и будем говорить. А. Г.). Представителями этого направления названы Саид Араканский, Хаджимухаммед Согратлинский, Абдулатип Доного, Юсуф Аксайский, Мирза-Али Ахтынский, Шейхамир Кумухский, Хасан Алкадарский, Имам-Мухаммед Гигатлинский. Их творчеству свойственны отклики на реальные исторические события, постановка насущных социально-политических проблем, черты национального своеобразия. Оценка верная, но опять же конкретно мало о чем говорящая, как и названные жанры, в которых они работали: хамаса, насиб, мадих, заманият, хиджа и др.

Теперь предстоит сделать шаг от фиксации материала разных этапов к осмыслению реального облика этого мощного протока дагестанской литературы в

наиболее характерных чертах, в движении всего процесса с учетом вклада в него наиболее выдающихся представителей.

До середины XIX века в письменной литературе Дагестана функционировали жанры: эпиграфика, историческая хроника, письма, проповеди, стихотворные произведения, то есть проза и поэзия.

Эпиграфика. Эпиграфические традиции связывают Дагестан с глубокой античностью Переднего Востока, древней Греции и Рима. Об этом свидетельствуют хотя бы пехлевийские надписи на крепостных стенах Дербента на средне персидском языке и сообщения очевидцев о памятниках. Эти традиции предков-иноверцев продолжили их мусульмане, разумеется, подчинив их направленность укреплению власти феодалов, мусульманского духовенства.

Эпиграфика Дагестана запечатлена на железе, бронзе, дереве, кости и в подавляющем большинстве Надписи высечены на надгробиях и стенах всевозможных зданий и строений.

«Всякий, кто ознакомится с богатым эпиграфическим наследием дагестанских народов, пишет вполне справедливо, исследователь этого наследия, -

убедится в том, что надписи эти дают ценные, иногда единственные в своем роде сведения из истории и культуры средневекового Дагестана. Строительство крепостей и общественных зданий, реставрация минарета и возведение культовых сооружений; смерть аульчанина и взаимоотношения с соседями; борьба с внешними врагами и фиксация территории союза сельских общин; строительство Мостов и ремонт ворот; генеалогия феодального правителя и сообщение о распространении ислама; эпидемические заболевания и стихийные бедствия; профессиональные титулы мастеров-строителей и почетная титулатура феодального правителя; благожелательные формулы и небольшие исторические хроники - все это заносилось на камень, запечатлевалось на память потомкам, в назидание современникам. Это было не увлечением, не формой времяпровождения, а стало тради- цией, с определенными канонами, с трафаретными фразами и оборотами, с установившейся последовательностью в изложении текста».

Как видно, надписи о жизни и смерти народа Страны гор, о ее истории имеют непреходящее значение.

Понятно, что представители духовенства старались

придавать сообщаемым событиям и фактам толкования и под- текст, выгодные для них и их светских покровителей. Идет ли речь об умершем или упоминаемом феодале, он возносится рядом эпитетов. Эмир Адам б. Абу ал-Малик б. Мухаммад, приказавший в 1250 г. построить разрушенную мечеть в ауле Рича, величается «эмиром преславным, великим, поддерживающим, победоносным, борцом за правое дело, стоящим на страже, венцом мира и религии» 10. А на надгробье феодала из Калакурайша (XIII в.) высечено: «Обладатель этой могилы в знании напоминает деяния пророков, а благочестие его подобно благочестию Абу Бакра, а доблесть его подобна доблести Али, а справедливость его подобна справедливости халифов, ведомых по правильному пути»".

Сообщается ли о гибели воина, он обязательно - мученик, гибнущий за правую веру - шахид, делается ли кем-либо благотворительное дело (строительство моста, водопровода, пожертвования), авторы надписей усматривали в этом богоугодный акт.

Отмечаемая тенденциозность надписей не может умалить их непреходящую ценность. В них содержится глубокий патриотизм, озабоченность судьбами

общества и края, сдержанно оплакивается горе, пронзившее близких и народ, открыто и между строк видится гнев к иноземным поработителям. В надписях воспевается духовное величие человека: мужество и гибель за родной край, щедрость во имя ближних общества и т.д. В этом общечеловеческое значение надписей.

Если не принимать во внимание трафаретные зачины и концовки, то по основному содержанию надписи близки к афористическим жанрам: пословицам, поговоркам, четверостишиям. В них мысль выражается абстрагировано, лаконич. но, но энергично. Такую сентенциозность мы бы ныне назва- ли телеграфным стилем.

Не менее интересны надписи на саблях, кинжалах, сундуках, веретене, потолках домов. В них, наряду с художественной пропагандой того же патриотизма, смелости в борьбе со злом, стремления ко знанию, наблюдается большая демократичность. В частности, не обойдена вниманием женщина. «На веретене дочери одного аварского ученого XVII века надпись: «Женщины - двигатели мужчин»

Прозрачна классовая сущность надписей: «...величие в самом себе, а не в славном происхождении»; «Сан не

в благородстве предков, нет - настоящая добродетель - наполнить душу образованностью»; «Кто обнажил меч тирании, им будет убит»; «Для всякого фараона есть Моисей»; «Кровь царей - лекарство от бешенства». Антифеодальная направленность не оставляет сомнения в принадлежности их авторов трудовому большинству, в их близости к социальным низам.

В широте идейно-тематического диапазона надписей, в их антифеодальной направленности с позиций общенародных интересов видится шаг вперед в художественном развитии жанра.

Исторические хроники. В науке принято относить средневековые исторические хроники, летописи к литературным памятникам эпохи. Наиболее значительные и текстологически изученные из местных хроник Дагестана это «Тарихи Дагестан» Мухаммада Рафи и «Дербенд-наме» Му- хаммеда Абави Акташи.

Первая была составлена в 1318-1319 гг., а вторая вые в 1578-1583 гг., последнее же составление падает на впер- 1687-1688 rr.

В какой степени эти хроники являются художественными? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно выявить их сходство с летописями и отличия от последних. Как и летописи, хроники являются сводами нескольких редакций. Они посвящены конкретным историческим событиям, явления, о которых идет речь, в них укладываются в определенные хронологические рамки. Основные — исторические жанры древнерусской литературы, например: предание, сказание, повесть бытуют в составе летописей. Ни в «Тарихи Дагестан», ни в «Дербент-наме» нет таких законченных красочных фольклорных произведений типа предания о вещем Олеге, потрясающих картин ослепления Василька Теребовльского, которые Мы встречаем в древнерусской «Повести временных лет». В Дагестанских хрониках связь с фольклором весьма слаба. Да- же вещий сон («Тарихи Дагестан», с. 110—111), который предвещает Абу-л-Муслиму гибель мусульман в Хунзахе и который фольклорное воображение обрисовало бы весьма красочно, нисколько не описан, не конкретизирован. Также суха, художественно беспомощна речь о засухе у хазар н «Дербенд-наме».

Однако исторические хроники Дагестана, особенно «Та

рихи Дагестан» не лишены признаков художественности.

При осуждении величайшего зла для Дагестана, - раздора между на читателя, автор прибегает к красочному метафорическому сравнению, а речь приобретает публицистическую остроту: владетелями края, чтобы сильнее, энергичнее воздействовать «Затем, когда прошло много времени, между амирами Гумика и султанами Хайдака разбилось зеркало согласия усилиями **сатаны** наиболее заклятого из врагов, упрямство разъединило их, ибо исчезла добродетель среди людей и распростра- нилась ложь, зло и порок. В этих распрях не осталось места ни благоразумию, ни здравому смыслу».

Когда мусульмане разоряют «большое число аулов Дагестана», грабят имущество неверных «с помощью Аллаха» и т.д., слог Мухаммада Рафи спокоен, как будто иначе последо ватели посланца Бога и не должны были поступить. Когда те же «неверные» силой оружия возвращают себе свои владения и былые права и положение, речь автора хроники становится гневной. Эпитеты, сравнения приобретают оскорбительный для осуждаемых характер. Воины, готовящиеся отстоять свою страну от чуждых им

арабов, по Мухаммаду Рафи, - «войска проклятых неверных Дагестана», а пришедшие им на помощь русские - «воины неугодных урусов». Гнев его совсем переходит границы, становясь классовым, когда он видит шам- хальских (т.е. княжеских) отпрысков приравненными к рая- там в правах и обязанностях: «Все это - высшая степень без- образия и омерзительности. Подлинно, они не отличают крупный рогатый скот от верблюдов, пшеницу от ячменя» .

Однако негодование Мухаммада Рафи поднимается на большую человеческую высоту, когда он с нескрываемой симпатией констатирует правый патриотический подвиг жителей Кумуха, совершенный ими в 1240 году против объединенных сил татаро-монголов и их союзников. «И сражались жители Гумика, и пали мучениками в крепости, что над мечетью ал-Кикули, 70 юношей, которые пожертвовали имущест- вом, душой и телом и поклялись сражаться на пути великого Аллаха. Когда юноши выполнили свой долг, они («тюрки», войска аварских и кайтакских правителей. - А. Р. Шихсаидов) разрушили Гумик» .

1

Этот пафос патриотизма, направленный на укрепление единства народов Дагестана, делает хронику Мухаммада Рафи вечно живой. Прав А. Р.

Шихсаидов, когда пишет: «Автор «Тарихи Дагестан» создал, таким образом, труд дагестанского масштаба и решил, по-видимому, завершить его так же масштабно, связав историю Дагестана с историей Ближнего Востока. Для этого нужна была новая вставка, отражавшая эту связь с древних времен, а в данном случае со времени халифата Омара одного из самых ревностных и авторитетных мусульман.

Этим самым, да и всеми сведениями, доба- вим мы в свою очередь, Мухаммад Рафи подчеркивал причастность Дагестана к культурному миру мусульманского средневековья, что чрезвычайно важно. Летопись, охватившая, как отметил А. Р. Шихсаидов, большой хронологический отрезок времени от первых шагов исламизации горных районов Дагестана до XIV века, «затронула ряд важных вопросов политической и социально-экономической истории» (с. 100). Она сообщает множество ценнейших и разнообразных сведе- ний о борьбе дагестанцев за свою свободу и независимость, об углублении процесса феодализации, приведшего к усилению сепаратистских тенденций, потому и проникнута концепцией политического единства Дагестана. Вместе

с тем, являясь памятником письменной литературы, «Тарихи Дагестан» не лишен и отмеченных художественных достоинств, обнаруживаемых в той или иной степени и в «Дербенд-наме», и в <<Завещании Андуника» (1467 г., еще не опубликовано) и в местных памятниках. Непреходящее значение «Тарихи Дагестан» - во всем этом.

Арабоязычная поэзия. Хотя арабским языком некото- рые дагестанцы владели в совершенстве и давно, хотя за многие века общения с культурой мусульманского Востока в прозаических жанрах арабоязычной литературы Дагестана (по- слания, исторические хроники, эпиграфика) и сложились известные традиции, обращение горцев к стихам на наречии Абу Нуваса вплоть до XVII века пока не замечено. Первым арабоязычным поэтом Страны гор, считается Али Багдади (ум. в 1655 г.), живший при дворе шамхала Тарковского. Объем всего его поэтического наследия невелик - не превышает печатного листа, тематика незначительна («Касыда о запрещении курения», «Касыда о запрещении вина», «Касыда о дочери Шабана Ободинского»), нет в стихах Багдади ни эмоционального воодушевления, ни поэтических находок, ни примет времени. Однако они

свидетельствуют о растущих культурных запросах дагестанцев, ценны как зачаток накопления первоначального опыта, как намек дальнейшим поколениям на необходимость овладения настоящим мастерством слова.

Следующее после стихов Багдади произведение арабоязычной поэзии Дагестана - анонимная касыда (ода)15 в честь Сурхай-хана I, переписанная рукой Садыка Убри (ум. в 1781 г.). Принадлежит она, судя по мажорному тону, отцу переписчика - известному Магомеду Убри. В оде, в частности, говорится: «Наши враги - русские... Судьи наши обрадовались, зная, что нет права на религию и народ без разрешения и вождя предводителя имама и его заместителя- наиба.

А теперь наш правитель — его блестящий заместитель». Судя по всему здесь речь идет о событиях 1727-1728 гг., когда Сурхай-хан получил чин двухбунчужного паши, жалованье 3 тыс. рублей, присягнул на верность Турции и был утвержден ханом Шемахи. Потому под имамом подразумевается султан Турции, а его наиб, «наш правитель» - Сурхай-хан. Следова- тельно, ода могла быть написана лишь после 1727-1728 гг. Состоит она из 17 двустиший, что

соответствует обычному объему жанра. В отличие от трехчастной доисламской и послеисламской касыды арабов и персов, первая дагестанская ода одночасно. В ней нет насиба (вступления), поворота те- Мы (гуризгаха) с васфом (описанием фауны, флоры, местности, сцен прошлого) и нет заключения (картина природы описание бури, наводнения или оценка охоты) 16. В соответствии с целью автора, основную часть доисламской касыды составляло самовосхваление автора, восхваление своего племени, его вождя, а в оде средневекового периода - восхваление правителя, вельможи. Касыда же нашего автора начинается и кончается возвеличиванием хана. Она - целиком панегирик.

Какова же идейно-художественная значимость касыды? В то время Дагестан, как и весь Кавказ, испытывал на себе тяжесть борьбы Ирана, Турции и России между собой за овладение краем. Сурхай-хан не был принят в подданство Россией, связанной Петербургским (1723) и Константинопольским договорами с Ираном и Турцией. Константинопольским договором, по которому Кавказ был разделен между Россией и Турцией, как и все жители региона, был недоволен и Сурхай-хан. И все же перед угрозой вторжения полчищ шиитского Ирана в Дагестан

национально-религиозные интересы феодалов-суннитов толкнули Сурхай-хана принять подданство Турции. И был он в 1728 г. утвержден Портой ханом Шемахи. В касыде как раз и слышатся нотки одобрения этого шага:

Наш величайший предводитель - глава ислама,

И наш совершенный хан стал совершеннее.

Страна его - Шемаха и все, что кругом нее,

И подняли они головы благодаря нашему справедливому хану.

Накануне надвигающегося иноземного нашествия автор касыды обуреваем желанием увидеть в хане объединителя земель, освободителя и покровителя угнетенных мусульман, человека сильной руки, способного возглавить борьбу за защиту отечества.

Вопреки этому и другим утверждениям автора, изображающим хана идеальным правителем, справедливым, мудрым, щедрым, заботящимся о бедных, о людях науки и труда,

в действительности он мало чем отличался от феодалов его масштаба и категории. Местные сунниты, назло шиитствующим властям, отворили Шемахинские ворота войску Сурхай- хана I (Не они ли

и «подняли головы»?). Но произвол и по- рядки дагестанца оказались для них не легче шахского гнета.

Автор оды не мог об этом не знать. Но он, будучи в окружении хана и отражая интересы религиозно-феодальных верхов, одобрял мероприятия хана. Он искренне хочет утвердить авторитет последнего среди населения. Вряд ли за всем этим скрывается личная корысть автора, как это бывало у ирано-арабских одописцев. Не потому ли отчасти наш автор и не хотел назвать свое имя в конце касыды.

С другой стороны, питая симпатии к простому народу и желая воздействовать на характер и поведение хана, наш одо- писец косвенно советует быть хану таким же образцовым, ка- ким называет и хотел бы знать его.

Одобрение захвата соседней области, тем самым становление нашего автора на позиции воинствующих феодалов, выразителем интересов которых был воспеваемый хан, нам, безусловно, идейно чуждо. В напоминаниях же правителю о нуждах нищих, учащихся, ученых и тружеников нам видится начало демократизации арабоязычной поэзии Дагестана, что несомненно прогрессивно.

С художественной стороны, казалось бы, нет в касыде ничего особенного. Гражданские чувства поэта еще не выражены как его личные переживания.

Отсутствие в ней малейшей оценки, картинки обусловило абстрактность хвалебных оценок. Тропы представляют дагестанские варианты известных штампов (солнце благородства, море щедрости, воины хана львы и т.д.). Все эти слабости сочетаются с намеками на своеобразие места и приметы времени: «Для всех сомневающихся в нем (хане) его свет сияет, как ночью огонь гостеприимства на вершине горы». Правда, это сравнение, несмотря на кажущиеся сугубо дагестанские черты (горы, огни на вершинах), встречается еще в ранний период арабской классической поэзии. К примеру, в стихах поэтессы ал-Ханса (VII в.), близко знакомой с самим пророком Мухаммедом и став- шей из язычницы одной из первых мусульманок, читаем: «И истинно за Сахром следуют предводители, //словно он - гора, на вершине которой - огонь»

Известно, что ритм заостряет слово, звуковая организация стиха усиливает его эстетическое воздействие на человека. Приведенная реминисценция говорит о том, что касыда не просто арабоязычна, но и создана человеком, вобравшим в

себя культуру арабской речи, опираясь на ее традиции. Прав- да, размер этот временами или местами не всегда соблюдается. И честно говоря, в литературе по арабской просодии я его не встречал и не знаю как он называется.

Стихотворение с начала до конца пронизано моноримом, в нем нередки ассонансно-аллитерационные островки. Хотя каждый бейт по завершенности мысли автономен, все они неплохо вписываются в общий план. Завершает, усиливает композиционную компактность общее для всех заключение:

<"">

О! Боже! Увековечь его намерения

и увеличь его могущество во всем!

Все это не могло не иметь значения, и, выполняя социальный заказ, автор добивался цели.

Примерно в те же годы, о которых речь шла выше, было составлено и посвящение тому же Сурхай-хану I, предпосланное фармакологии «Тухфат ул-муминина» («Подарок для правоверных). Автор посвящения

Рахманкули Ахтынский в нескольких экспрессивных эпитетах мамдуха (хвалимого) на- зывает властителем Дагестана и Шемахи, справедливцем, за- ботившимся о религии, бедных и ученых, отважным воином, грозой для персов, вырывающим их корни. Рахманкули пи- шет прозаическое предисловие, где говорит, по чьему распоряжению книга составлена, а не специально оду, чтобы воспеть славу правящего хана. И все же по эмоциональности высказывания отрывок напоминает касыду в прозе, где отчет- ливо выражены гражданско-патриотические чувства, направленные против надвигающегося нашествия персов.

И опять в похвале - сдержанность, желание видеть в хане справедливого предводителя народа, охваченного ненавистью к иноземным захватчикам. Наряду с этим стоит вспомнить, что известный Саид Араканский (1764—1836), еще будучи 19- летним юношей, написал по-арабски литературоведческий труд - комментарий к пяти из тринадцати касыд, сочиненных его дедом Абубакаром Аймакинским уже на аварском языке. Касыды эти представляют проповеди, дидактические наставления.

И все это свидетельствует о том, что ода Мирза-Али из Ахты о Сурхай-хане II и другие появились в начале XIX

века не на пустом месте. Этому были прецеденты. Возможно, что некоторые из них до нас и не дошли.

Через 100 - 150 лет после Багдади, благодаря дальнейшему культурному росту местной интеллигенции в силу сложившихся общественно-политических условий, арабоязычная поэзия, литература народов Дагестана переживает период бурного расцвета. Вслед за Мухаммедом Яраги (1772-1838), воодушевившим горцев на борьбу за свободу и независимость против царизма, в поэтическое единоборство вступает целая плеяда всесторонне образованных и вместе с тем высоко одаренных писателей и поэтов: Саид Араканский, Мирза-Али из Ахты (1770-75--1859), Юсуф Аксайский (1795-1871), Мама Киши Индирийский (ум. в серед. XIX века) - с одной стороны, Мухаммед Тахир Карахский (ум. в 1882 г.), Идрис Инди- рийский (ум. в 1878 г.), Гаджи Юсуф (ум. во II пол. XIX в.) – с другой стороны.

Предметом их ожесточенной и непримиримой идейно-политической борьбы, переходившей порой в оскорбление личностей, было отношение к колониально-захватнической политике царизма и народно-освободительному движению горцев Северного Кавказа. Этот центральный и актуальней-ший вопрос столетия, привел в движение все слои

общества, всех их мыслящих представителей, крайне наэлектризовал духовную жизнь Дагестана того времени. Обыкновенные проповеди, звучавшие ранее в мечетях смиренно, направляя людей на праведный путь, письма, при помощи которых образованные люди общались друг с другом во взаимовежливой форме, заговорили теперь в волевых, воинственных, угрожающих тонах. Историческая хроника, приобретшая черты художественной литературы, выполняет функции последней, чисто поэтическое слово выступает оружием нападения на противника и средством защиты от него. Следовательно, в литературе этого периода выделяются, заявляя о себе громко проповеди, послания, стихотворения историческая хроника. Никогда еще в истории Дагестана эти жанры не проявляли такую небывалую активность в общественной жизни, не обретали черты такой художественности и гражданственности, что наблюдается в первой половине XIX века.

Мухаммед Тахир, Идрис Индирийский, Гаджи Юсуф в лице русского царизма видели своего лютого врага, а в его воинах проклятых неверных, которых надо только уничтожать. Эти приверженцы имамата были с начала до конца последовательны и бескомпромиссны как в жизни, так и в поэзии.

Сложнее обстояло дело с представителями первой группы из-за неоднозначности отношения ее членов к главной теме времени. Мама Киши Индирийский открыто и беззастенчиво поносил имамов (сатирическое стихотворение «Ад- дурар фи кабаих ахли л-фасади л-ма`лум» - («Жемчуга, нани- занные в порядке стихов о гнусностях известных возмутите-лей»), оплакивал смерть царя Николая I и восхвалял, возносил Александра П. Также осуждал мюридизм и практику его вождей и, желая присоединения Дагестана к царской России, несколько сдержанно и литературно изящно высказывался Юсуф Аксайский.

Противоречива творческая эволюция Саида Араканского и его ученика Мирза-Али из Ахты. Араканский вначале выступил ярым сторонником свободы и независимости горцев, еще до появления имамов призывал своих соотечественников к вооруженной борьбе против иноверцев, видел преимущество шариата над адатом в практическом применении. И не зря Гази Магомед многократно предлагал ему пост имама и поддержку. И вдруг, как только началось национально- освободительное движение, он - Саид Араканский - верой и правдой слуга Аслан-хана Казикумухского, Мехти-шамхала

Тарковского, Ахмед-хана Мехтулинского получает ежегодную пенсию от царских властей и дает полезные советы самому Ермолову. И в соответствии с подобным поведением Араканского, его письма и стихи тоже направлены своим острием против движения горцев и его руководителей. «Дураки начали шевелиться», — сообщал он в своих сведениях владетелям Дагестана и царским властям. Также Мирза-Али из Ах- вначале ревностный противник русского владычества на Кавказе, ожидал помощи от Персии для борьбы против иноземцев («Ода на возвращение Сурхай-хана II из Персии», 1813 г.), жестоко страдал от пыток за преданность заклятому врагу русских колонизаторов Сурхай-хану П. Затем этот правоверный мусульманин стал обвиняться противной стороной в том, что оказался в стане врагов имама, что он якобы воспевает в своей касыде наместника Кавказа Воронцова, и за все это опять подвергается наказаниям, теперь со стороны земляков.

Если подкупленность и продажность Мама Киши сомнению не подлежит, а его произведения художественно беспомощны, то в голосе Саида Араканского и Мирза-Али Ахты вряд ли правомерно

слышать только звон «презренного металла» царской чеканки, и побуждения их и Юсуфа Аксайского вряд ли продиктованы только интересами местных феодалов, переориентировавшихся на русский царизм.

Среди представителей обеих сторон нет никого, кто в своей полемике с оппонентами не исходил бы из догм ислама и установлений шариата, что и понятно: обе стороны апеллировали к мусульманам, обеим нужна была их поддержка, все хотели быть правильно понятыми.

Тон всему движению горцев Северо-Восточного Кавказа В 20-50-е годы XIX века задал идейный вдохновитель мюридизма, авторитетное духовное лицо - Мухаммед из аула Яраг (Яраги - Ярагский) (1772-1838). ад НМВ

О нем его последователями написано много. Часть из этого скрыта в личных архивах и нам недоступна. А в другой, даже в биографии, предпосланной сборнику «Произведения шейха Яраги» где дни, месяцы и годы его многочисленных скитаний по Дагестану подсчитаны по числам, очень мало сведений о нем. Интересующие нас данные о его деятельности, об эволюции его взглядов, о его действительном влиянии на людей и ход событий содержатся больше в

сообщениях официальных представителей России того времени и в последующих исследованиях русских ученых. По всем этим дан- ным, Мухаммед, сын муллы Исмаила, внук Шейха Камала, родился в 1772 г. в ауле Яраг, относящемся к территории нынешнего Магарамкентского района. Как видно, отец и дед Мухаммеда были ученые-богословы, а пытливый и талантливый их потомок не ограничился воспринятым от них. В 1823 году, бывший еще год тому назад его учеником Хас- Мухаммед Ширвани (Ширванский) удивил своего учителя неведомыми ему знаниями учения суфизма, почерпнутыми им у Исмаила Кюрдамирского. В последовавшей встрече Му- хаммед Яраги и Исмаил Кюрдамирский оказали друг на друга глубокое воздействие. На вид чисто религиозная беседа (встреча) носила ярко выраженную политическую окраску.

Обоих всерьез и глубоко беспокоило тогдашнее положение в Дагестане, правдиво описанное Яраги: «...смутное и сбивчивое понятие о религии, хотя и соблюдение некоторых обрядов; неправильное отправление богослужения; совершенное неведение шариата. Отсюда истекали все заблуждения и все проступки: бесстыдство у мужчин и женщин, разврат,

пьянство, воровство, вечная праздность. Гражданской общности и единства не было, политической связи никакой. Хотя во главе народа стояли власти старшины и кадии, избираемые на год, на два и на три, и хотя они решали дела по адату (обычаю), но сами были невежественны, бессильны и не имели никакого нравственного влияния на народ, потому что оказались не чужды общих пороков. Убийства и кровомщения были в большом ходу; кровь убитого нередко оплачивалась виновным его родственникам одною или двумя шкурами молодого барашка, и мировая запивалась бузою; словом, в народе господствовал тот безобразный, нравственный хаос, который нельзя было назвать иначе, как полным духовным растлением. Гаджи-Измаил ужаснулся и не мог не согласиться, что такого рода порядок требует радикальной ломки. Благо- словив муллу Магомета повернуть дела на надлежащую дорогу, он возвел своего почетного гостя в звание старшего мюрида (учителя) и приказал ему, по возвращении домой, при-ступить к открытому проповедованию тариката. Как видим, нравственный хаос в народе, отсутствие гражданской общности и единства, политической связи оценивались с религиозно-исламских позиций и решительную борьбу за оздоровление общественной жизни было намечено провести на основе указаний

шариата.

Будучи прирожденным государственным деятелем, высоко одаренный и образованный Яраги, своими воззваниями и проповедями, имевшими с самого начала политический характер, готовил народ к борьбе за новый образ жизни медленно, не вызывая преждевременно бури.

Пропаганда газавата, ведомая Яраги, может быть, не без содействия агентов Турции и Персии, быстро распространя- лась в Дагестане и Чечне, и по распоряжению генерала А. П. Ермолова Яраги с 1824 г. подвергся преследованию. Он скрывался месяцами и годами в аулах Кураг, Тувак (Табаса- ран), Чиркей, Игали, Гимри, Балахани, Согратль (Авария), Маджалис, Эрпели. В 1824 г. Яраги посвятил Джамалуддина Кази-кумухского в звание мюршида и велел ему распространять новое учение.

Умер Яраги в 1838 году в ауле Согратль во время послеполуденного намаза в возрасте 66 лет (в 1823 г. ему был 51 год) и похоронен там же с подобающими почестями.

Своими необъятными знаниями, бескорыстием, праведностью в поведении он внушал сталкивавшимся с ним уважение, был личностью обаятельной.

Понятно, что политические враги и ненавидели и преследовали его.

Вот как выразительно охарактеризован он в «Выписках из путевого журнала Генерального Штаба штабс-капитана Прушанского» с 1923 по 1843 год:

«Из всего сказанного (то есть сказанного об обстоятельствах, сложившихся после встречи с Исмаилом Кюрдомирским. А.Г.) легко заметить, что всему виновник Хас- Магомет; он вместо поездки в Бухарию, жил год в Кюрдомире у Эфенди Исмаила, и они то двое были первою причиной продолжающихся смут в Дагестане; а Муллу-Магамета (т.е. Магомеда-Яраги. А.Г.), известного во всей стране этой по его честной жизни, уму, состоянию и всеобщему уважению, избрали орудием исполнения их фанатического замысла»

Прушановский в своих записках свидетельствует, как Магомед Яраги разговаривал с Аслан-ханом убежденно, в пропагандистски-наступательном тоне и за что получил от него пощечину, но, когда прошел гнев, властитель попросил у него прощения. «Аслан-хан согласился с мнением муллы Магомета; даже, как можно полагать по дальнейшим его действиям, был прельщен учением Магомета,

обласкал его и, сделав ему подарок (архалух), отпустил»

В последние десятилетия современного периода в связи с усилившимся вниманием к культурному наследию появился интерес к личности и творчеству Мухаммеда Яраги. В учеб- ном пособии для студентов филологического факультета «Лезгинская литература XIX начала XX в.» (Махачкала, 1981) Г. Г. Гашаров называет Яраги поэтом, писавшим на азербайджанском и родном языках. И больше в его монографии о нем ни слова. В кандидатской диссертации М. М. Садыки «Творчество лезгинских поэтов XIX века на арабском и азербайджанском языках» значительное место отведено творчеству Мухаммеда ал-Яраги. Справедлив Садыки, отмечая в наследии поэта, вопреки его явно религиозному характеру, ряд положительных черт: сочувствие к страданиям народа, стремление к лучшей жизни и свободе личности, идея вооруженной борьбы с угнетателями. Вместе с тем не обошлось и без некоторой идеализации личности поэта. «Особое достоинство поэзии Мухаммеда ал-Яраги заключается в том, пишет М. М. Садыки, что он впервые в дагестанской литературе пытался превратить поэзию в

орудие борьбы за приоб- щение своих соотечественников к цивилизации. В письме к Мирза-Али он писал: «Если добавишь к духовным наукам и позитивные науки, обретешь оба крыла орла»

Во-первых в письме, о котором речь и опубликованном в упомянутом выше сочинении Яраги (с. 145), он только сообщает адресату, что у него побывал «превосходный и весьма знающий ученый Мирза». Но ничем не конкретизирует его анкетные данные. Следовательно, о Мирзе-Али ли речь, надо еще доказать. Во-вторых, чтобы убедить читателя в том, что в письме Яраги нет речи о «позитивных науках», приведем его (в нашем переводе): «И известно, что самая благородная из наук - учение об атрибутах Высочайшего Бога, как его объясняют в хакикате, о Его признаках и сущности. И если бы ты присовокупил к внешней науке еще и внутреннюю, ты обрел бы оба крыла, как орел». Здесь речь идет по сугубо суфийской терминологии, «ба- тин», в лексиконе мусульманских мистиков наука быть внутренне с Богом, учение об организации внутренней жизни для морального очищения. Официальное внешнее правоверие (шариат) - первый этап пути мистического усовершенствова- ния. Для суфиев этого слишком мало. Они должны известны- ми для их учителей

путями («тарикат» - второй этап), достигнуть лицезрения Друга - Бога, исчезнуть в нем («хакикат» третий и высший этап).

Выдающиеся суфии и теоретики суфизма Абу Язид (Бая- зид) Бистами (ум. в 875 г. или 878г.), Хусейн Халладж (858- 922), Харис Мухасиби) (ум. в 857), шейх Джунайд (ум. в 911 г.) и др., чьей идеологией Яраги уже проникся, придавали большое значение анализу душевного состояния, очищению сердца и сокровенных помыслов как средству достижения названной цели. Если исходить из этих данных (а из других и невозмож- но), кажется, уже ясно, что Яраги хочет, чтобы адресат его письма сочетал шариат с тарикатом. А адресат, по эпитетам в превосходной степени, видимо все же учитель Яраги - Саид Араканский, который не был суфием.

Следовательно, приписывать Яраги несвойственную ему широту кругозора, прогрессивность мировоззрения незачем. Яраги - правоверный мусульманин, мусульманский мистик, заинтересованный в земных делах, в политике и вдохновивший народ на защиту своей вольности от колониальных притязаний царизма.

После всего сказанного, кажется, будет понятна характеристика творчества родоначальника дагестанского суфизма.

Яраги известен как яркий оратор-проповедник. Однако пишущему эти строки не посчастливилось выявить ни одной из его проповедей ни на арабском, ни на другом языке. Они не встречаются ни в печатном сборнике его произведений, ни в известных мне частных и государственных архивах. Не подтверждают, что их видели, и специалисты - арабисты. Но это не значит, что их не было и нет. И знаменитое крылатое выражение Яраги: мол, мусульманин не может быть ничьим рабом, которое кочует из исследования в исследование обычно без ссылки, впервые вышла из-под печатного станка в названном труде Н.А. Волконского, хотя ввел его в научный оборот Прушанский.

Сентенция эта, как и другие характерные отрывки уст-ных воззваний, проповедей Магомеда Яраги содержатся в выписках Прушановското - в единственном и пока сколько- либо полном источнике, откуда сведения эти и черпал И.А.Волконский и другие. Для полноты представления, приведем цитату полнее: «Народ! - говорит он, Мы не магоме- истинный магометане, не христиане, не идолопоклонники

танский закон вот в чем заключается: «Магометане не могут быть под властью неверных. Магометанин не может быть ничьим рабом или подданным и никому не должен подати, Даже мусульманину.

«Кто мусульманин, тот должен быть свободный человек и между всеми мусульманами должно быть равенство»

Если Прушановский был наблюдателен и обстоятелен в изложении увиденного, то Н. А. Волконский верно схватил глубину сути обращений Магомеда Яраги к народу и сжато выразил их типичные черты: «Первоначально форма, в которой вылилось новое учение из уст муллы Магомета Ярагского, лучше всего характеризуется многочисленными его реча- ми и воззваниями к народу, которые все были тождественны и сходны между собой. Один из их выразительных образчиков показывает нам, как смотрел на дело этот проповедник, и к чему он стремился: «Народ! Вы не магометане, не христиане и не идолопоклонники. Магометане не могут быть под властью неверных... Кто считает себя мусульманином, для того первое дело - газават) и потом исполнение шариата. Для мусульманина исполнение шариата без газавата не есть спасение. Будучи под властью неверных или чьей

бы ни было все ваши намазы, все странствования в Мекку, ваш нынешний брак и все ваши дети - незаконны. Клянись оставить все грехи и впредь их не делать, дни и ночи проводить в мечети. Молитесь Богу с усердием, плачьте и просите его, дабы он нас помиловал, а когда нужно будет вооружиться с тем я узнаю по вдохновению от Бога и тогда объявлю вам: но до той поры плачьте и молитесь»!

Из этого образца видно: в устах проповедника в первую же минуту зазвучала политическая нотка, которую, однако, сглаживал и скрашивал истинными обязанностями тариката лишь настолько, чтобы не произвести преждевременной бури, так как поддерживать ее народ был еще далеко н**е подготовлен»** Не зная, простой ли это пересказ самого Н. А. Волконского или точный перевод с подлинника, трудно сказать что- либо определенное о литературных качествах приведенного текста. Судя по нему, нельзя, однако, не придти к некоторым, само собой напрашивающимся выводам.

Предметная определенность текста и точность мысли проповеди вытекали из конкретности задачи выступления. А обращение к неграмотному, простому народу обусловливало его простоту и доходчивость до

каждого слушателя. И, действительно, речь эта понятна для всех и выражена не образно, красочно, а автологически голо, прозрачно, но для тогдашнего мусульманина логически убедительно и публицистически Выразительно.

Соответствие содержания текста, его требований условиям времени умножало, очевидно, силу воздействия проповеди Яраги на народ.

Проповеди и воззвания Яраги резко противоположны его письмам и стихам. Слог его писем, как и слог писем его учи- теля Саида Араканского, весьма вычурный, цветистый.

Приведем относительно небольшое письмо Яраги к жителю аула Ихир - Мирза-Али Ихири, поскольку в нем отразились характерные черты стиля его автора:

«Чистейший привет и яснейший поклон, желаннейшая похвала, достаточное и вожделеннейшее приглашение одному из приближенных Бога из его созданий, (человеку) с крайним обилием заслуг и связей, наидостойному похвал меж хвалимых, обладателю наилучших качеств, выдающейся личности, чья слава о духовном величии шествует над степями.

А затем.

И эти предисловия с трудной «Касыдой ат-Таия»

подарок праха ног (мол, т.е. Яраги. - А. Г.), ничтожнейшего из людей, порочнейшего из части общества, хватающегося за полу (одежды) великих господ, незначительнейшего слуги великих слуг бедняков - от бедняка (букв.: бедного. - А. Г.), проживающего в Яраге, ученому в знаменитой науке, бесподобно сведущему знатоку, опоре благородных, образцу столпов, великому шейху, руководителю людей, морю осведомленности, возродителю религии ислам и полной светлой луне, рассеивающей темноту и подозрения в мыслях людей, любимому и искреннему брату в щедром Боге, шейху Мирза-Али-эфенди, проживающему в Ихире.

И да не убавится его блистательная ученость («афанди») в обоих мирах, свет его блестящей мудрости в земной и загробной жизни.

После того как дойдет до Вас сей ничтожный подарок, если Вы его примите, нам достаточно искренней молитвы. И, поистине, в обычае великих благородных мужей принимать в дар хоть лапку (букв. ножку. - А. Г.) саранчи, копытце овцы, лопатку обезьяны.

Затем.

Наш полнейший привет тем, кто спросит о нас, особенно любимым, благородным, но и тем, кого следует приветствовать.

И если Вы соблаговолите сообщить нам о состоянии дел Сираж-уд-дина - Да освятит Аллах дорогую тайну! - и о Богобоязненных потомках нашего господина, так как те сведения дошли до Вас, то это для нас крайне желанное и весьма нужное дело. И если интересуетесь положением дел в наших местах, то, слава Богу, великая ему хвала за распространение среди населения Дагестана, как среди малолетних, так и среди взрослых, влечения к Богу»

Перед Нами - типичный

образец прециозно- эпистолярной прозы, распространенной в странах ближнего Востока (Турция, Аравия, Иран).

Отметить характерные черты такой прозы нетрудно. В начале письма ученость, степень духовной непорочности, чисто человеческие качества рядового адресата, неизвестного даже историкам, сопровождаются эпитетами в превосходной степени, возносятся до невероятных высот. Такова форма вежливости обращения.

Вторая, резко противоположная первой, черта этикета переписки, свойственная, кстати, большинству писем ученых этого времени, - беспощадное авторское самобичевание и самоунижение, как мы только что

видели в приведенном письме.

Себя яраги, по средневековой суфийской традиции, уничижительно называет бедным, ничтожным, маленьким служкой (хувайдим факир). Он считает себя прахом под ногами, наипорочным и грешным среди людей. Молитвы за адресата, при упоминании пророка и Бога, особенно в концах писем, представляющие религиозные штампы, явление частое.

Эпитеты, гиперболы, литоты не говоря о штампах, - находки далеко не первой свежести, кочуют из письма в письмо. Прорывы в действительность, в материальный мир типа: «В обычае великих благородных мужей принимать в дар хоть лапку саранчи, копытце овцы, лопатку обезьяны» Явление крайне редкое.

Язык писем Яраги чрезвычайно сложен, вызывает у сведущих арабистов порой разное понимание отдельных слов, выражений. Автор, как бы наслаждаясь виртуозным владением речью Корана, слишком часто пользуется существитель- ными с так называемым «ломаным» (или «разбитым») множественным числом, неправильными, хамзованными, удвоенными, подобно правильными,

пустыми, недостаточными) глаголами.

Таким образом, письма Яраги ни идейно-тематически, ни художественно особой ценности не представляют. В них не нашли яркого отражения главные вопросы современности, центральные темы действительности того периода. В них нет выразительных штрихов к портретам, запоминающихся характеристик ни самого автора, ни тех, о ком речь. Яраги в своих письмах выглядит человеком, еще не умеющим спускаться с высот абстрактного мышления даже при обсуждении конкретных тем, не порвавшим с традициями писем и стиля средневековой литературы.

Эти же черты характерны и для поэзии Яраги. Они не согласуются с высокой оценкой, данной им Мансуром Гайдар- бековым: «Но ал-Яраги был недурным поэтом и прозаиком. Тому свидетельство его сборник «Асар ал-Яраги»... Там у него, между прочим, две касыды: «Малая таийа» и «Большая таийа», сходные с жанром таких же касыд с теми же названиями известного суфиста и поэта тринадцатого века Ибн-ал- Фарида».

Стихотворения Яраги представляют послания или являются составной частью последних. Как и в письмах, в них этикетность (вознесение адресата, молитвы за него и за упоминаемых, принижение

личности пишущего) играет доминирующую роль. Основная - информативная доля письма весьма скромна. О чем в них речь понятно. Но светом подлинной поэзии сообщение не озарено, теплотой чувств от него не веет. Досаждают заемные штампы и стертые стереотипы. Автор ли повинен, переписчик ли допустил ошибки или по другой причине, отдельные слова и выражения непонятны. Вот, к примеру, стихотворное послание к Мирза-Али из Ахты:

Получены схожие со светом стихи от выдающего ученого.

Их создал сведущий муж, льющий добро в обилии. Его родина - Ахты, его благоухающая обитель.

Им позавидуют красноречивые и говоруны.

Их (стихи. - А. Г.) сопровождает его любезность, в особенности кар .

Если кто в них всмотрится, становится зрячим.

Разумеется, у нас не создается и представление, чему посвящены стихи Мирза-Али, о чем в них речь.

К обеим названным касыдам предпосланы два предисловия, написанные рифмованной прозой. В последних много говорится о том, как автора долго упрашивали написать оду об основателе ислама, как он сознавал насколько нелегко взять на себя такую

тяжкую задачу и ответственность за это.

Как и следовало ожидать, в предисловиях и касыдах Яра- ги вдохновенно воспевает Бога, пророка Мухаммеда, его предков, потомков, последователей, его деяния, поступки и заслуги. Самозабвенная любовь к Богу - причина песнопения Яраги. Не забывает он помянуть добрым словом и своего учителя Исмаила Кюрдамирского.

Как бы ни рафинировал Яраги содержание своих творений от грубого материального мира, оно все же оказывается неразрывно связанным с грешной действительностью. Рай заслуживается добрыми делами, сделанными на этом свете на пользу общества, народа. Мухаммед в глазах Яраги заслужи- вает столь высоких похвал тем, что он доброжелатель народа, не только не обижает в этом мире, но и заступник за него перед Богом в загробной жизни. В скромности быта и поведении пророка, о которых говорится в касыдах Яраги, видится обычный для средневековой мистики протест народных низов против роскоши и произвола феодалов. В относительно прогрессивном характере этого протеста значимость стихов Яраги.

Как в стихах, так и в касыдах он воспевает

самопожерт- вование, мужество, великодушие, щедрость, образованность, гостеприимство, внимательность к человеку, его нуждам, что вряд ли следует сбрасывать со счетов.

В стихах Яраги немало дидактики. Однако, как говорилось выше, его советы не сопровождаются поучительными притчами, баснями, живо и занимательно изображенными явлениями, событиями, характерами людей и животных, как это мы видим в произведениях великих представителей этого жанра: в «Месневи» Джалаладдина Руми, в «Голестане» и «Бустане» Муслехаддина Саади, в «Весеннем саду» Абду- рахмана Джами.

Обычность ритуальности для современников, понятность известных среди грамотных мусульман выражений как бы заглушали непонятность ряда мест в стихотворных произведениях Яраги. Неукоснительное соблюдение монорима и размера аруза, благозвучие за счет частого пользования аллитерациями, ассонансами и другими приемами производило впечатление выражаемых мыслей, вуалируя отсутствие конкретизации темы для ее раскрытия.

Итак, частые обращения то к Богу, то к пророку,

славословие в их адрес и в адрес тех, к кому писал письма, уничтожающая авторская критика собственных пороков и грехов- ности, высокопарность слога, проникнутая религиозным пафосом, высокое благозвучие, несколько скрывающие темноту отдельных мест, характерные черты стиля поэзии Мухаммада Яраги.

Остается неясным, производила ли поэтическая пропа- ганда суфизма на читателя такое же воздействие, как его открытые проповеди на слушателя - народ. И все же и то и другое было ответом на вопросы, поставленные историей на повестку дня. Потому наследие Яраги представляет шаг вперед по сравнению с поэзией Али Багдади.

Поскольку литература того периода была порождением действительности, ее отражением, при ее дальнейшей характеристике, думается уместным привести слова об Иранской революции 1978-1979 гг.: «Можно, конечно, понять стремление иранского руководства к утверждению в жизни общества невыполнимых и никогда и нигде не выполненных староисламских морально-этических и нравственных норм, но нельзя не учитывать, что истинная ценность того или иного общественного строя определяется его

способностью пробудить к жизни светлые идеалы, устремленные не в прошлое, а в бу- дущее, связанные с верой не в бога, а в Человека».

Физически уничтожая ханов, беков, отменяя везде фео- дально-ханскую форму правления, мобилизуя народные массы на патриотические подвиги, сторонники Мухаммеда Яраги пробуждали у крестьян светлые надежды на будущее, на равенство всех перед Богом. Однако эти светлые идеалы кре- стьян руководство движения связывало не с верой в Человека, а с верой в Бога. Было явлением противоестественным стремление утвердить правопорядки, установившийся в Аравии VII-VIII вв. в результате победы феодального уклада, в обществе дагестанских горцев XIX века, живущих совсем в иных исторических условиях и по законам обычного права, соответствующих в той или иной степени их образу жизни, традициям. Как раз теми невыполнимыми и никогда и нигде не выполненными старо исламскими морально-этическими, нравственными нормами и был шариат, вводившийся мюридизм насильственно в Дагестане.

К тому же, противники газавата считали, что имамы не-

законно объявляют джихад против намного превосходящего мусульман противника, что не дозволено Кораном и шариатом, зря проливают кровь; руководителей мюридизма обвиняют в том, что они возмутители, интриганы, корыстолюбцы, сеют беспорядки, они, действуя против шариата, грабят и убивают невинных людей и ничего общего со святостью, чудесами (т.е. со сверхъестественными свойствами) не имеют.

По свидетельству хорошо осведомленного в этих вопросах Мансура Гайдарбекова, вслед за Саидом Араканским и его учеником Юсуфом Аксайским, в запрещаемой шариатом священной войне слабых мусульман против сильных иноверцев видели только страдания и гибель первых Мама-Киши Индирийский, Мирза Таги-мулла Дербентский, Аюб-кадий Джунгутайский, Нурмагомед-кадий Хунзахский, Барка-кадий Какамахинский, Зухум-кадий Акушинский, Аслан-кадий Цудахарский и другие. Иные из них выступали письменно, с отдельными статьями в виде брошюр, в стихотворной форме, составляли комментарии к ним. «И все они обвиняли имамов в властолюбии, честолюбии, авантюризме, эгоизме и хищничестве».

Естественно, что высказаться вяло, безучастно по поводу столь важных, животрепещущих событий и при столь тяжких взаимообвинениях было невозможно. Потому в пылу полемики ее участники порой переходили даже границы дозволенного. При всей энергичности выражения мысли эмоции еще не обрели форму переживаний, чувств исторически конкретной личности. Вещественный мир в стихах поэтов занимает весьма скромное место, рассуждения явно превалируют над рисованием словом, вещностью его содержания. Стихи начинаются со славословия Бога и пророка (этикетность), советы дают- ся то действительные, то язвительные (дидактизм). Поскольку до сюжетности еще далеко, композиция скрепляется логикой мысли. Потому она не всегда компактна, временами дают знать о себе вычурность, цветистость. Таковы общие стилистические черты проявления абстрактно-обобщающего метода той поэзии.

Вместе с тем поэты исследуемого периода отличаются друг от друга не только принадлежностью тому или иному лагерю, но и степенью дарования, своеобразием творческого почерка.

Одной из заметных фигур, личностью, перенесшей

тема- тику дагестанской поэзии из области малопредметной абст- ракции на грешную почву реальности, повернувшей художе- ственное слово лицом к важнейшему вопросу современности, сообщившей ему заметный импульс движения вперед, был Юсуф Аксайский.

Аксайскому, в отличие от других поэтов и ученых Дагестана повезло: сохранилось множество документальных показаний, свидетельствующих о его жизненном и творческом пути, во множестве рукописей, в «Хронике Мухаммеда Тахира ал-Карахи», в «Антологии дагестанской арабоязычной поэзии» Г. Гузунова. Изучением его биографии и наследия занимались такие знатоки истории и старины Страны гор, как Али Каяев, Назир Дургелинский. Обобщил данные предшест- венников на современном уровне (1965), написал достаточно подробный очерк о жизни и деятельности поэта, описал его арабоязычное наследие с большим знанием дела и добросовестностью Мансур Гайдарбеков в своей «Антологии дагестанской поэзии на арабском языке» (Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 129).

И в результате вырисовывается жизнь Юсуфа

Аксайского в детстве, юности и в зрелом возрасте, своеобразие облика ученого и его классово-политическое лицо.

Родился Юсуф в 1210 (1795) году в ауле Аксай (ныне Хасавюртовский район Республики Дагестан) в семье высокообразованного в свое время и состоятельного землевладельца Мусы-хаджи Клычева. Умер в 1871 году и похоронен с большими почестями в своем имении в ауле Казак-Мурза-юрт. Получив довольно хорошее домашнее образование и начальные уроки арабского языка у родного отца, юноша Юсуф, в поисках дальнейших знаний, отправился в горы, учился у самых знаменитых в то время аварских ученых Нурмагомед- кадия Хунзахского, Дайтбека Гоготлинского и Хазбулава Хвахитинского, стал любимейшим учеником Саида Аракан- ского. Сохранилась красивая легенда, в которой отразился демократический характер тогдашней школы в горах. «Со- гласно преданию, когда первый раз Юсуф был у Саида в Ара- кани и кунак Юсуфа из Аракани вручил Саиду рекомендательные письма, Саид посмотрел на цветущего юношу, одетого в красивый чекмень из дорого материала и сказал: «Мой сын юсуф! Я должен уважать твоего кунака и тех уважаемых людей, которые писали эти письма. Но я помню, что те, кто

учился у меня хорошо, не были одеты в такие чекменя».

И Юсуф стал одеваться просто, как и все остальные ученики. Помимо изучения арабской филологии, мусульманского богословия, наш поэт приобрел основательные познания по арифметике, алгебре, геометрии, физике, философии, астрономии, логике, риторике. Зная все эти предметы в совершен- стве, энциклопедически образованный Аксайский пользовался непререкаемым авторитетом как у своих сторонников, так и у противников. Он получал удовольствие, делясь своим духовным багажом со студентами Аксайского И Казак- Мурзаюртовского медресе (последнюю содержал он сам).

За глубокую ненависть к Шамилю и возглавляемому им движению, за ориентацию на Россию, за поддержку политики царизма Юсуф Аксайский в числе совсем немногих местных ученых получал от русской казны вознаграждения и жалованье, в 30-е годы служил кадием конвоя императора, позже, долгое время - шариатским судьей аула Аксай.

Пребывание в Петербурге несомненно приумножило его связи с влиятельными людьми; он не мог не общаться с русскими и татарскими учеными. С кем он

там встречался и вследствие пребывания в столице в каком направлении и в какой степени его знания о мире и мироздании изменились, Мы пока конкретными сведениями не располагаем.

Юсуф Аксайский носил красивую белую бороду, имел привлекательную внешность, аристократический рост. И был он аристократом не только по происхождению, но и по положению в самом классово чуждом для нас смысле. Аристократическое высокомерие четко проступает у него даже в обра- щении к оппонентам в научных спорах. Крупный помещик, обладая 2500 десятинами земли, он жестоко эксплуатировал своих рабов и крепостных. Оттого некоторые из них и бежали к Шамилю, в горы. Не только гордился своим происхождением, но и, глубоко веруя в Аллаха, искренне благодарил всевышнего за высокое положение, чем отличил его от многих в этом мире. Он был убежден в справедливости предопределенного порядка, при котором низы созданы для блага вер- хов, первые заслужат за это райское блаженство на том свете, а вторые имеют законные права их жестоко эксплуатировать, убивать и резать в этом мире. «Именно в этом котле, - как правильно пишет Мансур Гайдарбеков, - и варилась часть того самого яда,

которым он обливал руководителей освободительного движения горцев».

Отрицая присущие имамам Гази Магомеду, Гамзату, Шамилю такие сверхъестественные качества, как умение предвидеть, предсказывать, общаться с пророками и святыми, Аксайский не находил у них даже элементарных качеств халифов. Будучи уверен, что все мусульмане должны, по исламу, повиноваться одному халифу, а дагестанские имамы до- пускают своим правлением двоевластие, обратился даже к ученым Мекки и Медины с просьбой подтвердить верность его мысли. Но те его суждения нашли ошибочными.

Таким образом, Аксайский боролся против имамов не только потому, что царизм как нельзя лучше отвечал его классовым интересам, но и по глубокому убеждению в своей правоте в толковании вопросов религии.

Жанры, в которых выступал Аксайский письма и поэтические произведения. Сквозная тема и тех и других - народно-освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа и отношение к его руководителям, в особенности к имаму Шамилю, к его

личности.

Письма (о них мы поговорим там, где речь пойдет о судьбах эпистолярного жанра дагестанской литературы) и стихотворные произведения Аксайского представляют обле- ченную в религиозные одеяния, оформленную художествен- но, публицистически остро политическую полемику с Му- хаммедом Тахиром ал-Карахи - главным оппонентом поэта.

В понимании Аксайского движение горцев социально несправедливо с самого начала, практика его вождей сплошные злонамеренные антинародные преступления, несовместимые с исламом. «Сколько людей, поглупевших на аре- не, - писал он своему учителю Саиду Араканскому, имея в виду Гази Магомеда, имама Гамзата и их последователей. Своим преступлением они проложили дорогу к дальнейшим преступлениям. Они истребляли и выселяли мусульман.

Ах, какие громовые, страшные мероприятия исходят от злонамеренности!».

В глазах типичного помещика и выразителя интересов класса землевладельцев Аксайского, истребление аварских ханов - не результат народного гнева, вызванного их произ- волом и угнетением трудящихся,

а злодеяние «смертельно больных неизлечимой болезнью врачей, взявшихся лечить других» 34.

И, естественно, поэт находил для изображения трагедии потерпевших соответствующие краски и эмоциональные тона. Так, по его мнению, Саид Араканский - человек правиль- •ной веры, он отошел от пути заблуждения, который «любит только распутница».

Жалость к убитому придворному ученому и советнику аварского нуцала Нурмагомеду Хунзахскому выражена через риторический вопрос, причем, чтобы вызвать возмущение верующих, упоминается, что покушение совершено во время полуденного намаза: «Не погубили ли они вероломно и преступно Нурмагомеда, при исполнении полуденной молитвы, когда он произносил слова исповедания веры».

И пафос стихов Аксайского становится совсем гневным, когда речь пошла о расправе с ханской семьей:

«И Булача сбросил в реку агрессор, ребенка, который призывал на помощь наиславного (пророка)

И мать, зарезанная - среди львят.

и Нуцал и Умма-хан также сколько и с кем поубитых

ими без всякого преступления с их стороны!

О! Если бы земля поглотила того, кто поступал несправедливо!»

Оценивая поступки своих противников дурными, исходящими из дурных побуждений, Аксайский находит их еще неграмотными и постоянно потешается, издевается над этим. Имамы Гази Мухаммед и Гамзат «переворачивают (т.е. из-вращают, превратно толкуют. - А.Г.) шариат своим невежеством>> Они и их приверженцы тот народ «который слаб в речи, он и аннулирует науку» Потому, заключает Аксайский: «...самый невежественный из народа Аллаха это самый неверующий ему»

И неграмотны, невежественны не только они, но и сами их учителя, которых тоже Аксайский не намерен особо жаловать: «Врете, притязая на любовь к людям Вечного (Аллаха), и вас ввели в заблуждение абсолютно заблудшиеся»

И чем точнее цель, на которую направляются ядовитые стрелы поэта, тем ближе к конкретности, образнее речь его. Мы имеем в данном случае в виду Мухаммеда Тахира ал- Карахи, которого Аксайский не случайно выделил в стане своих классовых врагов. Лучший поэт и очеркист, внесший существенный вклад

в развитие арабоязычной литературы Дагестана, преданный до конца Шамилю и ни в чем не разочаровавшийся в нем, Карахи Аксайским объявляется без всяких обиняков невеждой: «Он выражал свои притязания на иджтихад невежественно и лживо и не знал его сути целиком>>

Аксайский в своей переписке с ал-Карахи не только забывает традиционный у мусульманских ученых такт, высокое уважение к личности адресата, и даже порой им незаслуженное, что мы видели в письмах Мухаммеда Яраги, но и за- нимается самовосхвалением: «Нет надежды на ваше выздоровление от болезни» (т.е. от невежества, прелюбодеяния, непризнания благоразумных людей. - А. Г.). «Наши слова откроют вам глубину нашего знания, а ваше водопойное корытце расплескалось, когда я подходил к нему». Более того, среди ученых — приверженцев Шамиля Аксайский не видит равного себе по интеллекту. Все они - фускулы — кони, приходящие к финишу на скачках последними, а он сам Муд- жалли - скакун, приходящий к призовому столбу первым. И, обращаясь лично к ал-Карахи. Аксайский пишет: «О! Фускул, желающий состязаться с Муджалли, ты слаб, чтобы меряться силами со мной»

Ненависть к противникам, пренебрежение ими не поки-

дали Аксайского до конца жизни. И даже предчувствуя смерть, он завещал сыну «остерегаться невежественных, раз- вращенных и поступающих неправильно», то есть ал-Карахи и Атты Гаджи Кумухского.

Антипатии эти, как можно было убедиться из всех приведенных примеров, - не сугубо личное отношение Юсуфа Аксайского к той или иной индивидуальности, а выражение классовой ненависти помещиков к их антагонистам по социальному положению.

Стихи Юсуфа Аксайского напоминают изречения типа: «Нет порочного без своей доли от Бога и нет покорного без того, чтобы он не вооружался разумом». Видно, они вызваны каким-то случаем из жизни, высказаны как вывод, который вытекал из события, которое имело место в действительности. Это - философия факта, но факта самого нет, он в произведении не воспроизведен, и даже не назван, но все же можно догадаться, о чем речь. «Мухаммед Тахир... оставил матерей арабского языка без ребенка. Не будет же тень прямой, если палка кривая!» 46 Это значит, ал-Карахи еще слаб в знании синтаксиса, вообще грамматики арабского языка, в его слоге нет согласования между членами предложений. Невер- но

мыслит, неверно выражается. Однако каких именно ошибках речь идет неясно. Другой пример:

Скот ходит в мороз худой.

О! Горе мне: в каком же положении буйволы?47

Видимо, автор хочет сказать подтекстом, мол что, в этот период безвременья в Дагестане положение народа (скота) тяжелое, а коль так, то лучшей части общества - дворянской элите (буйволам) еще хуже.

роза.

Опять же нет конкретики проявления упоминаемого мо-

Однако афористичность стиля Аксайского сближает его стихи с жанром философской лирики.

Поразительна схожесть идеи стиха Аксайского «Разве бывает неправильность речи без недостатка в мысли!» с изречением Шопенгауэра: «Кто ясно мыслит - ясно излагает», о котором Ленин высказался: «...лучше этого он (Шопенгауэр. - А.Г.) ничего не сказал»

И сентенции высказаны не бесстрастно, на них лежит отпечаток неподдельного чувства, эмоциональной личности автора.

Таким образом, несмотря на неприемлемый, идейно чуждый для нас характер творчества Аксайского, оно имело и объективно положительные черты, что никак нельзя сбрасывать со счетов. Прежде всего, в крае, где господствующей идеологией все еще был ислам, оппозиция ему со стороны высокообразованного мусульманского ученого вызывала у верующих сомнение в правильности курса руководителей имамата, она склоняла мыслящих людей к размышлению, имеет ли смысл продолжение священной войны в данных условиях. Ведь вместе с беспримерным героизмом, проявленным дагестанским народом и лично имамом Шамилем, наряду с народно-освободительным характером борьбы, продолжавшаяся 25 лет война была бесперспективной, надолго задержала развитие Дагестана, вынуждала его приносить тяжелые жертвы, мешала сблизиться с передовой Россией.

Аксайский, как и Мирза-Али Ахтынский и ал-Карахи, спустил литературу с высоты религиозно-этических абстракций, намного сблизил ее с жизнью общества, подключил в борьбу современных ей противостоящих сил. Нарастающая роль литературы в общественных делах стала с тех пор явлением постоянным.

Вместе с тем, благодаря своей недюжинной

поэтической одаренности и блестящему знанию арабского языка, Аксайский поднял дагестанскую литературу, в особенности поэзию, к вершинам подлинной художественности.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО МИРЗА-АЛИ ИЗ АХТЫ (АХТЫНСКОГО)

Другой не менее сильный и авторитетный ученый и противник сторонников имама Шамиля и не меньшего масштаба мастер слова, чем Юсуф Аксайский, был Мирза-Али Ахтынский.

Ахтынский -один из популярнейших в прошлом местных иноязычных поэтов Дагестана. «Обладая природным умом замечательного поэта, Мирза-Али-эфенди создал прекрасные стихи на арабском, персидском и тюркском языках» - писал его биограф, известный дагестанский историк Али Каяев.

Нашумевшее в бурный период истории Дагестана творчество поэта и необычный жизненный путь ученого не переставали привлекать к себе внимание читателей, поэтов и исследователей. Стихи Мирза-Али встречаются во всевозможных рукописных сборниках.

Некоторые из них опублико- ваны в «Диван ул-мамнуне» (в «Сборнике благородного») Га- сана Алкадари на языке оригиналов в 1913 году. Наиболее полно творчество Мирза-Али представлено в его сборнике, переписанном рукой известного арабиста Гасана Гузунова. Он включен в арабоязычный диван самого Гузунова «Тайна даров бедного Гасана». Рукопись готовилась к печати и осталась неизданной в силу каких-то обстоятельств.

Большое количество неизвестных ранее стихотворений этого поэта выявил и собрал доцент Дагестанского государственного университета Галиб Мухиддинович Садыки. В его кандидатской диссертации «Творчество лезгинских поэтов XIX века на арабском и азербайджанском языках» (1969) значительное место отведено Мирза-Али как классику.

Крупный знаток арабской, в частности арабоязычной дагестанской литературы Мансур Гайдарбеков в своей «Антологии дагестанской поэзии на арабском языке» (1965)5 напи- сал обстоятельно биографию поэта, опираясь на сведения, разбросанные в печатных и рукописных трудах предшественников. Глубокий анализ идейно и художественно значительных произведений Мирза-Али, в которых сильно эмоционально выраженное чувство его времени,

следует считать значительным вкладом Гайдарбекова в дагестанское литературоведение. Более того, в оценке самого Гайдарбекова и высказываниях показано, что Мирза-Али - мастер поэтической речи, всколыхнувший своим художественным словом весь литературный Дагестан 50-х годов XIX века. Это был настоящий шаг вперед в научном осмыслении наследия поэта, который серьезно помогает установить его место в арабоязычной поэзии Дагестана.

Хотя упомянутая квалификационная работа Садыки появилась на свет позже Гайдарбековской антологии, в ней отме- ченная сильная сторона поэзии Мирза-Али затронута без должной глубины. Просто ошибочен акцент, сделанный Садыки при разборе од Мирза-Али, посвященных Сурхай-хану II «...поэт проявил большую гражданскую смелость, совершил своего рода крамолу, посвящая стихи живому государственному деятелю». Из истории арабской, персидской, турецкой литературы, литератур других мусульманских народов хорошо известно, что поэты свои оды посвящали именно жи- вым, правящим властителям, и далеко не бескорыстно. Поэтому никакой крамолы и гражданской смелости Мирза-Али не проявлял, посвящая стихи

Сурхай-хану II. Вместе с тем ряд верных положений, анализ азербайджано язычных стихов поэта, содержащихся в диссертации Садыки, способствуют усилению внимания общественности к своему знаменитому земляку.

Заметным шагом вперед в этом направлении представляется кандидатская диссертация Фаили Магомед-Галибовны Садыки «Традиции арабской классической литературы и творчество Мирзы Али ал-Ахты», исполненная под руководством известного арабиста М. С. Киктева и защищенная в 1985 г. в Московском университете им. М. В. Ломоносова.

В переходе от общих рассуждений, от исследований обзорного характера к изучению конкретно важного явления в контексте сопутствовавших ему обстоятельств нам видится установка на работу вглубь, нацеленную на восстановление и полноту подлинно научной истории литературы. И действительно история возникновения и развития арабоязычной литературы Дагестана в диссертации Ф. М.-Г. Садыки изложена в ее интерпретации и творчество поэта раскрыта в связи с этой историям и на фоне действительности. Опираясь на поч- ти тысячелетний опыт горских поэтов, диссертант сумел показать способность традиций арабской литературы

видоизменяться и выживать на совершенно новой для них национальной почве. Доводы подкрепляют кредо диссертации: творческое использование традиций арабской и арабоязычной литературы Мирзой Али ал-Ахты и обращение его музы к центральному вопросу времени под напором действительности обусловили оригинальность его поэзии.

Исследование Ф. М.-Г. Садыки пусть не исчерпывающее (это и не входило в ее задачу), но раскрывает характер и пределы изменения традиций арабской классической литературы, которые они претерпели в Дагестане. И в этом свете в творче- стве Мирзы Али «явное стремление выйти за пределы канонизированных форм, желание наполнить эти формы живым содержанием».

Вместе с тем не убеждают суждения: «Для него (для Мирзы Али. – А. Г.) главное в мюридизме - идея мистической любви к богу.

Сильное влияние этого учения на его творчество было особенно до мюридистских событий. Однако и впоследствии поэзия его не была свободной от традиций суфийской литературы». И далее: «Мирза Али, таким образом, придает исключительное значение шариату — первой ступени, согласно суфийской теории, ведущей к всевышнему. По мнению

мирзы Али, для достижения бога необходимо также и то, чтобы человек стремился выработать в себе идеальные качества: доброту, благородство, милостивость, милосердие, честность, правдивость, и т. д. Так Мирза Али формулирует свой моральный идеал, который во многом не похож на идеал не-обузданных суфиев, у которых как известно, абсолютизация мистической любви к всевышнему нередко вела к пренебрежению к заповедям религии».

В стихах жизнелюба, сугубо земного Мирза Али и раннего и позднего периодов суфийских форм поэзии мы не видели: нет у него ни суфийской аллегории, символики, терми- нов (вино, виночерпий, локоны возлюбленной и т. д.), ни мистической любви, где под воспеваемой возлюбленной (или любимого) надо подразумевать бога, ни сюжетных стихотворений с дидактикой, встречаемых в «Логике птиц» у Фарид ад-Дина Аттара, в «Месневи» у Джалал ад-Дина Руми.

И напрасно Ф. М.-Г. Садыки считает, что «необузданные суфии» отвергают доброту, благородство, честность, правдивость. Как раз это их идеал. Они отвергают не заповеди религии, а смеются над «ограниченностью» официальных служителей культа, убежденных в невозможности увидеть при жизни лицо бога посредством подвижничества.

Славословия же в адрес бога, его посланника - обычное явление не только у ортодоксальных мусульман, но и у суфиев.

Наряду с этим хотелось бы увидеть в диссертации вклад поэта в данное искусства в большем и соответствующем действительности объеме, чем это так хорошо показано на самом деле.

Сказанным, думается научная значимость труда Ф. М.-Г. Садыки нисколько не умаляется.

Таким образом, выясняется, что предстоит еще раскрыть эволюцию творчества поэта в систематическом порядке, в тесной связи с жизненным путем и идейно-политической борьбой того времени, раскрыть его вклад в художественное развитие Дагестана.

Особо сложной проблемы биография Мирза-Али не представляет. О нем довольно много достоверных сведений содержится в «Асари Дагестане» и «Диван ал-Мамнуне» Га- сана Алкадари. Ознакомившись с творчеством поэта и ученого и опираясь на сообщения предшественников, Али Каяев составил его сжатую, систематическую биографию. Эти и кое-какие другие материалы и нашли отражение в только что названных трудах М. Гайдарбекова и Г. М. Садыки. Из всего этого

явствует, что Мирза-Али родился в 1770 году в ауле Ахты нынешнего Ахтынского района Республики Дагестан. Прошел курс арабской филологии, мусульманского богословия и права, логики, математики и астрономии у трех светил тогдашних, трех знаменитых Саидов: у Саида Араканского, у Саида Шиназского, у Саида Хачмазского.

Слава поэта и молва о необычной учености послужили причиной приглашения его на должность советника и письмоводителя у жестокого правителя, государственного деятеля недюжинного ума и арабоязычного поэта Сурхай-хана П Кази-кумухского и Кюринского (1744-1827). По устным и не удавшимся мне пока проверить сведениям, хан и его советник состязались на досуге, слагая стихи и экспромты на языке посланника Аллаха. Видимо, это соответствует действительности, отношения между ними сложились дружеские, ибо в одах Мирза-Али, посвященных Сурхай-хану, чувствуется искренность. И надо полагать, гуманный советник благотворно влиял на хозяина и предотвратил не одну беду.

В 1820 году Сурхай был свергнут русскими войсками и по воле генерала Ермолова на его место был назначен его племянник (сын брата) - еще более жестокий и коварный Аслан-хан. Последний по многим веским

причинам патологически ненавидел своего правившего дядю и отчима, немилосердно преследовал его сторонников, всех тех, с кем у того были хорошие взаимоотношения. Не мог он, естественно, простить и Мирза-Али его близость к Сурхаю.

В 1813 году Сурхай вернулся из Персии, и тогда по этому поводу в качестве приветствия хана Мирза-Али сочинил в его честь оду. В ней, в частности, говорилось:

И слава тому, кто дает сильному силу его, А порочному - его злобу бесплодную

(Подстрочный перевод с арабского Али Алкадари)

Теперь, в 1820 году, после приобретения полноты власти, в ушах действительно порочного по нраву и томившегося долго в бесплодной злобе Аслан-хана слова те звучали непростительно дерзко, оскорбительно для него. И Аслан-хан велел арестовать поэта-мыслителя и «в отместку за ту оду в селении Курах в очень холодное время бросил его в водоем в одежде и долго помучил во льду, а потом освободил его».

Уцелевший чудом, благодаря своему исключительному здоровью, Мирза-Али продолжал совершенствовать

свои зна- ния, занимал должность главного кадия аула Ахты и был уважаем народом, многочисленными учениками, среди которых был и Гасан Алкадари (1855), который услышал из его уст только что переданный факт и другие сведения, что мы будем дальше.

Осенью 1848 года Шамиль захватил Ахты, осадил крепость с русским гарнизоном, где скрывались и некоторые видные люди окрестных аулов, в их числе и Мирза-Али. Осада длилась долго, подкрепление не подоспело, наш поэт не выдержал и сдался на милость, рассчитывая, что имам уважит хотя бы его почтенный возраст. Вопреки ожиданию, он был арестован и отправлен из Ахты в Аварию пешком. Конвой обходился с ним грубо. Не лучшим было и обращение с ним во время более чем годичного пребывания в тюрьме, затем он был освобожден в числе других взамен мюридов, находившихся в плену у русских.

Наперекор завистникам, и порой влиятельным, был Мирза-Али уважаем населением и обожаем учениками.

—

Определившийся в 1855 году на учебу к Мирзе-Али в Ахты, Гасан Алкадари показывает черты,

характеризующие личность своего учителя: принял хорошо, обеспечил жильем, был внимателен. Однако на выдачу книг из личной библиотеки ученикам учитель был не скор. «Я попросил этого старца, пишет Гасан Алкадари, - одолжить мне на некоторое время книгу Харири «Макамат» 12 для переписывания списка с нее. В то время она была в Дагестане большой редкостью, потом только распространилась в этом крае в печатном виде. Она была мне обещана на временное пользование, но это, как обычно, задерживалось. И да простит его Всевышний за это: он отказывал в книгах заемщикам» (Перевод с арабского мой - А. Г.). Лишь после того, как молодой Алкадари обратился со стихами сперва в адрес самого Мирза-Али, а потом его сына Мухиддина с напоминанием о своей просьбе и обе- щания владельца рукописи, книга была предоставлена в распоряжение просителя и лишь на некоторое время.

Понятно, каким глубоким и всесторонним должен быть интерес дагестанцев к арабской классической литературе, ес- ли они так высоко ценили подчас анекдотического характера рассказы Харири, написанные порой весьма сложным языком.

«Когда мы учились в Ахты, - продолжает Алкадари, - в

свободный от занятий день наше общество студентов вышло в роскошный, тенистый сад, и мы приготовили вкусные блюда и напитки и все сошлись во мнении, пригласить туда стар- ца, для оказания ему уважения и почестей... И старец наслаждался, был с нами весьма любезен, вел себя как обычный собеседник, читал нам стихи, рассказывал о некоторых событиях, увлекался курением табака, в противовес другим ученым Дагестана, и он говорил, что он это делает, чтобы лечиться им от некоторых болезней. Но мы не спросили его об этом, чтобы он не подумал, что мы не одобряем это. Было ему около девяноста лет, был он крепок здоровьем, без видимых признаков слабости» 14 И за этим следует рассказ Мирза-Али о пребывании в плену у Шамиля.

Умер Мирза-Али в глубокой старости в возрасте восьмидесяти девяти лет в окружении благоговевших перед ним учеников и земляков на своей родине - в Ахты и похоронен там.

И справедлива меткая характеристика личности Мирза- Али, данная учившимся у него философии и физике Гасаном Алкадари:

О горе! Как жаль бесподобного воспитателя, Героя духом, свободного поборника блага.

Прежде чем говорить о характере наследия

Мирза-Али, нужно иметь четкое представление о том, что же уцелело из его творчества и как оно дошло до нас. Созданное поэтом на персидском и азербайджанском языках выявлено далеко не полностью, а выявленное мизерно по количеству, спорно по авторству и будучи принадлежностью Г. М. Садыки, для дру- гих недоступно. Потому без соответствующей текстологической работы судить о качестве персидско-азербайджанских стихотворений Мирза-Али, о характере их связей с его ара- боязычным творчеством пока не представляется возможным.

Сборники стихов на арабском и родных языках в Дагестане стали составлять и издавать отдельно лишь незадолго до Октябрьской революции, когда литературы окончательно отпочковались от других отраслей науки, знаний, когда люди осознали специфику художественной литературы. До того от- Дельные ценители, энтузиасты включали незначительное ко- личество стихов полюбившихся им поэтов в рукописи самого разнообразного содержания. Я лично видел стихи Мирза-Али в той самой рукописи, составленной Салманом Махачевым из аула Чох Гунибского района, где были помещены стихи и письмо

Зайда Курклинского к Гасану Алкадари (1853), использованное мною в книге «Лики времени» (1976) и профес- сором М. А.Абдуллаевым в монографии «Мыслители народов Дагестана XIX и начала XX века» (Махачкала, 1963, С. 95– 96). Рукопись исчезла, сохранилась фотокопия у Абдуллаева, снятая Ибрагимхалилом Курбаналиевым. Один этот факт говорит о том, что стихи и оды Мирза-Али были распространены по всему Дагестану в рукописях, а нам известны лишь списки из названных выше рукописей, из книги Мухаммеда Тахира ал-Карахи «Блеск шашек дагестанцев в некоторых битвах Шамиля».

Единственный сколько-либо полный сборник стихотворений Мирза-Али, дошедший до нас и переписанный рукой известного поэта, знатока астрономии Гасана Гузунова, со- держит около пятисот бейтов двустиший (касыды, элегии, описания, духовные стихи). Ни в начале, ни в конце дивана Гузунов не упоминает составитель он или их автор. По всей вероятности, это дело рук самого Мирза-Али, а Гузунов мог кое-что и опустить по своему вкусу. К этой мысли нас склоняет предисловие, которым автор снабдил свой сборник. Поскольку содержание

предисловия характерно во многих от- ношениях, о чем речь идет дальше, приведем его полностью. «Во имя Аллаха милостивого и милосердного, хозяина высокого положения!

Хвала Аллаху, радующему души правоверных, ведущему мусульман по верному пути, освещающему сердца верующих в Единого Бога, охранителю и помощнику.

Молитвы и привет благороднейшему в мирах Мухамме

ду, его роду и соратникам, всем вместе.

А затем, часть од и стихов моих, возникших вследствие слабости мысли моей и дальнозоркости моей, несмотря на то, что они новы (свежи), но не ценятся в глазах проницательных и превосходных ученых, я привожу как память оставшимся после меня, чтобы они были причиной поминать меня и помолиться обо мне в далеком будущем после моей смерти.

И поистине Аллах - добрый охранитель, он самый милостивый из милосердных. И да благословит Аллах лучший создатель. Он лучший хозяин и наилучший помощник. Мы рискуем, полагаясь на Него, вернемся к Нему, у Него место возвращения.

Помоги нам, о Лучший помощник, облагодетельствуй нас в обоих мирах своей благосклонностью, о Лучший пропи- тающий!

-

Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Через Тебя помощь о Хорошо помогающий. Восемь раз фаилатун».

Из предисловия явствует, что сборник все же составлен самим Мирза-Али. С одной стороны, он - строгий блюститель традиции мусульманского самоуничижения, стремления при авторстве остаться незамеченным. Отсюда видимое согласие его с оценкой его поэзии со стороны ученых- ортодоксов ислама. С другой стороны мы знаем, что Мирза-Али человек твердых убеждений. Честолюбивый и последо- вательно принципиальный, он, видимо, сознавал цену своим стихам, их новаторскому характеру, нехотя соглашался со взглядом «проницательных ученых», не считающихся со свежестью, новизной его стихов, игнорирующих их (что это так, Мы еще убедимся). Потому он и составил свой сборник на па-

мять потомкам.

Творчество Мирза-Али подразделяется на два периода. Можно утверждать, особо не опасаясь ошибиться, что к первому периоду относится жизнь поэта до столь памятной встречи с Аслан-ханом.

Стихи, созданные поэтом в этот период, представляют собой оды в честь пророка, местных правителей. В религиоз- ных касыдах (одах) немало утвердившихся в мусульманской духовной поэзии штампов. Это жалобы на трудность темы, для разрешения которой требуется талант недюжинного поэта, это эпитеты, призванные рисовать сущность и облик пророка и всевышнего, властно приобретавшие право гражданства в религиозной литературе, в молитвах. По одному лишь приведенному выше предисловию можно судить, какое значительное место в стихах Мирза-Али занимают мольбы к всевышнему, духовные и прочие славословия.

Сопровождающие патриотический и верноподданнический пафос поэта эпитеты, призванные подчеркнуть государственную мудрость, справедливость и великодушие, безупречность натуры мам- духа (хвалимого), порой не отличаются свежестью, ими не раз пользовались арабские, персидские и прочие поэты.

И даже тогда, когда тематика произведений кажется конкретна, она не раскрыта в конкретах, предметного рисунка нет, слова не живописуют.

Характерна в этом отношении перекличка Мирза-Али с Магомед-беком, сыном Нух-бека, который убил выстрелом своего прославленного дядю Муртазали II по приказу его отца Сурхай-хана II:

Одни ушли, часть осталась.

Слезы мои горьки, а веки льют их. Беды времени напоили меня чашей Горечи из кувшинов разлуки, —

писал Магомед-бек.

<...>

Наглотался я, несчастный и неприятностей,
смешанных со слезой и страстью.

Мечтал о скором свидании,

Как отравленный о противоядии и лекарстве. О! Если бы встреча, я бы, спасся, несомненно навеки. Жаждал встречи, думал получу возможность,

Чтобы я мог рассказать о своих невзгодах.

Увеличь ко мне свою любовь, о мое убежище,

Чтобы ею (при ее помощи) я мог подняться на высоту.

И добавил поэт Ахты — это соответственно размеру и смыслу.

Из арабского двустишия (в подстрочнике - четверостишие) Магомед-бека неясно, кто ушедшие и их оставшаяся часть (родственники, друзья, герои, мудрецы и т.д.), о каких именно несчастьях идет речь. Совсем невозможно предста- вить себе кувшин разлуки, чаши горечи. Жалобы на удары судьбы ответного чувства не вызывают.

Пятистишие же (в подстрочнике десять строк) Мирза-Али в этом отношении выглядело несколько выгодно, в чем прослеживается определенная искренность: стихотворение, вызванное недолгой разлукой с возлюбленной или с Богом (говорится по-суфийски двусмысленно, что можно понять и так и этак). И мученический герой жаждет встречи, как отравленный противоядия и лекарства.

При содействии увеличившейся любви «поднимается на высоту». Вот тут и расплывается поэтическая мысль, которая должна была фокусировать содержание стихотворения. Что же под достигаемой вы- сотой понимать: удовлетворение в чувстве ответной любовью со стороны любимой женщины или

сознанием, что встретился с Всевышним и понял, что облагодетельствован им. Чем же это неконкретным, неясным охвачена душа поэта? Он вызвал работу мысли читателя, но искры эмоции не зажег.

Как здесь, так и в других произведениях поэт подсознательно нащупывает способ выражения душевного состояния исторически конкретной личности, его переживания. И ви- дим, по отдельным штрихам, что эти возможности в нем были заложены.

Реализации этих возможностей способствовало своеоб- разное, глубоко противоречивое, с убыстряющимся темпом время, в которое поэт жил.

Усилившееся стремление России к господству над Кавказом наталкивалось на подогреваемое западными державами нежелание Персии примириться с потерей прикаспийских областей. А мусульманское население региона, связанное с ближневосточными странами тысячелетними узами культуры, традиций, общностью религии и оказавшееся между молотом экспансии царизма и наковальней одряхлевшего Востока, вынуждено было считаться с реальной силой северных соседей и произвести невиданно тяжелую переоценку ценностей, так или иначе решить вопрос переориентации.

В этих условиях одни владетели Дагестана и

обслуживающие их проницательные и дальнозоркие ученые поняли бессмысленность сопротивления и решили принять русское подданство; другие, как и их побежденные прежними завоевателями, но не покоренные ими предки, решили любой ценой защитить свою свободу и независимость от колониальных притязаний царизма.

Относившийся к числу последних Сурхай-хан П Казику- мухский, видимо, рассчитывал на какие-то внутренние и внешние факторы и находил, что в тех условиях можно сохранить свою феодальную автономию. И в течение целых 17 лет состояние войны, длившееся по его воле, причинило на- роду немало горя, страданий.

Будучи незаурядным государственным деятелем и рассуждая по логике вещей, он предположил, что помощи в борьбе против России можно ждать от ее лютого врага - Ира- на. А прежде чем обратиться за содействием к шаху-шииту, хан-суннит понимал, что ему следует избавиться от своего суннитского «запаха». Он с этой целью поручает знатоку вопросов веры Зариру Казикумухскому восславить 12 шиитских имамов в оде. Поскольку последний персидского языка

не знал, а песня должна была звучать на понятном для тегеран- ского двора языке, он сочинил ее на доступном для всех грамотных арабском языке. По выполнении заказа, хан обязывает и Мирзу-Али (вероятно, и других) создать оды такого же содержания. И дальнозоркий Гасан Гузунов счел необходимым сообщить и объяснить непосвященному читателю грядущих поколений сбоку такой касыды поэта, на корешке: «Это из сказанного Мирза-Али Ахты о господинах людей, о великих имамах (да смилостивится Аллах над ними, наилуч- ший им привет), когда Сурхай-хан попросил его написать касыду, подражая покойному Магомеду Зариру Кумухскому. Да простит поэта Аллах, который направил нас на это»

Следовательно, за, казалось бы, сугубо религиозными рассуждениями скрываются политические, классовые страсти, патриотизм поэта нелегко угадать в богословских одеяниях.

Сурхай-хан, видимо, понимал, что в борьбе с внешними врагами нужно опираться прежде всего на собственный народ, на его интеллигенцию, на помощь соседей. Чтобы пользоваться этим, он должен был иметь в их глазах авторитет высокообразованного отца

и мудрого вождя народа, защитника края, опоры веры и жизни, заступника обиженных и беззащитных.

Может быть, и сам считал, что на выполнение такой роли наиболее достойный претендент он - Сурхай-хан II.

Его некоторые поступки несколько походят на поступки его современника, прусского монарха Фридриха II. Как и тот, Сурхай вел суровый образ жизни, был действительно высоко- образованным человеком, стремился показать себя просвещенным монархом. Окружил себя светилами шариата и нау- ки: Мирза-Али Ахты, Магарамом Ахты и др. Впервые в истории Дагестана при дворе мы видим поддержку официальной властью поэзии, придворных поэтов (тот же Мирза-Али, Магомед Зарир, видимо, и др.). Более того, сам хан во всеоружии соперничает со своим лучшим поэтом (Мирза-Али) в сочинении арабских стихов. И поэзия впервые сознательно направляется на выполнение общественного задания, классовых интересов хана (воспевание его в одах, восхваление шиитских святых в дипломатических целях). Поэзия начала играть невиданно активную роль в жизни общества. Это повышение авторитета художественного слова было обусловлено

потребностями общественного развития, вызвано к жизни велением времени. И все же во всем этом, в усилении влияния искусства слова на социальную жизнь историческая заслуга Сурхай-хана II перед литературой.

Этот князь может быть и назван Хъун Буттой (Великим Отцом) по справедливости, но все же он, как и все феодальные князья, был жестоким диктатором. Лишь за то, что род- ной брат Саид-бек пришел к выводу, что нет другого выхода кроме как жить с русскими в мире, хан вызвал его в Курах и повесил. Вот, как обычно, справедлив народный суд по этому поводу:

—--

Нану, манарда, Сяид,

Ва ца ххуллий Къурагьав: Та лавмарт Сурхай-ханнал Вин ца макру бантIиссар

Смотри, не езжай, Саид-бек.

На этот раз ты в Курах:

Этот коварный Сурхай-хан

Поступит с тобой коварно.

—---

Каково же конкретное содержание поэзии Мирза-Али, в частности его касыд, посвященных такому правителю? И каково наше отношение к его позиции?

Понятное дело, будучи фаворитом и советником хана, получая солидное жалованье из его рук, живя за счет этого, в тех условиях Мирза-Али не мог в своих одах не возносить его. К примеру, по содержанию касыды «Тебе хвала, достойный, о талантливый» хан «отец - владетель (вали) Дагестана, великий достоинствами». Его мы считаем святым, говорит поэт, потому что уничтожает все печали, после замирания сердца в груди. Он не только гроза насильников, сильных мира сего, но и опора беспомощных, бессильных. Лишь при его покровительстве могут жить эти «зайцы». По его возвращении из Персии:

<...>

Отстало всякое насилие от всякого насильника (То есть всякий перестал делать любое насилие.

Вернулся сон векам зайцев

Вариации этих же мыслей находим и в других одах. «Холодная родниковая вода связи с Вами - прибыль для купца, говорится в касыде, «Вы помогли мне, о господин мой, по милости Помогающего (т.е. Аллаха -

А. Г.).»

Ваше деяние - милость для всех просителей.

Льется дождь Вашей щедрости во всем благоухаНИИ

Вы были милосердным и с каждым посетителем. При Вас - убежище от каждого жестокого (человека)

Итак, Сурхай-хан II для Мирза-Али - идеал правителя, хотя в действительности тот был далек от этого. Но было бы ошибочно усматривать в этих похвалах одну только защиту классовых интересов феодала с корыстной целью.

Правовед ислама Мирза-Али был идейным единомышленником правящего правоверного мусульманина (Сурхай- хана II. - Ред). При всей одаренности первого на его образованности лежал отпечаток ограниченности, обусловленной традициями, временем. Знали бы они оба как серьезные страноведы настоящую географию и подлинные масштабы русского государства, они бы поняли бессмысленность сопротивления. Не имея понятия об этом, хан возглавил борьбу за независимость края, а поэт поддерживал его политику. И в этот период феодального безвременья в

относительно справедливом правлении Сурхай-хана II Мирза-Али видел относительное благополучие для всего народа.

Вместе с тем, расхваливая щедрость хана, поэт напоминает правителю не забывать о простом народе, нищих, беззащитных, их нуждах. Его оды - не беззастенчивое восхваление тирана ради щедрого вознаграждения. Воспевая хана и выдавая желаемое за действительное, поэт «милость к падшим призывал». С высоты сегодняшнего дня может показаться незначительным уровень народности од Мирза-Али. Однако нужно было иметь мужество, чтобы возразить, перечить хану в вопросе, который всерьез заботил его.

В условиях феодального произвола, в атмосфере постоянных доносов, интриг, нарушений клятв и предательства, притязаний честолюбцев на власть. Сурхай-хан, сам во мно- гом виновный в этом, не видел в своем окружении, в обществе людей благородных - личностей с духовным величием:

<<Кто найдет благородных среди людей хотя бы редко?

И такой скрыт, как несуществующий.

Точно так же не осталось стыда у людей.

И нет долга. А где верность?

Скрылось солнце, и нет ответа.

Погрузился мир в темноту и где сияние светила? И где проницательные, ум - разум,

Тень правильного пути? Где их найти?»,

писал Сурхай-хан II, невольно и опосредствованно отражая бренность своего класса и собственное субъективное одиночество и пессимизм.

В ответ на это близкий к народу и знающий меру его духовных сил, Мирза-Али сочинил пять бейтов, сопроводив их предисловием с характерной для поэта прямотой: «Сурхай- хан произносил этот бейт (двустишие) об отсутствии благородных людей в наше время и попросил меня, чтобы я тоже сочинил об этом. А я сочинил о существовании благородных:

...Благородных мало, и они скрыты,

Подобно земле, чистота которой возвысила ее.

Мы нашли благородных людей разной степени. Превосходят они навеки свет двух лун.

И маленькая степень повысила их цену.

И возвысили они свое небо над всеми небесами. Подобно тому, как были отмечены достоинством и величием

Люди красивой души. Да восславит их похвала А я из вечно молящихся с добрым намерением О том, чей благодатный двор возвеличился» Как видим, Мирза-Али находит благородство во всех сословиях общества. В этом и исток оптимизма поэта. И выражается оно благородство, по мысли поэта, не обязательно в громких акциях. И тут невольно напрашивается риторический вопрос: в самом деле, разве благородство бедного человека, делящегося с нищим последним куском хлеба, ниже благо- родства богача, жертвующего совсем незначительной частью имущества!

В условиях, когда культура, литература Дагестана еще сохранили черты средневековья (рационализм, синкретизм, господство религиозного мировоззрения), когда в крае заря новой жизни только занималась, Мирза-Али осознал важность роли, выполняемой художественной литературой в об- ществе, стал выражать своим словом социально важные мысли, составив впервые в истории Дагестана сборник стихотворений (1848 г.), расколол синкретизм

литературы, узаконив этим самым выделение из нее, зарождение чисто художественной литературы. В этом историческая заслуга Мирза-Али, его вклад в историю литературы. Таков немаловажный итог первого периода творчества поэта.

И все же, оглядывая все творчество поэта первого периода, не можешь не думать, что важные гражданские мотивы еще не стали переживаниями исторически конкретной индивидуальности, в стихах еще нет лирической ситуации.

***

По мере проникновения царизма в горы, усиления накала национально-освободительного движения горцев Северо- Восточного Кавказа, происходило размежевание, дальнейшая поляризация противоборствующих сил в местных кругах. Желая перетянуть на свою сторону авторитеты, колониальные власти стремились разложить, расколоть массу подкупом влиятельных людей, должностями, пенсией и разными льготами.

Успеху подобных действий способствовал и ход событий, уроки самой жизни, которые не могли не извлечь для себя, по зрелом размышлении, дальнозоркие, проницательные люди, к которым относился и

Мирза-Али. Он и раньше хорошо усвоил истину, что феодальное общество Дагестана - мир беззакония, произвола и жестокости. Он не мог не присматриваться к завоевателям, не задавать себе вопроса: кто они, эти завоеватели, и что с собой несут? А русские в покоренных районах прежде всего не осквернили мечети, не преследовали, не трогали верующих, что для правоверного мусульманина было немаловажно. Былых порядков они особо не изменяли, во внутренние дела обществ не вмешивались. Не столкнув- шись в их лице с чудовищами и, оценив, наоборот, их великодушие к покоренным, знакомясь, по своей любознательности с их порядками, как и все, поэт должен был испытать перелом в сознании. Такому перелому, по-видимому, явившемуся идейной базой творчества Мирза-Али второго периода, послужило и испытание самим ученым и поэтом полноты не- справедливой жестокости сперва со стороны Аслан-хана, а позже и со стороны имама Шамиля. И слишком далекие от совершенства русские государственные порядки, которые зиждились на писаных законах, которые обязательны для всех, •поэту, наверное, показались предпочтительными перед неограниченной властью ханов и беков.

Итак, в силу сложившихся причин и стечения обстоятельств поэт оказался в гуще бескомпромиссной идейной борьбы, которая велась вокруг центрального и поистине актуального вопроса - о дальнейшей судьбе Дагестана.

Вполне возможно, что те, на кого царизм возложил обязанность возглавить покорение края, и попытались подкупить, привлечь на свою сторону нашего поэта, как это было с его учителем - Саидом Араканским. Однако никаких данных, никаких письменных показаний и даже устных преданий об

этом нет.

Думается, что к убеждению о бессмысленности сопротивления горцев намного превосходящему в силах противнику, что кровь мусульман проливается напрасно и подвергание их бесконечным мучениям ничем не оправдано, Мирза-Али пришел сам. Он не мог не знать положение шариата, утвержденное выдающимися законоведами ислама и прозвучавшее из уст Джамалуддина Казикумухского и других в его время, о том, что газават или джихад (священная война против иноверцев) объявляется только в том случае, если объявляющие превосходят противника в силах вдвое. Он не мог не знать о длительной истории

совместного мирного проживания мусульман и иноверцев в разных странах, проживания мусульман под правлением иноверцев. Не переставали те приверженцы Мухаммеда от этого быть мусульманами, не изменял своей совести, религиозным догматам и Мирза-Али, рассуждая здраво о конкретных исторических событиях и фактах.

Без учета всего сказанного понимание творчества поэта второго периода было бы неверно и неполно.

Итак, этапирование Мирза-Али из Ахты в Аварию в преклонном возрасте, суровое обращение мюридов с интеллигентным человеком по распоряжению самого имама Шамиля, длительный подневольный досуг в заточении вызвали в нем гнев и возмущение. А для выражения своих мыслей и чувств «поэт по милости божией» Мирза-Али призвал на помощь музу. Стихи, появившиеся на свет таким образом, подняли творчество поэта на новую ступень и явились серьезным вкладом в дальнейшее развитие дагестанской поэзии.

Процесс демократизации арабоязычной литературы, уже дающий чувствовать себя в это время, и умножение элементов реализма, становление этого метода в искусстве слова Дагестана проявилось

прежде всего в эпистолярном жанре наиболее живой и активной форме обмена художественной речью того периода. Выразилось это, в частности, в ряде существенных черт переписки Мирза-Али.

В письмах предшественников значительное место занимали второстепенные вопросы, сообщения. В письмах его учителей Саида Араканского, Мухаммеда Яраги, например, в начале много внимания уделяется восхвалению Аллаха, его пророка Мухаммеда с семьей, потомками и соратниками, возвеличиванию самого рядового адресата. Их слог был цветистым, выспренне-возвышенным. И в конце они слишком уничижительно называли себя.

Соблюдается эта трехчастность и нашим поэтом, но выглядит она совсем иначе.

Прежде всего, содержание наполнено и с личной, и с общественной стороны важной информацией. К примеру, для заключенного (и не только для него) важны мотивы его привлечения к ответу. Это вопрос о разумности и справедливости государственного строя, существующих властей. А Мирза- Али, к примеру, в письмах к начальнику инженерной службы Шамиля, Гаджи Юсуфу отводит от себя тяжкие обвинения: <<О! Юсуф! Ты именно стал обвинять меня в

преступлениях, из которых ни одного я не совершал. Потому что мое стихо творение «О! Господин господ!» мною было сочинено, когда из Тифлиса вернулся Магомед Мирза-хан после такого опоздания, после того, что люди подумали, что его арестовали там. Я это сочинил, поздравляя его с приездом.

Это видно народам-правителям. Что же Вас побуждало думать, что я его сочинил про одну русскую особу? Как странно, что к тебе приходят всякие мысли обо мне!»

Во втором письме поэт сообщает тому же адресату: «Что же касается первого случая, то я ответил на твой вопрос о панегирике Головину. Относительно же второго случая я объяснил, чем вызвано мое стихотворение «О! Господин господ!». И оба ответа соответствовали двум разным вопросам без всякого противоречия»

Мирза-Али так же, как и его предшественники, воздает должное создателю, но несколько скромнее. А с адресатом особо не церемонится «И Вам мира, приветствия и почте**ния»** и все больше ни слова в адрес человека, от действий которого зависит его судьба. Вся первая часть письма занимает всего две строчки. И так обращается к нему всегда. Не

превышают четверть строки и самоуничтожения в конце письма: «Виновный Мирза-Али Ахтынский». Для него «арена письма тесна». Такой лаконизм характерная черта стиля письма Мирза-Али, и обусловлена она тем, что его душу раздирали множество важных и неотложных вопросов, делиться которыми он спешил с адресатом. Короче, «несущая часть» письма насыщена значительной многогранной информацией о поэте, о его времени, о нравах людей.

В письме к наибу Магомеду, «тезке благородного пророка», изложена законная жалоба на дикое содержание заключенных под арестом: «Ваши люди мучили нас ночью, насиль- но и принужденно поместив нас ночью в темное, тесное, грязное и кишащее блохами и неубранное за целый год помещение. Мы не могли ни дремать, ни спать до утра. Нас сторожили грубые сильные конвоиры, которые, ослушавшись Аллаха, не следовали его велению и делали то, что он не приказывал». Мы узнаем о маршруте, о том, в чьем распоряжении они находились, о том что они правоверные мусульмане и их единственное законное требование предоставить им чистое помещение, чтобы они могли читать Коран, молитвы служить Богу или же вернуть их в Согратль, на прежнее место. Интересен конец письма, показывающий

убежденность Мирза-Али в своей правоте и несправедливости его хозяев: ...Да направит Вас Аллах на правильный путь. Заключенный Мирза-Али.

Трудно обнаружить след вычурности, неестественной яркости речи как здесь, так и в других письмах Мирза-Али. Его кредо теперь - «Берегись искусственности, нарочитости», буквально: «Будь в безопасности от искусственности»

А ведь в первый период своего творчества, например, в письмах к Мухаммеду Яраги, Саиду Араканскому, был и его слог цветист, манерен. Сила простого, доходчивого слова у него теперь помножена на действенность подлинной поэтической речи. В его письмах проза перемежается с поэзией, тем самым подчеркивая рост веса художественного слова, его обособление от средневеково-синкретической литературы Дагестана.

Помимо насыщенности информацией, простоты слога, проза его писем «подперчена» острым сарказмом в адрес противников автора. От случая к случаю вспыхивают глубокие мысли, красочное по форме острословие. Вот лишь некоторые из них, извлеченные нами только из одного письма, адресованного Гаджи Юсуфу. Обличая последнего во лжи и призывая его

бояться Бога, Мирза-Али писал: «Дрожи, будучи одет в шубу и туфли... Ты приписывал мне ошибку в обоих моих ответах. Нет, наоборот: ошибся сын сестры твоей тетки. По всей вероятности, ты - косой, и не имеет значения ни твое зрение, ни твой разум. Да исправит Аллах их вместе... Что же касается твоих доводов, то они в одной долине, а истец (т.е. приводящий доводы, претендент на изречения. - А. Г.) - в дру- гой, и между ними - огромная пропасть без моста. Как же тогда завершится сближение без сближения с истиной?» 30. Вот как образны, убийственны эпитеты, сравнения, метафоры Мирза- Али. Он не только успешно защищал себя от наветов острым словом, но и нападал на противников, разоблачая, обезоруживая их. И отмеченные черты писем Мирза-Али - их характер- ное качество, система, явления далеко не случайные.

Уже приведенные примеры не оставляют сомнения в острой публицистичности писем Мирза-Али. Известно, что публицистика как род литературы ставит актуальные политические, экономические и другие проблемы, исходя из определенных социальных и нравственных идеалов, желая изменить, улучшить существующие порядки. Опираясь на благородные

традиции ведения научного спора, Мирза-Али высмеивает оппонента, обвиняя его в научной недобросовестности, и недостаточной компетентности в поднимаемых вопросах: «Ты сделал (неверный) вывод, осуждая поэтов, ссылаясь на высказывание Всевышнего: «И поэты за ними следуют заблудшие», но не дочитал до исключения. Похоже на то, что ты читал: «Поистине, человек ведь в убытке», и не дочитал до «кроме тех, которые уверовали». И читал: «А потом вернем его в нижайшее из низких (состояние. А. Г.)»; и говорил:

«необязательна молитва» и не дочитал до «немусульманам»

Мирза-Али изобличает Гаджи Юсуфа в искажении «слова божьего», напоминает тому, что в той же 26-й суре Корана (стихи 222-227) после слов о поэтах, идущих во главе заблудших, говорится о тех, в том числе и о поэтах, которые уверовали и творили добрые дела и поминали Аллаха много» (Коран /Пер. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986. С. 311).

Таким образом, обнажая сугубо светскую суть чисто богословского спора, Мирза-Али доказал, ссылаясь на священное писание, что были и есть поэты, в том

числе он и сам, борющиеся за народное, потому угодное Аллаху дело.

Проявление характера противника, его поведение, имев- шие место в действительности, служили Мирза-Али доказательством его мысли, раздражителем его эмоций: «Я тебе говорил, писал он, заканчивая там же письмо к Гаджи Юсуфу, - Я тебе говорил не раз «неужели ты не остановишься?». А ты не остановился! Знай же, что я - приезжий (т.е. чужестранец в плену. - А. Г.), а ты - местный и разумный. Мир, наслаждение для тебя - поистине на один час. Хотя умные люди и останавливали, мол, хватит, ты говорил: Нет, не хватит» 32.

Важен для Мирза-Али не столько сам Гаджи Юсуф, занимающий важную должность и разумный, сколько смысл его поведения:

«О! Юсуф! Твое поведение - смотреть на просвещенных глазами презрения, а на правителей саркастически и с насмешкой, на кадиев с порицанием, а на простой народ с проклятием, на шейхов - клеветать, на суфиев - злословить и высмеивать. Но никто не будет несчастным от твоего языка, хотя он острее меча»

Отмечая отличительную черту писательского стиля

А.И. Герцена, В. Г. Белинский замечал, что «главная сила его не в художественности, а в мысли, глубоко прочувствованной, вполне осознанной и развитой. Могущество этой мысли главная сила его таланта: художественная манера схватывать верно явления действительности второстепенная вспомога-

тельная сила его таланта- мысли нашего писателя также вполне осознанные, выстраданные, ставшие убеждениями, потому при изложении порой выливающиеся в сентенции, вроде: «Подобное безобразие - безобразие» .

Таким образом, публицистика в самом хорошем смысле этого слова, существовавшая в дагестанской литературе в •элементарном, зачаточном состоянии, в 20-е годы XIX века вступившая в полосу становления, в письмах Мирза-Али обнаруживается уже в зрелом виде, чему свидетельство отмеченные черты. Они в такой же степени характерны и для его стихов.

***

Итак, в письмах Мирза-Али в систематической форме отразился процесс упрощения слога, наполнения содержания общественно важной, личностно-индивидуальной информацией с четко выраженной авторской эмоциональной окраской. Эпистолярный жанр дагестанской литературы

решительно встал на путь критического реализма, повернулся лицом к запросам века. Эти черты, отпечатавшись в письмах Аслан-хана, Газимагомеда, Шамиля, Джамалуддина Казику- мухского наиболее полно отобразились в эпистолах Мирза- Али - сочетание в них поэзии и прозы и их поэтичности подтверждали и правомерность претензии писем на выделение из средневековой синкретической литературы в сугубо художественную литературу.

Систематичность указанных свойств художественности писем Мирза-Али подтверждается и анализом его стихов того же периода. Невозможно представить себе шаг вперед, сделанный им навстречу новому методу, не сопоставив то, что было до него, с тем, что он сделал. Приходится, давая общую характеристику арабоязычной литературы предшествующего времени, невольно повториться.

Стихи поэтов обычно начинались со славословий в адрес Бога и пророка (этикетность), нередко адресату давались все- возможные советы (дидактизм). Как правило, сюжетности, лирической ситуации в стихах нет, потому поэтическое мышление абстрактно, в нем аксессуаров, деталей материального мира или совсем мало, или нет, композиционная стройность

стихотворения достигается логикой рационалистического суждения. Язык подчас цветист, вычурен. Таковы общие стилистические черты абстрактно-обобщающего метода дагестанской арабоязычной поэзии начала XIX века и предшествовавшего времени. Они еще долго сосуществовали в ней с новыми явлениями. Одним и главным из вносивших эти новшества в литературу был Мирза-Али.

Его стихи не отвлеченные рассуждения на мало кого интересующую тему. В разгар небывало долго затянувшейся войны, в которую были вовлечены десятки тысяч людей и в результате исхода которой решались судьбы народов всего Кавказа, шли ожесточенные бои не только на полях сражений. Тему войны, правомерности газавата или джихада (т.е. священной войны) разошедшиеся на две противоборствующие группировки представители местной арабской литературы рассматривали с диаметрально противоположных позиций. Дискуссия носила бескомпромиссный характер, доходя порой до личных оскорблений.

Мухаммед Тахир ал-Карахи, Гаджи Юсуф, Идрис Аксайский, Мама из Кумуха разделяли концепцию руководителей имамата, заключающуюся в том, что

мусульманин не может быть ничьим рабом, тем более пришлых иноверцев. И веру, и свободу нужно защищать с оружием в руках. Кто против этого, тот - враг Аллаха и вероотступник. К ним применимы любимые санкции.

Ученый Саид Араканский, Мама Киши Индирийский, кадий собственной его величества свиты конвоя Юсуф Ак- сайский, которые действительно содействовали колонизации края словом и делом и в лице которых руководители имамата видели предателей, вероотступников, обвиняли, в свою оче- редь, последних в том, что они ведут заранее обреченную войну с намного превосходящими силами, занимаются кровопролитием, не оправданным ни Кораном, ни шариатом, имамы возмутители покоя, интриганы, корыстолюбцы, сеют беспорядки, действуя против мусульманского права, грабят и убивают невинных людей. И ничего общего ни с чудесами, ни со святостью они не имеют.

И считая, что Мирза-Али ничем не отличается от его учителя, действительно подкупленного генералом А. П. Ермоловым, Саида Араканского, от крупного землевладельца Юсуфа Аксайского, чьи классовые интересы нуждались в надежной защите со стороны

завоевателей, правовернейшего мусульманина обвинили в тягчайшем грехе в переходе на сторону неверных христиан, честнейшего ученого и патриота оскорбили, заподозрив в бесчестии и измене родине. Арест по этим мотивам и грубое обращение в заключении вызвали в уже старом поэте мощный поэтический подъем, повлекший за собой далеко идущие последствия.

Они меня порицали всем тем, что во мне не было.

Порицали им и порицали.

Они не верили моим словам и оправданиям.

Они меня во всем сочли лжецом. Сочли...

Они побеждали меня своим насилием. Побеждали

Я стал стариком преждевременно.

О! Если бы они меня еще молодого не сделали седым,

Сколько раз они меня грабили!

- сокрушался поэт в одном из тюремных стихотворений. И если оно носит автологический характер, а в лирическом переживании мало черт индивидуального духовного мира (разумеется, этим значение стихотворения не умаляется), то в других

стихотворениях эти качества проступают явственнее.

Я - чужестранец. Моя книга - мой друг.

Я - одинок. Мой компаньон - мой гнев,

пишет поэт, и это верно в условиях заключенного одинокого ученого. В данном стихотворении материальный мир намного шире, представлен значительно богаче и предметнее, чем в предыдущих стихах самого поэта и в поэзии его предшественников. В нем немало деталей, заряженных эмоциональной энергией и отобранных умело, со вкусом. И бьют они на главную мысль нельзя разумную личность, и тем более не установив вины, не разобравшись в обстоятельствах, варварски насиловать и губить, тюрьма явление бесчеловечное, воплощение архи несправедливых порядков. «Мои собеседники - змеи, говорит он, - а рядом лежат лягушки. И остался без товарищей... Где мои родственники? Где мои друзья? И в темноте и в глубине тюрьмы я говорю: состоятся ли когда- нибудь и где-нибудь мои радости, сбудутся ли мои желания?»

Как мне советоваться с жалким разумом?

Не могу понять, что произошло со мной в четверг

или среду.

Я стал презренным, не имея одежды! 38

Перед нами конкретные, зримые реалии: как-будто мы сами отбываем заключение в сыром, темном помещении рядом со змеями и лягушками.

И сетования Мирза-Али на тяготы, обращения к Всевышнему отнюдь не вопль отчаяния. Несломленной и героической натуры поэт и в неволе бросается на своих насильников, называя их образно ничтожествами, а не достойными противниками оппонентами:

Когда на людей рычали львы и звери, я говорю на меня пищали зайцы.

Они хотят от меня противоположное тому факту, который я уже знаю.

Но я уже не в силах (осуществить) то, что не допускается шариатом.

Одна из сильных сторон поэзии Мирза-Али - его убеж-денность в вещах, которые он утверждает, и искренность, непосредственность в их выражении. Он убежден и тогда, когда в <<Касыде на возвращение Сурхай-хана из Персии» воспевал свободу и

независимость горцев от иноземных захватчиков, и теперь, когда со временем перешел на диаметрально противоположную сторону и с таким же пафосом уничтожающе критикует вождей мюридизма. Он был искренен, непосредственен и тогда в восхвалении Сурхай-хана и теперь при порицании поведения имамов и других. Потому не случайно, что ни пытка в ледяной реке, ни дикие тюремные условия не смогли заставить поэта отречься от его убеждений, что является образцом гражданского мужества поэта и ученого.

Сознавая исключительность своей личности, пусть не-скромно, но с гордостью поэт в темноте грязной тюрьмы восклицал в ораторских тонах, задавал риторические вопросы, не требующие ответа:

Где же мне подобный! И где же мне равный!

Переживание выдающейся, бунтующей против несправедливости, неповторимо индивидуальной личности, перехо- дя грань биографичности, приобретает общественное выражение, общественный смысл, потому вызывает у нас ответное чувство.

Из этого и приведенных впереди примеров можно было увидеть в стихах Мирза-Али второго периода лирическую ситуацию, вырисовывающуюся то

пунктиром, то яснее и полнее, чего не замечалось в дагестанской поэзии предыдущих периодов.

Итак, убедительный образ лирического героя стихов образ самого поэта и его четко выраженный социальный протест и высокохудожественная форма выражения индивидуально своеобразного переживания, умение создать и обрисовать лирическую ситуацию признаки настоящей реалистической лирики. Это Это - шаг вперед в дагестанской поэзии.

История дагестанской литературы не знала до этого прецедента глубокого воздействия художественного слова на общественное мнение края, какое оказали на него тюремные стихи Мирза-Али Ахтынского. Касыды и письма Мирза-Али «были для того времени до того оригинальными и сенсационными, справедливо пишет М. Гайдарбеков, - что сразу были переписаны учеными-арабистами и их учениками и распространены из рук в руки по всему Дагестану. Они произвели такие неблагоприятные для властей имамата впечатления, что пришлось с ответными касыдами выступать таким авторитет- ным ученым имамата, как известный Мухаммед Тахир ал- Карахи и Гаджи Юсуф ал-Мисри».

Ал-Карахи в своей касыде оправдывал тяжелые условия Для заключенных, ссылаясь на то, что русские пленных мюридов содержат не лучше. Самому же Мирза-Али он воздавал должное, признавая в нем ученого с глубокими познаниями и хорошего поэта. С Гаджи Юсуфом же состоялся обмен письмами в поэтической форме. Несмотря на ряд тяжелых обвинений и колкостей в адрес последнего, он просил у Мирза- Али примирения. Это было больше, чем победа заключенного над тюремщиками и их властью.

***

Наступила, наконец, пора поговорить о технической стороне поэзии Мирза-Али. Как обстоит дело с арабским стихосложением в ней?

В многочисленных учебниках мусульманских филологов по риторике (маанах) разрабатывались вопросы поэтики, основываясь преимущественно на красноречии слова Божьего - Корана. Учили мыслить логически правильно, эмоционально, образно и действенно и авторы учебников логики (мантик). Будучи поэтом по природе, не мог не почерпнуть из них немало полезного сам учитель учителей этих дисциплин - Мирза-Али.

Уже составление в тюрьме сборника собственных

поэтических произведений (первый в Дагестане отдельный диван стихов, в 1848 г.) было поступком. Ученнейший человек не прислушался к мнению «проницательных», по своему же признанию, коллег о его стихах (какая дерзость!), инстинктивно понимая их общественно-эстетическую значимость, И не ошибся.

Один только этот факт свидетельствует о серьезном отношении к художественному слову. Об этом же говорят его неоднократные высказывания о поэзии, о поэтах, позволяющие судить о его эстетике, хотя отдельного труда на эту тему он не создавал и развернутых выступлений по такому поводу

нет.

Мирза-Али уличил во лжи, как мы видели выше, Гаджи Юсуфа, объявлявшего поэтов заблудшими.

Не менее интересно другое рассуждение Мирза-Али о поэтах, содержащееся в другом письме к тому же Гаджи Юсуфу. Заявляя, что приводимое Гаджи Юсуфом из Корана утверждение принадлежит не пророку Мухаммеду, а самому Аллаху, Мирза-Али обращается к оригиналу: «Мы (то есть Я - Аллах. - А. Г.) не учили его (Мухаммеда - А. Г.) стихам, и не годится это для него». И дальше, комментируя это место, Мирза-Али говорит: «он (Мухаммед. - А. Г.) был

до того совершенным, что не нуждался в украшении ни поэзией, ни грамотностью». Следовательно, во времена времена всевластия религиозной идеологии, прикрываясь непререкаемым авторитетом божественного слова, самого Мухаммеда, именем всевышнего Аллаха, мы это увидим и дальше, Мирза-Али первым в истории Дагестана защитил и поднял авторитет поэта, мол, они (поэты) отнюдь не заблудшие, ведущие за собой толпы заблудших, а поэзия, как и чрезвычайно уважаемая ученость (грамотность), - украшение общества, человека.

Мирза-Али находит отличной (прекрасной) касыду, сочиненную тайным и знаменитым учителем Гаджи Юсуфа 43 «Помогите», схожей с его (Мирза-Али. – А. Г.) касыдой «Вы- ручай».

И, наконец, опять же, опираясь на пророческий престиж Мухаммеда, он раскрыл эстетический принцип глубина мысли и простота и ясность слога, которым он руководствовался, создавая свои стихи в свой второй период творчества: <<Разве ты не знал хадиса (высказывание пророка из воспоминаний о нем), пишет Мирза-Али к Гаджи Юсуфу. «Есть в поэзии мудрость, а в ясности — волшебство»

Однако было бы большой наивностью, заблуждением думать, что важные мысли и актуальность тематики в оригиналах стихотворений Мирза-Али выражены в такой сухой, корявой и голой форме, как это представлено в подстрочных переводах. Что же говорить о них, если даже при простой замене синтаксиса стихотворной речи обычным порядком слов текст на том же языке перестает быть поэзией. Весьма интересно в этом отношении поразительное наблюдение извест- ного стиховеда В. Е. Холшевникова: «Некоторые полагают, что содержание стихов то же что и прозы, что поэзия отличается от нее лишь красивой формой». Это глубокое заблуждение. Проделаем простой опыт, попробуем выразить прозой, изменив лишь порядок слов, содержание одного знаменитого стихотворения: «Я вас любил, может быть, в моей душе любовь не совсем угасла, но пусть она больше вас не тревожит. Я не хочу ничем вас печалить».

Слова те же, что и у Пушкина, но содержание их очень обеднено. Исчезли деления на стихотворные строчки, ритмическое движение фразы, рифма - и потускнели нежность, любовь, доброта, деликатность, уважение, возвышенное благородство чувств: вместо выражения переживаний остался сухой перечень*.

Вот почему неверно старинное сравнение содержания художественного произведения с вином, а формы со стаканом.

Форма органически связана с содержанием и, более того, форма содержательна».

В силу более глубоких причин при подстрочных переводах содержание не только обедняется, благородные чувства не только тускнеют, поскольку при самых точных подстрочных переводах не удается воспроизвести мысли, чувства и дух оригинала, ибо актуальное и ретроспективное самосозна- ние, скажем, арабского поэта прошлых веков и образованного современного русского человека во многом различно, а их надо привести в соответствие, и потому заключенная в переводимом произведении информация нуждается в обязательном комментировании. Многое из конкретной социально-экономической обстановки, из биографических фактов поэта, вызвавших к жизни данное произведение, осталось за его строками: поэту и современному ему читателю все было понятно и без этого. А мы, не зная этого, не всегда понимаем, о чем речь. Не потому ли подчас до нас не доходит смысл иных иноязычных поэтических произведений и пословиц.

Благодаря своеобразию накопленного культурно-исторического опыта, образ поэтического мышления носителя одного языка отличается от такого же образа носителя другого языка. Отличается не только синтаксис, фразеология языков, специфичны элементы стихосложения, поэтики в це-

лом.

Таким образом, при подстрочных переводах стихов Ахтынского наряду с потерей всего поэтизма не всегда точно передается и мысль из-за своеобразия выражения, многознач- ности арабских слов членов предложения. Достаточен для примера приведенный выше стих:

Я одинок. Мой компаньон - мой гнев.

Вместо гнева («ваджд») можно поставить и любое из следующих слов: 1) волнение, возбуждение; 2) любовь, страсть; 3) радость, веселость, экстаз, богатство. Но все дру- гие будут вызывать вопросы: что за богатство? Какая любовь, к кому, и т.д. На наш взгляд, к характеру лирического героя, к осуждающему тону стихотворения гнев наиболее близок.

Обратимся к поэтике произведений Мирза-Али, к его стихосложению, то есть к содержательной форме.

Поэзии Мирза-Али свойственны как метафоричность, так и автология.

Чем, каким художественным принципом руководствовался поэт, на какой теоретической основе он творил? Пока в нашем распоряжении нет ни одного указания на то, чьей теорией литературы он пользовался, от чьих предпосылок он исходил. Но несомненно, что опорой ему служила арабская классическая филология и практика арабских поэтов.

Демонстрируя масштаб специалистов в области изучения природы художественного слова, А.Б. Куделин в своей книге «Средневековая арабская поэтика» приводит составленный Ф. Сезгином список средневековых (до XII в.) арабских литературных критиков, подвизавшихся на поприще поэтики, состоящий из 33 человек и их трудов, без учета трудов других авторов, примыкавших к ним. Хотя бы некоторые из них наш поэт не мог не знать. Но простота и ясность по- эзии Мирза-Али согласуются с положением выдающегося средневекового арабского поэта, литературоведа, кстати, не Вошедшего В список Ф. Сезгина, Абд ал-Кахира ал- Джурджани (ум. в 1078): «...поэтическая строка, перенасы- щенная тропами, подобна невесте, обремененной излишними

украшениями».

Не имея прямых свидетельств о причастности Ахтынского к ал-Джурджани, мы потому связываем их друг с другом, что второй - классический автор концепции единства содержания и формы, содержательной формы. В труде «Доказа- тельства неподражаемости» он делит речь на необразную и образную, а в своем втором произведении «Тайны красноречия» на высоком научном уровне разрешает вопросы, связанные с метафоричностью классического слова в классической арабской поэзии. «Если «Доказательства неподражаемости» положили начало «илм ал-маани» (наука о значениях слов. А. Г.), то «Тайны красноречия» стали основой, на которой впоследствии вырос один из трех разделов арабской риторики, - «илм ал-баян» («наука ясного изложения»), изучающий искусство ясного и красноречивого изъяснения на арабском языке...» справедливо пишет А. Б. Куделин.

Согласно ли теоретическим постулатам ал-Джурджани и других, в силу ли собственного наития, в стихотворениях Мирза-Али второго периода не только нет излишних украшений, поэт к тропам обращается

лишь в необходимых случаях. Излюбленный троп Мирза-Али, которым пользуется относительно часто эпитет. Эпитетов особенно много в письмах к Абдуллаху отцу Гасана Алкадари, в одном из тюремных стихотворений («Я - чужестранец»). Но эпитет у него не ярко живописующий, не агрессивно экспрессивный, как у романтиков.

Сколько голодный остается голодным, а про него неизвестно сытому!

Сколько беззаботных и радостных врачей, которые лечат опечаленных больных!

Разум у него в заключении — жалкий, ключевая вода горькая и т.д.

Так же спокойно и сравнение в стихах Мирза-Али: «Подобное безобразному - безобразие; Отказ от такого рода дея- ния бывает похожим отказу теленка от грудного молока». Уравновешенностью тона отличаются и противопоставительные параллелизмы:

Я надеялся на пользу от людей этого времени, Все они оказались людьми злостными.

Я встал перед ними, чтобы их уважить.

А мое вставание показалось им сиденьем.

Немало у Мирза-Али риторических вопросов и всех других тропов, приводить здесь которых нет смысла. Любит он и метафору, скрытое сравнение. Но даже при выражении наи- высшего возмущения поведения представителей властей имамата нет буйства чувств, перехлеста и в этом виде изобразительно-выразительных средств. «Когда на других кричали Львы, на него пищали зайцы», его «чистые деньги для них стали мелочью» и т.д.

Объясняется это тем, что у Мирза-Али есть конкретно что сказать по горячим следам событий. Это определенное содержание он и излагает просто, ясно, что соответствует требованиям «науки ясного изложения» и строке из хадиса, которую приводит выше сам Мирза-Али. Это значит, что реа- лизм входил в каждую клетку поэзии, он был знамением времени.

Естественно, что арабоязычная поэзия должна была опираться прежде всего на традиции арабской классической поэзии, на ее поэтику. Не могла она не придерживаться и законов стихосложения, обусловленных природой этого языка. Как известно, арабское стихосложение (аруз) - метрическое,

основанное на чередовании долгих и коротких слогов. И Мирза-Али действует прежде всего, легко и беспрекословно выполняя дух и букву аруза. Нет у него стихотворения, где бы не соблюдались правила арабской метрики.

Открывая свой сборник стихотворением «Одари, господь мой, меня - я в грехах», Мирза-Али перед ним указывает размер, которым данное его произведение пронизано сверху до- низу: «фаилатун восемь раз». Это значит, что в строке содержится не два, как обычно, а все четыре стиха, и в каждом из них содержится по две стопы размера правильный рамал.

Возьмем для примера первый и последний стихи:

«Одари, Господь мой, меня, я - в грехах, одари, Господь мой, меня, я — в пороках, одари, Господь мой, меня, я - в со- мнениях, одари, Господь мой, Тебя мне достаточно.

Раб Ахтынский в мольбах к тебе - в грехах, в надежде на тебя, в надежде на Твой отзыв, одари, Господь мой, меня, Тебя мне достаточно»

Если отметить под каждой строкой знаками соответст-вующие долгие и краткие слоги, как они следуют в тексте, в стихах, получается размер восьмистопный рамал - три долгих и один краткий (второй с начала)

слог в каждой стопе.

Как уже сказано, размер этот соблюден в стихотворении полностью. При этом достойны внимания два, казалось бы, незначительных момента в приведенных двух стихах. В слове рабби (господь мой, боже мой) по закону должен был быть долгим второй (последний) слог в слове: раббӣ. Тогда во всех восьми стопах вместо краткого слога был бы долгий и рамал перестал бы быть рамалом. А здесь поэтому обозначен краткий слог.

В другом месте хотя написано ва хуа (и он), следует читать вахва. В первом случае в стопе было бы пять слогов: ва хуа раджин, что как нарушение указанных правил не допускается. При стяжении же двух стыковых слогов двух слов в Один: вахва раджи размер стопы соблюден. Такого рода вольности ради соблюдения размера правилами арабского стихосложения допускаются.

Если в начале предыдущего стихотворения автор показал точно стопу и сколько раз в стихе она повторяется, но размера не назвал и строго соблюдал, то здесь перед следующей касыдой он называет размер, которым она написана с начала до конца: Бахрул-камил ала ситтати аджзаин - размер

шестистопный камил. Но его парадигму мустаф'елун, мус- таф'елун, мустаф'елун, мустаф'елун, мустаф 'елун, Мирза- Али не дает. Приведем для примера две строки с середины касыды «О Господь мой, о Вседарящий, то, что Ты дал, сделай для нас благодатным, сделай для нас благодатным, сделай для нас благодатным!

Проси, о брат мой, у Судьи 34 добра и выбери для души в круг друзей хорошего человека».

И если снова обозначить долгие и краткие слоги своим условными знаками, получается стройная схема одного из вариантов шестистопного камила.

И опять автор прибег к дозволенным нарушениям грам- матических норм языка, что нередко встречается в практике классиков арабской поэзии. Это краткий «у» в слогах а'таху (ты дал) произносится долго; вместо нафсика (для твоей души, для себя) нужно прочитать нафсик, а долгий «а» в конце слова макрина (друг) также явление искусственное, условное, но дозволенное, ибо «последний слог стиха всегда долог»

И, наконец, на странице 215а «Тайны даров Бедного Гасана» назван размер другого стихотворения «Асбаха аз- залимуна кад заламуни, Йа Ма шара л ислами, Лам йархаму- ни» - «Тираны начали меня притеснять. О,

общество мусульман, они не щадят меня!». Размер этот - хафиф.

Указывая, называя размеры своих трех стихотворений и демонстрируя в них и в остальных произведениях виртуозное умение пользоваться ими и другими размерами, Мирза-Али как бы хотел сказать, я занимаюсь сложением стихов на арабском языке вполне подготовленным, во всеоружии. Проявляется это и в других видах звуковой организации его стихов. Известно, что в классической арабской поэзии «рифма одна и та же на целое стихотворение, причем достаточно, чтобы совпадал один последний слог».

Неукоснительно следует этому правилу и наш поэт. У него нет нерифмованного стихотворения. И концы их всех прошиты одной рифмой, то есть все стихи целого стихотворения имеют на исходе одинаковые буквы. Обязательно со- звучно с ними и окончание первого полустишия. К примеру, первая строка (т.е. двустишие) по-арабски звучит так:

Ва инни гарибун, китаби аниси

Ва инни вахидун, ва ваджди джалиси.

Я - чужестранец, и мой друг - моя книга.

Я одинок, и мой компаньон - мой гнев.

(Перевод мой. – А.Г.)

Окончание -иси (иногда просто си) соединяет концы всех бейтов. Вот первый бейт другого стихотворения: Мадарисуна кад утиллат биджтинабина, Масаджидуна кад халиййат бигтирабина

Школы наши опустели без нас, мечети наши осиротели тем, что мы вдали.

И все бейты, как здесь, одинаково кончаются на бина. И это правило рифмовки соблюдается дагестанцем во всех его стихах.

Однако у Мирза-Али нет редифа - слова, следующего каждый раз за рифмой. Встречавшееся выражение «ты Для меня достаточен» редифом никак не является, ибо оно повторяется в составе целого стиха рефреном и не следует за рифмой.

-

Наряду с рифмой усилению благозвучия стихотворной речи Мирза-Али способствуют аллитерации и ассонансы. 28 букв исчерпывающе охватывает всю фонетику арабского языка. Из-за этого относительно небольшого числа звуков следовало бы ожидать назойливого повторения одних и тех же гласных и согласных. Этого однако не происходит, ибо

аллитерации и ассонансы становятся заметными при повторном появлении одних и тех же звуков в схожих сочетаниях.

Их особенно много в связи с тем, что Мирза-Али использует созвучные или близкие по созвучию синонимические пары.

В только что приведенных выше двух стихах, то есть только в одном бейте, было уже три таких пары: мадарисуна - масаджидуна, кад утиллат - кад халиййат, биджтинабина бигтирабина (наши школы наши мечети, опустели - осиротели, без нас - мы вдали). Не говоря уже о других созвучиях, в одном только этом стихотворении, состоящем из 18 бейтов, указанных пар еще семь: тамуна ва таамуна, шарбуна – ша- рабуна, савбуна - савабуна, азбуна - азабуна, йатафаххасу – йатафатташу, ихзабуна ихвануна, таваккулна вакилуна (вкус - пища, питье напиток, одежда - доброе дело (награда), осматривает - изучает, сторонники - братья, мы рискуем Ты наш представитель).

У Мирза-Али нет не только редифа, но и анафор и эпифор, в его стихах довольно часты соответственные повторы слов, выражений, рефренов, противопоставлений, в результате чего образуются ритмико-синтаксические параллелизмы. Они

превращают хаос звуков в их стройную гармонию, придают речи пропорциональность. А симметрия и благозвучие в стихах сообщают речи размеренность, легкость, плавность, усиливают доходчивость, а иногда прикрывают пустоты, вы- званные излишней синонимичностью слов. Думается, что это рудименты арабской поэзии времен ее упадка, что тоже не могло не повлиять на наше искусство слова.

Следует отметить одно небольшое своеобразие поэзии Мирза-Али. Классики арабской поэзии (доисламские поэты, Абу Нувас, ал-Маари и др.) в конце своих стихов не называли имени своего или псевдонима - тахаллус, в отличие от корифеев персидской литературы. Знакомством с их наследием и творчеством азербайджанских мастеров слова объясняется пользование нашим земляком тахаллуса Назым ул-Ахты «стихотворец или поэт Ахты (Ахтынский)».

Мирза-Али Ахты хорошо знал традиции и поэтику арабской поэзии и писал по-арабски опираясь на эти традиции, в совершенстве владея этим языком и техникой стихов на нем. И все же в языковой оболочке более чем тысяча трехсотлетней давности безошибочно угадываются приметы первой половины

XIX века, политические и нравственные страсти, бушевавшие в дагестанском обществе того времени. И стихи эти написаны отнюдь не для удовлетворения тщеславия, мол, вот как я владею языком Корана и Мухаммеда, вот какой я молодец, а потому что в груди поэта билось сердце сына всех народов и гражданина всего Дагестана того времени и ему было далеко небезразлично, какой общественный порядок, какая мораль утвердится в ту эпоху в крае. Посвятив свое творчество центральным, наиболее важным темам своего века и разговаривая с грамотными горцами на простом, доступном им языке, поэт утвердил гражданское начало в нашей литературе, защитил сан и профессию поэта, усилил реализм в ней. Его творчество и идейно, и художественно явилось шагом вперед в развитии дагестанской литературы, потому оно и получило в свое время столь широкий резонанс, живой отклик современников и осталось в памяти народа.

Стихи поэтов из лагеря сторонников Шамиля этого периода: Гаджи Юсуфа, Мухаммеда Тахира ал-Карахи и других не отличаются особо высоким поэтизмом. Зато в произведе- ниях, переписке сторонников Шамиля с адресатами нет ни аристократического высокомерия

Аксайского, ни пренебре- жения Ахтынского оппонентами в споре. В пылу полемики ни Гаджи Юсуфа, ни Мухаммеда Тахира ни разу не покидало хладнокровие, должное приличие и деликатность. Более того, ценя ученость, широту кругозора своего лютого врага, Шамиль велел не убивать Юсуфа Аксайского в случае, если он окажется в плену. Об уважительном отношении противников к Мирза-Али Ахтынскому уже говорилось.

Подобно тому как и антишамилевская, антигазаватская группа была непоколебима в своей убежденности, в неприятии джихада, был стоек и предан до конца идее правомерности газавата поэт и летописец своего времени Мухаммед Тахир ал-Карахи. Он, несомненно, самый значительный писатель, представляющий национально-освободительное движение горцев. И существенный сдвиг в судьбе самой дагестан- ской литературы был связан с его хроникой «Блеск дагестанских шашек в некоторых битвах Шамиля».

Однако невозможно приступить к интерпретации его на- следия, минуя оду Абд ар-Рахмана ас-Сугратли, посвященную победе Шамиля в ауле Шамхал-Бирди в 1845 году (Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. С. 192-194) - единствен- ное произведение поэта,

дошедшее пока до нас и то через ту же хронику Мухаммеда Тахира ал-Карахи.

Абд ар-Рахман ас-Сугратли (в Дагестане известен как Сугури и многие в его честь названы этим именем), наряду с Мухаммедом Яраги и Джамалуддином Казикумухским, один из самых авторитетных духовных лиц, столпов суфизма.

Не озлоблением долгой и кровопролитной войной и вызванными ею лишениями, не слепой ненавистью к иноземцам, навязавшим эту войну, дышит ода в ней воспевается правый подвиг людей с чистыми сердцами, совершенный ими на ниве защиты Отечества:

Наши герои были справедливыми мечами

Тел обреченных на гибель владетелей заблуждений.

Наши храбрецы сражались за правду, только ее они

сильно желали.

Они не стремились к иному при встречах с врагом. Они очистили сердце от злобы и зависти.

Это верное средство от смешения [доблестей]

с ложной славой.

Славя отвагу воинов с чистыми от зависти, злобы и тщеславия сердцами, отвергая ложную славу, понятно, на какую моральную высоту поднимает ас-Сугратли

дагестанскую поэзию. Эти качества дагестанских воинов изображались в народных песнях. Но мысль об этом проходила в них подтек**стом.** В касыде же ас-Сугратли впервые об этом сказано пря- мо, полностью и довольно поэтично.

И в этом свете батыраевско-капиевское обращение к ге- рою: «И клянусь я: темен свет, // Если подвиг твой неправ», нам кажется совсем неслучайной перекличкой с ас-Сугратли. Идейно-эмоциональный накал оды расцвечен свежими для дагестанской поэзии находками:

Взоры их (убитых солдат. - А. Г.) остекленели от страха и ужаса...

Взамен своих жен, при помощи газавата и джихада
Они (мюриды. - А. Г.) в раю получили гурий и слуг

- гулямов.

При этом в целях усиления воздействия на читателя упоминание имен только что павших героев автором обыграно поэтически своеобразно:

Проси заступничества у Илдара и его сотоварищей...

Нанижи на их нитку жемчуга Хаджи-бека ад- Дилими...

Значит, Илдар и его товарищи своей смертью за

святое дело стали любимцами, избранниками бога, можно у них просить заступничества перед всевышним, а ад-Дилими - тоже в их ряду, его подвиг тоже жемчужина в ожерелье их подвигов.

И предмет песнопения не романтический идеал вымышленного героя, а люди, вошедшие в литературу из реальной жизни.

Таким образом, касыда Абд ар-Рахмана ас-Сугратли несмотря на свою единичность, оказалась значительным веховым произведением.

Что касается поэтического дарования Мухаммеда Тахира ал-Карахи, безотносительно к степени его качества, он посвящен тому весьма важному общественному делу, которому служил беззаветно, чего мы не можем не ценить. В 1837 году, когда в ауле Тилик Шамиль одержал победу над противником, он, по его же словам, воспел это в оде, «произнося стихи в размере раджаз». Когда же в 1846 году имам потерпел поражение в Кутищах, он сочинил утешительное стихотворение. Также он составил ответ на жалобу Мирза-Али Ахтынского с целью утешения Даниял-султана, полководца Шамиля.

То ли потому, что ал-Карахи был вынужден на конкретные импульсы отзываться конкретными ответами в соответствующей форме, и в нем

проснулся настоящий поэт- публицист, то ли тут повинно навязанное ему подражание, но в поэтическом споре с Юсуфом Аксайском о значении жизни и деятельности имама Шамиля автор «Блеска дагестанских шашек...» не уступает своему оппоненту в качестве стихов.

Аксайский по-прежнему считает всю деятельность Шамиля, его руководство национально-освободительным движением горцев Северо-Восточного Кавказа с начала до конца заблуждением, напрасным делом, которое пошло прахом. Ал- Карахи же находит дела Шамиля великими, ими он возвышен, справедливо знаменит. И опять же спор с обеих сторон с позиций ислама сводится в конечном счете к взаимообвинениям феодальной верхушки и представителей трудового крестьянства, отображая полярность их интересов:

Разве судья воздаст вам добром

За истребление людей благородных? Права мусульман попраны тобою,

А все имущество погибло расхищенным

бросает Аксайский обвинение и встречает резонное контр обвинение:

Разве Всемогущий воздаст им ущербом

За истребление ими низких людей? Права мусульман [попраны] тем, кто их попирает

И кто делает грабеж имущества из отмщения.

Следовательно, мюридами убиты не благородные, а низкие люди, попирающие права простого народа и грабящие его имущество из чувства мести.

Налицо красивое парирование удара, показ его изнанки в ответе, поворот темы разговора в неожиданную сторону. В самом деле, как Карахи изящно направляет тезу Аксайского против него же:

Если кто лжет на Аллаха, Аллах унизит его,

И не встретит он благополучия до скончания века,

пишет Аксайский.

Если кто правдив пред Аллахом, Аллах дарует ему В огне несчастья прохладу спасения,

отвечает ал-Карахи.

Находчивое возражение, нападение на собеседника с непредвиденной стороны, своеобразная логика

мышления и четко выраженная в диалоге индивидуальность характера соучастников в диспуте, наряду с образностью речи, - свойства фольклорного жанра тенсоны, имевшего широкое распространение у горцев Дагестана.

Вместе с тем Мухаммед Тахир ал-Карахи не мог не знать образцов авторских тенцонов (муназаре), которые ввел в пер- сидскую классическую литературу через касыду Асади Туси (XI в.). Был он хорошо знаком и с прозаическими муназаре ал-Джахиза (род. ок. 767 г. - ум. в 868 г.) и других на арабском языке.

И поэтическое состязание между Юсуфом Аксайским и Мухаммедом ал-Карахи - синтез традиции местного народного тенцона и персидско-арабского муназаре на хорошем уровне. Он был вызван к жизни остротой классовой борьбы, ходом и логикой исторических событий.

ПРОЗА. ЭВОЛЮЦИЯ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА И ИСТОРИЧЕСКИХ ХРОНИК. ИХ РОЛЬ В СТАНОВЛЕ- НИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Бурные события времени, характер классово-политических страстей, их своеобразное

переплетение оживили и развили и прозу Дагестана, наложили свой отпечаток и на нее. К этим выводам склоняют нас изменения, происшедшие в жанре писем в 20-50-е годы XIX века, и наблюдения за эволюцией исторических хроник. Речь о письмах, как только что увидел читатель, шла и в творческом портрете Мирза-Али Ахтынского.

Эпистолярный жанр в Дагестане известен с незапамятных времен, хотя образцы его выявлены далеко не все.

Это один из широко распространенных видов литературы. Письма у нас ценились, иные обретались за дорогую плату, их свято берегли адресаты, владельцы.

Были в прошлом и попытки как-то осмыслить природу писем, охарактеризовать их манеру, оценить достоинства. Еще в XIX в. по поручению властей Абдулла Омаров перевел с арабского языка на русский ряд писем «с сохранением всех особенностей, которые отличают манеру переписываться между собой, принятую в общественной жизни горцев》1. Гасан Алкадари в своей книге «Джираб ал-мамнун» опубликовал множество писем, адресованных к нему и написанных им са- мим. И, наконец, Мансур Гайдарбеков в своих четырех рукописных томах

Антологии, о которых говорилось выше, дает образцы писем ряда авторов с их параллельным переводом на русский язык. Встречаются письма в старинных рукописях, публикациях, частных архивах.

Однако в публикациях Абдуллы Омарова сквозит задан- ность и узость тематики, ограниченность личных взаимоотношений переписывающихся. Резко отрицательное отноше- ние Абдуллы Омарова к мусульманской мистике - суфизму или, как тогда называли к тарикату, неприятие им содержания книги Джамалуддина Казикумухского «Адаб ул-марзия», дополнением к которому и представлялись тарикатские легенды, поучения и письма, тенденциозно сказались в подборе материала, в его бедности и однобокости.

Как мы уже успели убедиться, аскеты, вопреки ограниченности и порой даже реакционности их мировоззрения, забывали их доктрины, аскетизм и проявляли живой интерес к жгучим и центральным проблемам современной общественной жизни, становились в оппозицию к угнетателям, бывали на стороне трудящихся. И это отражалось в их устных и письменных высказываниях. Эта сторона Омаровым игнорируется начисто.

Это, однако, не значит, что предлагаемые Омаровым

письма надуманы им самим, в них им что-то искажено. Он их нам показывает в таком виде, какой составил узкий круг их авторов.

Стереотипные ссылки переписывавшихся на Коран, на известные высказывания Мухаммеда, на авторитеты святых показывают ничтожность их интересов, схоластичность их мышления, начетничество. Скудность мысли обернулась бед- ностью формы выражения. Трехчастность письма (обращение к адресату с чрезмерным восхвалением, подчеркиванием отсутствующих его достоинств, краткое изложение цели пишу- щего, молитвенное обращение опять же к адресату или к богу о даровании здоровья и благополучия), которая прослеживалась в письмах Мухаммеда Яраги, цветистость речи, вычурность стиля его писем обнаруживается и здесь.

Естественно, что при таком отношении слова к жизненному материалу в нем не остается места бурям века, приметам времени или его слишком мало.

В противовес тенденциозности Абдуллы Омарова в подборе писем широта интересов Алкадари и его корреспондентов завидно шире: затрагиваются религиозно-правовые, научные и прочие проблемы. Но

какие из всех этих писем образцы эпистолярного жанра? На этот вопрос нет ответа и в антологиях Гайдарбекова, работавшего именно в этом направлении, не говоря о том, что им обойдены письма ряда государственных деятелей и ученых.

В этом смысле немного полнее восполняет ряд пробелов сборник документов «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века» 2, который был подготовлен и издан сотрудниками Института истории языка и литературы им. Гамзата Цадасы Дагестанского филиала Академии наук СССР. Правда, составителей сборника В.Г. Гаджиева и Х.Х. Рамазанова меньше всего заботила литературная сторона пи- сем. Потому об этом там нет и речи. Их цель ознакомить общественность с весьма ценными документальными материалами, хранящимися в государственных архивохранилищах и частных коллекциях, а не только с письмами. Но те, которые вошли в этот сборник, с художественной точки зрения представляют несомненный интерес.

Попытаемся отобрать из множества писем изучаемого периода (I-я половина XIX века) лишь характерные, те, которые наиболее точно и выразительно отображают дух времени, его драматизм и характеры людей.

Если в письмах Араканского, Ахтынского, Аксайского, Гаджи Юсуфа и др. просвечиваются ученые мужи, отвергающие обвинения, предъявленные со стороны противников, оправдываясь ссылками на Коран, словами Пророка, логикой вещей, и обвиняющие этих же противников в отступлении от шариата и антинародных действиях, если они блистают знанием предмета, красотой слога, то в двух письмах Асланхана Казикумухского (ум. в 1836 г.) к имаму Гамзату по поводу уничтожения им аварских ханов, полученных им одновременно, нас поражает сочетание в одном лице ряда несовместимых черт: и расчетливость дальнозоркого государственного деятеля, направленная на уничтожение своих политических врагов, и умение разбираться в людях, используемых в корыстных целях, и притворство в самых противоположных направлениях.

В первом письме автор выступает глубоко обиженным родственником и сурово мстительным ханом. Знаем, что ханы угрозы на ветер не бросали и спастись от них в действительности бывало нелегко. «Я узнал, - писал Аслан-хан Гамзату, что ты убил родственников моих, а твоих - повелителей Абу Нуцал-хана и Умма-хана. Смерть их ляжет на тебя справедливым гневом Божиим. Смерть же ханши Паху-бике об- рушится всею

тяжестию и моего мщения, и ты не найдешь места, где мог бы от него укрыться»

Уместное использование эпитета («справедливый гнев»), метафоры («смерть обрушится всею тяжестью»), климакса (нарастающий характер преступлений и кары за них) придало слогу настоящее изящество. И при всей скупости автора на слова перед нами человек, справедливо (с его позиции) осуждающий гибель родственников и готовый на месть.

Письмо предполагалось огласить перед народом, что и было сделано.

«Второе письмо, показанное только немногим приближенным, и при котором были препровождены золотые часы, заключало в себе следующие слова:
«Гамзат-бек, ты исполнил свое обещание, как нельзя лучше. Дай Бог, чтобы в наш век было поболее таких молодцев; за то я и признаю тебя моим сыном. Теперь тебе, прежде всего, нужно покорить цудакаринское общество, и в случае нужды я буду тебе тайно помогать».

Как видим, суровый тон первого письма сменился во

втором нежным, внимательным. Оказывается, Гамзат не убивал родственников Аслан-хана, а поступал, как нельзя лучше, молодец и дослужился до сыновей хана.

Кажется, никакое художественное изображение не в силах создать столь жуткий образ правителя, как эти два письма. В них и месть уничтоженным за отказ в выдаче дочери за сына Аслан-хана, и отраженное душевное состояние послед- него, чем-то временно обиженного русскими, отсюда политическая игра с их (русских) врагами - все «искусство» феодальных интриг. В этих письмах Аслан-хана, как в зеркале, отражено своеобразие того исторического периода, обнажены взаимоотношения соседних государственных образований, показываются поступки людей в связи с теми неповторимо своеобразными событиями, содержится реакция на них. По несомненным литературным достоинствам эти письма украсили бы любой исторический роман Вальтера Скотта, Виктора Гюго, Льва Толстого, будучи использованы как исторический документ для изображения многогранной личности в противоречивых обстоятельствах. Хотя написаны они просто, в строго деловом стиле и автор на художественность не притязает.

И, наконец, было бы наивно думать, что аварских ханов истребили козни и интриги Аслан-хана, а не гнев и вековая ненависть народных масс к своим угнетателям.

Слышатся неожиданно оглушительной пощечины прави- телю со стороны простолюдина в письме имама Гази Мухаммеда (1826) Шамхалу Тарковскому. Поскольку письмо это лаконично, особенно выразительно и отражает мятежный дух автора и его сторонников, поднявших меч против феодалов, приведем его полностью: «Привет вам. А затем: если удив- ляться, то удивительнее всего следующие слова: «Я люблю ученых и приглашаю их». Ты не знал цены науки. Если бы знал, то не вызывал бы ученых к себе, а сам бы посещал их потому, что науку посещают, а не наука посещает. Я не пойду к султанам, если у них ко мне имеется дело, пусть они сами приходят. Пусть посещают мои мечети или приедут ко мне домой. Вассалам».

Из писем Шамиля к его наибам, представителям и правителям разных стран, из его ответов на людские жалобы вырастает образ большого государственного деятеля, глубоко озабоченного судьбой своего

государства и умеющего с достоинством отстаивать его интересы. Лютый враг нарушителей закона, коррупции и превышения власти подчиненными, он удивительно чуток к жалобам обиженных, беззащитных. В письме к наибу Хадису (1853 г.) Шамиль предлагает распре- Делить закят (десятая часть доходов, отчисляемых мусульманами в пользу бедных. А. Г.) «по категориям, установив

нормы не по числу душ, а по степени нуждаемости. Кто беднее, тому больше» .

Справедливо отмечая наряду с жестоким обращением Шамиля к противнику умение им защитить интересы подданных в дипломатической схватке, И. Ю. Крачковский по поводу письма имама к барону Л. П. Николаи от 25 мая 1855 за- ключает: «Таким языком Шамиль умел говорить, когда считал нужным, и со своими собственными земляками»

И далее Игнатий Юлианович признал и художественные достоинства писем Шамиля: «Когда большее количество их (документальных источников, писем. - А. Г.) станет доступным в надежных изданиях, появится возможность оценить их и с литературной стороны, которая, как видно, заслуживает не Меньше внимания».

Он восхищался умением Шамиля защищать интересы пленных горцев, попавших к русским. И, наоборот, несмотря на постоянно тяжелое материальное положение в имамате, Шамиль не однажды проявлял трогательную заботу о перебежавших к нему русских солдатах. «Знайте, что те, которые перебежали к нам от русских, являются верными нам, и вы тоже поверьте им. Эти люди являются нашими чистосердечными друзьями. Явившись к правоверным, они стали также чистыми людьми. Создайте им условия и возможности к жиз- ни» давал Шамиль указания своим наибам. В подтверждение сказанного осведомитель сообщает: «Вооружение их (беглых солдат. -- А. Г.) составляют разного калибра азиатские ружья, пистолеты и шашка, одеты в черкесках. Живут довольно хорошо и своевольны в своих поступках»

В письмах Шамиля крайне редки тропы, подобные иносказанию, извлеченному из его письма к Клюки фон- Клюгенау (1836): «Напрасно старались безбожники уничтожить меня своею силою; они ни разу не обрадовали жен своих удачным возвращением» Письма имама предельно сжа- ты, редко какое займет полстраницы; в них нет величальных слов к адресатам, нет вычурностей, цветистостей встречае-

мых порой у его предшественников: Араканского, Ахтынского, Аксайского. Саид Араканский, к примеру, посылал одно- му из своих оппонентов «караваны чистых приветствий и верховые верблюды саламов и процветающих молитв» (Гайдарбеков М. Антология арабоязычной поэзии»...). Художественность писем имама в их предметности, конкретной направленности их содержания, в котором угадывается единство слова и дела их автора и которые рисуют его облик. Это авто- логически художественная проза.

В отличие от слога Шамиля стиль писем Джамалуддина Казикумухского местами традиционно витиеват, велеречив: «Образцу ученых, действующих своим учением, опоре совершенных превосходительств, слуге веры и наследнику пророка, показывающему народу правильный путь, говорящему истины, присутствию нашего драгоценного брата, который является чистым шейхом мусульман», писал он шейхулисламу Турции, соблюдая восточный этикет. И далее, в этом же письме мы находим: «Да не перестанут ветки его надежд (т.е. надежд на бога - А. Г.) быть полными фруктами веселья, да не перестанут сады его быть заливаемыми ручьями радости!». Разумеется, главное в переписке главы тариката -

дале- ко не это, а его патриотизм, забота о судьбах родного народа и Отчизны. Он не без гордости сообщает иностранцу, что «Дагестанская страна... была источником учения и ученых, родником, откуда выходили храбрецы и добродетели», его угнетает «отсутствие единства среди» дагестанцев, «что большинство главарей... обратили свои взоры на свои личные интересы, жаждая получить от них (от русских. - Ред.) денег», чем воспользовались чиновники русского царизма. (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Махачкала, 1959. С. 575-578). Цель Джамалуддина - получение помощи в борьбе против царизма.

Основная мысль в письмах Казикумухского всегда изложена просто и ясно. Он многословнее Шамиля, но не очень и надоедлив, Шамиль непосредственен, прямолинеен, Джамалуддин теплее, интимнее. Вот как тепло обращается Джамалуддин с личной просьбой к Агалар-хану, владетелю Казику- муха, откуда в свое время убежал и куда при этом, нынешнем, правителе не вернулся: «Привет и милости Бога. А затем. Дорогой сын, не секрет, что я не из тех, который желает кому- либо из людей плохого. С того времени, как я ушел от вас, я постоянно выступаю против тех,

кто творит людям неприятности и непрестанно стараюсь удержать их от неблаговидных поступков. Ныне я выехал из своего дома и держу путь к сел. Согратль, по обычаю моему, посетить могилу учителя шейха Магомеда Ярагского и увидеться там со своей дочерью. Надеюсь, ты на этот раз не запретишь ей встретиться со мной.

Если не будешь препятствовать, ты сделаешь большое одолжение, и я буду считать себя вечно тебе обязанным»

Здесь, даже в этом небольшом отрывке, весь Казикумухский: человек высокого интеллекта, обращающийся к противной стороне с большим тактом, называя его искренне сы- ном, вызывая этим у него невольно традиционное уважение к возрасту. И чтобы тому неудобно было отказать в просьбе, заранее благодарит его, готов быть обязанным. И вместе с тем Казикумухский - поборник добра и справедливости.

Таким образом, в арабоязычных письмах дагестанцев пе- риода движения горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 годах XIX века отражены обострявшаяся в имамате классовая борьба, величие духа людей, борющихся за свою свободу и независимость против неравных сил царизма, их патриотизм и гуманизм.

Трагизм положения запечатлен в письмах, в которых вожди имамата обращались за помощью к Ирану, Турции, арабам, послу Франции в Константинополе, откуда эта помощь прийти не могла. Это показывало лишний раз, что продолжение войны было напрасным кровопролитием. При- мером того, что война велась не русским народом, а в интересах русского царизма, было бегство солдат к Шамилю и его забота о них, прослеживаемая в его письмах. И в этом факте нам видится залог сложившейся в последующем дружбы народов. Вместе со всем этим письма не лишены и художественности.

События века внесли в них существенные поправки: становится масштабнее целевая сторона, усиливается информа- тивность, обогащается характерология, тематика обретает актуальность, конкретность, в них четко проступают индивидуальные стили их авторов.

Вследствие всего этого трехчастная структура письма резко деформируется: обращение к адресату начинает занимать от полутора до полстрочки (Мирза-Али Ахтынский, Юсуф Аксайский, Аслан-хан, Шамиль и др.); информативная часть становится содержательнее, образнее и выразительнее, слог проще, интонация-спокойнее. Все это выступало в, тесной взаимосвязи с поднявшимся на новую ступень

художественным развитием дагестанцев.

Было бы глубоким заблуждением думать, что горская интеллигенция прошлых веков (Магомед из Кудутли, Магомед из убри, Дамадан Мегебский, Магарам и Мирза-Али Ахтынские и др.) имела понятие только о классиках арабской литературы. Надгробные надписи на персидском языке, множество рукописей классиков персидской литературы, бытовавшие в средневековом Дагестане и дошедшие до нас, не редкость. Антология классической персидской поэзии с под- строчным переводом на аварский язык (XV-XVII вв.), хранится в архиве А. Каяева. Персидско-арабско-турецкий словарь, составленный советником аварского нуцала Умма-хана - Дибир-кади Хунзахским (1742-1817), содержит множество примеров из произведений прославленных поэтов Ирана. Из- вестный ученый Гасан Алкадари в своем труде «Асари Дагестан» сообщает, у кого он учился персидскому языку, и в этой же книге дважды цитирует знаменитые стихотворения Хафиза. В сугубо религиозном руководстве, составленном для бра- та на лакском и аварском языках Абдурахманом, сыном Джамалуддина Казикумухского, приводятся наиболее мятежные, направленные против феодальных пороков стихи Саади. Именно о влиянии - благотворном воздействии

на нашу литературу арабской, персидской, турецкой поэзии - я уже писал в статье «Суфизм и творчество Омахана Качаева» (Народы Азии и Африки. 1968).

Окруженные азербайджанцами, грузинами, армянами, Дагестанцы столетиями жили во всевозможных связях с ними, и следы глубокого воздействия их фольклора на дагестанский легко прослеживаются. Особенно же заметно влияние азербайджанского народно-поэтического творчества. Азербайджано Язычная поэзия ашугов Дагестана достигла уровня лучших поэтов этого типа в творчестве Ялджуг Эмина (XVII в.) и других.

Подобная широта духовного горизонта горца облегчила ему в новейшее время восприятие культурных ценностей других народов.

МЕСТО ХРОНИКИ МУХАММЕДА ТАХИРА АЛКАРАХИ «БЛЕСК ДАГЕСТАНСКИХ ШАШЕК В НЕКОТОРЫХ ШАМИЛЕВСКИХ БИТВАХ» В ИСТОРИИ ДАГЕСТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Заметную роль в истории литературы народов Дагестана сыграла хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах». Еще при жизни автора с нее

снимались копии, а затем - копии с копий. Она была широко распространена как в России, так и в странах Ближнего Востока. На русском языке хроника увидела свет в 1941 г. под редакцией академика И.Ю. Крачковского.

Хроника была создана между 1851—1856 годами, и до конца своей жизни (1882) автор вносил в нее отдельные детали и шлифовал свой бессмертный труд. Объясняя причины, вызвавшие к жизни этот труд, и смысл своей редакторской работы, сын Мухаммеда Тахира ал-Карахи Хабибуллах оставил нам ценнейшее свидетельство: «Имам Шамиль неоднократно говорил Мухаммеду Тахиру: «Я хотел бы собрать рассказы о событиях, случившихся в мое время, однако я не могу найти досуга для этого по занятости всякими делами и войнами». Затем, зимой одного года, он поселил его в своем доме в Дарго, они сходились в сумерки в одной комнате, и Шамиль диктовал и рассказывал про случившееся на неарабском языке, а Мухаммед Тахир переводил на арабский и записывал днем то, что рассказывал ему Шамиль. Для события, при котором сам Шамиль не был, он призывал явиться того, кто был при нем, чтобы он рассказал и записал. Так он составил книгу до конца главы о возвращении Джемаль ад-Дина, сына имама, к нему из рук

неверных. Затем оттуда до конца он собрал ее сообразно с тем, что узнал и услышал от людей, за исключением того, что добавил я из посланий имама или царя, или изменил в интересах дела».

И поныне вполне справедливо суждение первого исследователя и переводчика «Блеска дагестанских шашек...» с арабского на русский язык А. М. Барабанова: «Описание событий со слов непосредственных их деятелей и участников, к тому же лицом, которое само в какой-то мере принимало участие в ряде событий, придает данному произведению исключительную ценность и ставит его в ряд тех источников, без использования которых совершенно нельзя обойтись при ис- следовании военной и государственной деятельности Шамиля и вообще истории Дагестана первой половины XIX в.»

Как этапное произведение литературы, порожденное этим историческим временем, «Блеск дагестанских шашек...» вобрал в себя время, переполненное бурными событиями, отразил характеры людей, участвовавших в них. В нем четко обозначились сдвиги, происходившие в действительности в литературе.

Высоко котируя хронику как исторический источник, акад. И.Ю. Крачковский правильно считает, что стихотворные произведения Мухаммеда Тахира ал-Карахи, включенные в хронику, «не всегда высокого качества» Еще выше, на той же странице он пишет: «Переводчик не стремился к художественности передачи, тем более, что хронику Мухаммеда Тахира только с натяжкой и лишь в некоторых частях можно назвать художественным произведением». И, наоборот, Игнатий Юлианович не возражает, когда в числе книг, переводимых местными учеными с арабского на русский язык А. М. Барабанов называет «сочинение Мухаммеда Тахира ал- Карахи как наиболее популярное и крупное историческое и литературное произведение местного происхождения» Что же все-таки представляет из себя труд ал-Карахи: «Художественное произведение только с натяжкой и лишь в некоторых частях» или «крупное историческое и литературное произведение»? Почему мы его считаем этапным произведением дагестанской литературы вообще?

Вот те вопросы, которые встали сегодня перед дагестанским литературоведением. Попыткой ответить

на них и является данный раздел.

Выше, говоря о традициях арабоязычной литературы Дагестана, о средневековом ее периоде, мы отмечали роль исторических хроник. Там речь шла о том, что представляя из себя произведения синкретической средневековой литературы, хроники обладают лишь отдельными чертами чисто художественной прозы. В частности, констатировалось отсутствие в них народных песен, стихов, хотя бы единичных ярко обрисованных картин конкретной действительности, небольшая обработанность незначительного числа легенд, малая связь с фольклором. Не представляла особого исключения и хроника Мухаммеда Рафи «Тарих Дагестан» (XIV в.), выделяющаяся из других средневековых исторических хроник Дагестана наличием большего числа признаков художественности. Потому-то ту литературу и синкретической можно назвать условно.

Учитывая это обстоятельство, нетрудно представить себе, какой большой шаг в накоплении элементов художественности, в конечном счете в художественном развитии, сделала литература Дагестана, если даже только оценка, данная И. Ю. Крачковским и А. М. Барабановым «Блеску дагестанских шашек...»

Мухаммеда Тахира, соответствует действительности. А она не только соответствует, но и не объемлет всю ценность книги.

Приступая к анализу хроники, прежде всего следует установить классовую позицию ее автора, исходя из которой он оценивает все увиденное, услышанное и пережитое.

Мухаммед Тахир ал-Карахи - правоверный мусульманин, и народно-освободительное движение горцев, сторонником которого он был, он принимал сквозь догмы ислама. То движение своим острием было направлено как против реализации колониальной политики царизма на Кавказе, так и против местных феодальных порядков. По мере соответствия действий руководителей чаяниям узденей и трудового народа (особенно в первый период) последние поддерживали это движение. Только к концу, когда вопреки субъективным намерениям и предпринимаемым мерам Шамиля, его окружение и администрация выродились, усталое от долгой войны население края стало отходить от имама, характер движения изменился в значительной степени, и оно потерпело поражение.

Однако, как субъективно до конца войны сам Шамиль, так и его фаворит ал-Карахи до исхода его жизни были

последовательными противниками феодализма в горах. Поляр- ность целей и взглядов этой стороны, выражавшей интересы крестьян с окраской исламского равенства всех перед Богом и интересов класса феодалов и землевладельцев четко очерчена как в уничтожении фамилии аварских ханов восставшим народом, в противодействиях сторон, так и в высказываниях их представителей.

«Ненависть Шамиля к владетельным родам, - писал один из буржуазно-дворянских историков, - отсутствие уважения к семьям, если так можно выразиться «горской аристократии», коммунистические взгляды имама, опиравшегося главным образом на магометанское духовенство, все вместе взятое, ставило Даниял-бека, гордого своим происхождением, во враждебные отношения к главе мюридизма» Еще до этого, говоря о причинах успехов Шамиля в 40-е годы, А. Ржевуский в той же статье писал: «...Шамиль умел привлечь на свою сторону и привязать к себе бедный класс народа»

Если А. Ржевуский без обиняков называет Шамиля врагом горской аристократии и выразителем интересов народных низов, то другие более утонченно скрывают свою классовую пристрастность, изображая дело в

якобы правдоподобных картинах действительности.

Мастерски восстанавливая действительно страшную и драматичную картину истребления аварских ханов и изобра- жая второго имама Дагестана Гамзата воплощением коварства и жестокости, Неверовский, в частности, сообщает, что имам хитростью завлек в свой лагерь двух последних сыновей хана и далее продолжает: «Лишь только показался Абу- Нуцал-Хан в стане мюридов, как Гамзат-Бек, не ожидавший стечения таких благоприятных обстоятельств, поспешил к нему на встречу и принял его с рабскою почтительностью. Хан дружески приветствовал своего врага и по просьбе его вошел в палатку, вместе с братом своим Умма-Ханом; за ними последовали и несколько почетных жителей Хунзаха.

Угощая своих дорогих гостей, Гамзат-Бек сказал Абу-Нуцал-Хану, что все собранное им скопище находится отныне в его распоряжении, что он сам отдается в его власть и что с этого дня, если не откажут ему в помещении в ханском доме, он будет заниматься только богоугодным делом - распространением мюридизма в Аварии. Абу-Нуцал-Хан, тронутый подобными знаками уважения, благодарил Гамзата в самых искренних выражениях, обещая ему вечную

дружбу.

Вскоре после этого Гамзат-Бек вышел, а вместе с ним и находившиеся при нем мюриды. Хотя его преступное желание осуществилось, и два Хана, из которых одного он страшился, находились в его власти, однако честолюбие не совсем еще заглушило в нем понятие об их неприкосновенности и нерешительность им овладела. Заметив его колебание, Шамиль сказал: «Гамзат! Куй железо, пока оно горячее, иначе будешь раскаиваться в своей «слабости»». Поощренный этими словами, он немедленно сделал распоряжение о назначении убийц и приказал сделать залп из ружей по ханским нукерам. Когда удачные выстрелы уничтожили большую часть верных защитников, то один из хунзахских жителей, преданный мюрид Гамзат-Бека, первый подбежал к палатке и выстрелом из ружья нанес смертельную рану Умма-Хану. Молодой хан, не почувствовал вдруг ослабления, выхватил кинжал и бросился на врагов, но по выходе из палатки, силы его оставили, и он пал мертвым. Между тем Абу-Нуцал-хан, выбежавший вслед за Умма-Ханом, боролся далее с убийцами. Первый встретившийся ему противник - был родной брат Гамзата, которого он и поверг на землю. Подобная же участь постигла шурина Гамзат-Бека, занесшего на

него руку, и одного джаро-белоканского мюрида, прострелившего ему левое плечо. Геройская защита Хана устрашила убийц вступать с ним в одиночный бой, а потому на него напали несколько Мюридов и неизвестно кто из них рассек ему левую часть лица. Абу-Нуцал-Хан, прихватив рукою отрубленную щеку, выдернул шашку и нанес ею еще не один смертельный удар. В эту роковую минуту отчаяние и храбрость Хана достигла до невероятной степени: все к кому он приближался, бежали от него. Очевидцы рассказывают, что Абу-Нуцал-Хан походил на ожесточенного льва, не чувствовавшего своих страданий, и преследуя бегущих, убил и ранил до 20 человек. Наконец обессиленный и изнеможенный, он пал на труп одного из врагов своих》

Несмотря на то, что ради дворянского объективизма Не- веровский и отмечает способность учиться, природный ум, предприимчивость Гамзата, полковник Генерального штаба царской армии видит в истреблении аварских ханов не результат перелившейся через край извечной ненависти народа к угнетателям, не революционный акт возмутившейся массы трудовых низов, а злодеяние частных лиц, отдельных властолюбцев.

Второй имам Дагестана изображается конченым злодеем и чуть ли не марионеткой в руках Аслан-хана Казикумухского. Ему приписывается честолюбивое намерение завоевать часть Дагестана и Азербайджана. А среди его пособников в истреблении ханов представлен и Шамиль.

И, наоборот, все поступки ханши Баху-бики и ее детей безупречно благородны, представители законной власти, они отважно и с достоинством защищаются. Даже феодальные титулы хан, бек, бике Неверовский пишет прописными буквами.

Между тем в «Блеске дагестанских шашек...» действия ханши, ее людей выглядят вероломными и далеко недобрыми. Вот как те же встречи, те же события подаются ал-Карахи. Лагерь Гамзата и Шамиля недалеко от Хунзаха. «Наконец, дело пришло к примирению с выдачей Булача, сына Баху- Бики. Булач был доставлен в Харачи. Два других сына Баху-Бике - Нуцал-Хан и Умма-Хан, их приближенные из ученых, знати и слуг, числом около 200, пришли приветствовать Хамзата. Они остались там и перемешались с войсками.

Предуведомление. Познавший аллаха всевышнего Шамиль поклялся собирателю этой книги, т.е.

Мухаммеду Тахиру, в том, что у Хамзата и тех, кто был с ним, не было намерения убивать кого-либо из хунзахцев, кроме двух злоумышленных убийц - Буга ац-Цудакари и Маллачи ат-Тануси.

И вот в то время, когда они заключили мир, пришел к Шамилю от Баху-Бики Ахбирди, говоря: «Хамзат слушается твоих слов. Так склони же его (к уходу) от нас на земли равнины, а сам возвращайся от него и тебе за это Две сотни ту**манов наличными».**

-

Шамиль об этом тайно сообщил Хамзату и просил: «Пойми же, что нужно предпринять и (сделай из сказанного) соответствующие выводы». Хамзат сказал: «В таком случае, значит, не завершилось еще их укрощение и приведение к покорности».

Гамзат, по словам ал-Карахи, тремя разными требованиями проверяет противную сторону в честности намерений. После их отклонения товарищи Гамзата запретили хунзахцам вернуться обратно и последние открыли пальбу, произошла кровавая развязка, которая описана Неверовским. Более того, «...эта битва произошла в то время, читаем мы в «Блеске дагестанских шашек...», когда Гамзат вышел из своей палатки и удалился для омовения. Его

подушка, находившаяся в палатке, была найдена продырявленной множеством пробоин от ружейных пуль, которыми в изобилии стреляли по палатке, думая, что в ней находится Гамзат»

Сознавал ли ал-Карахи единство интересов местных феодалов и русского дворянства, классовый характер политики царя? Видно, что хорошо сознавал. Не оставляет в этом сомнения тирада из его предисловия к его книге: «Четвертые делали управителем над своими домами какого-нибудь дьявола соблазнителя из неверных, или же того среди них самих, чьим поведением были довольны неверные, того, кто будучи искренен в царской службе, снискивал себе расположение царя и одобрял его политику, рассматривал ее как необходимое дело в правильном установлении их мирских и загробных дел, а то, что предписал им Аллах Всевышний в истинной вере, считал пороком и погибелью». И в довершение сказанного, подтверждая справедливость гнева народа, расправившегося с угнетателями, ал-Карахи приводит слова из Корана: «И был истреблен последний из того народа, который угнетал⟫.

Если пафос всей прозаической части хроники крестьянско-мусульманского демократа ал-Карахи

воспевание героизма горцев Северо-Восточного Кавказа и личных подвигов, государственной мудрости имамов, то часть книги, созданная после окончания войны, которая так же, как и первая, состоит из прозы и поэзии, посвящена оправданию политики и мероприятий Шамиля военных лет и его поведения в плену.

Кажется, этого достаточно, чтобы считать установленной идейно-классовую позицию ал-Карахи и перейти к определению критериев художественности или не художественности книги или частей ее.

Художественность произведения литературы - понятие многослойное, многостепенное и многогранное. И, оценивая эстетическую значимость того или иного произведения, исходить нужно с точки зрения поступательного движения данной литературы, учитывая на какой ступени этого развития стоит произведение, о котором речь.

Для русской и арабской литератур, для которых средневековый период, когда исторические хроники, летописи являлись и произведениями художественной литературы, давно минул, хроника типа «Блеска дагестанских шашек...» ана- хронизм. И в

высказывании академика И. Ю. Крачковского о частичной художественности труда ал-Карахи вольно или не- вольно сказалось твердое знание этой истины. Иными словами, говоря об этом, Игнатий Юлианович историю дагестанской литературы, конкретные сдвиги, происходившие в ней, в учет не брал. Убедившись же в том, что А. М. Барабанов ви- дит множество выразительных поэтических находок и получает эстетическое удовольствие от ряда живо изображенных картин, глава советских арабистов, по-видимому, из уважения к мнению своего ученика не находит нужным оспаривать его утверждение: «Хроника Мухаммеда ал-Карахи - крупное историческое и художественное произведение».

На наш взгляд, как правильно полагают И. Ю. Крачковский и А. М. Барабанов. «Блеск дагестанских шашек...» прежде всего историческая хроника. Она создана в то время, когда дагестанская художественная литература еще только выделялась из общего общественного сознания в самостоятельную отрасль. Следовательно, она для нас, дагестанцев произведение и художественного слова. И это тем более справедливо, что «Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи», как и воспоминания Абдурахмана о

Шамиле, были последними произведениями этого жанра в Дагестане, и в них литера- турная часть, литературность выражена довольно богато. После них уже появляются собственно истории Дагестана, исторические произведения («Асари Дагестан» Гасана Алкадари) и чисто художественные произведения; авторы и их читатели уже сознают теперь специфику дисциплин.

Поскольку Мухаммеду Тахиру было поручено составить историческую хронику, историю ряда событий, специфика жанра вынуждала его сообщать, когда и как они происходили. Такая обязательность не давала писателю сосредоточиться на подробном описании одного события с началом, кульминацией и развязкой, раскрыть историю характеров на основе развития сложного сюжета. И даже летопись жизни и деятельности Шамиля в большинстве случаев дается в перечислительно-описательном плане. Отсюда известный плане. Отсюда известный официально-Документальный характер материала, вынужденная этим обстоятельством сухость.

Однако как мы видели, даже только в приведенных свидетельствах о происшествиях 1834 года, в силу их драматизм, столкновения характеров сильных

личностей, выразительности их речей, Неверовский и ал-Карахи выглядят зна**чительными писателями.**

Подобными отрывками хроники, в которые ворвалась поэзия и которые созданы сочным, образно выразительным языком, можно считать, не опасаясь ошибиться, главы: «Отступление с упоминанием о некоторых достойных качествах»; «О сражении, в котором пал смертью праведника Гази- Мухаммед и был ранен Шамиль»; «О том, что произошло у Шамиля с гимринцами после этого»; «Об избиении главарей Хунзаха и о том, что там произошло»; «О походе Хамзата в Салты и о гибели его за веру от руки (жителей) Хунзаха»; «О начале халифства Шамиля и о том, что он претерпел во время него»; «О том, что произошло у Шамиля с жителями Чирката, когда он был там»; «О сражении в Ахульго»; «О выдаче сына Шамиля, Джемал-ад-Дина, русским в качестве заложника в знак перемирия»; «О благословенной битве в Грузии»; «О возвращении к имаму его сына Джемаль ад-Дина»; «О начале бедствий и испытаний для Шамиля и его единомышленников»; «О большом бедствии и великом несчастье для всего Дагестана, заключающихся в том, что Шамиль подпал под власть русских» и др.

Было бы вполне в согласии с истиной, если бы современный журналист назвал подборку этих глав «Очерками Кавказской войны». Это действительно очерки, но очерки документально-художественные, жанр, который ввели в дагестанскую литературу ал-Карахи и Абдурахман, сын Джамалуддина Казикумухского и который нашел поддержку и продолжение в творческой практике Абдуллы Омарова, Айдемира Чиркеев- ского, Гасана Алкадари и других. Документальный потому, что силою документа правдиво запечатлевает то или иное явление действительности, конкретный факт; очерк потому, что не выдуманное событие изображается, не осложняя действия сюжетными ходами, композиционно просто. Ал-Карахи весьма скуп на воспроизведение деталей, психологическую мотивировку действий героев его очерков.

И вопреки этому, из его реалистически правдивых, но чрезвычайно сжатых рассказов перед нами живо проходят не- выдуманные события исторического значения, неповторимо колоритные личности, удивительно своеобразное время и его особенные черты.

И центральный герой этих очерков, всей хроники, вокруг которого все происходит, от которого многое

исходит, который на многое влиял, и потому является всеобъединяющим стержнем - это имам Шамиль.

В грудь вонзился кинжал. Воин глубже вбирает Злую сталь, чтоб к врагу дотянуться клинком,

читаем мы у Расула Гамзатова в поэме «В горах мое сердце». Откуда это? Все поклонники А. С. Пушкина, не задумавшись, ответят конечно же, из «Кирджалы»; знает и любит и автор «Журавлей» великого русского поэта. Между тем, не имея никакого понятия о Кирджалы, позже его подвиг повторил и Шамиль. Послушаем Мухаммеда Тахира ал-Карахи: «Шамиль опасался, что враги бросят к ним огонь через проломы в крыше и взорвется порох, поэтому он приказал находившимся с ним сделать вылазку, но они не выходили. Тогда он обнажил шашку, бросил ножны с поясом, засучил рукава, подобрал полы и бросился из двери. Его папаха с чалмой упала от удара о верхний косяк двери. Шамиль ударил шашкой того, кто был у двери; тот упал ртом вниз и «опустил бороду». Шамиль ударил другого - тот также упал. Третий ударил Шамиля в грудь и пронзил его грудь насквозь. Шамиль ухватился за находившийся в его груди штык одной рукой и, ударив напавшего шашкой, сшиб его. Ружье сшибленного упало (в стороне) от него.

Когда это все увидели нападающие, то перед Шамилем начали разбегаться. Находившиеся же сзади Шамиля преследовали его, не имея возможности стрелять в него из ружей из- за собственной же давки вокруг него. Наконец, один выстрелил в Шамиля из ружья, но не поразил его. Шамиль бросился на него с шашкой и нанес ему множество ударов, но тот защищался своей буркой»

При этом беззаветная отвага у Шамиля сочетается с тонкой рассудительностью, безошибочно рассчитанной на успех задуманного. Вот как изображается встреча Шамиля с представителем русского командования Пулло: «Шамиль сел рядом с Пулло. Пулло подостлал часть своего плаща (на котором сидел сам) для того, чтобы на него сел Шамиль, но последний не сел на него.

Пулло завел длинный разговор. Шамиль задвигался, как бы гордясь и кичась, и (незаметно) подложил под себя край одежды Пулло, рассчитывая, что если бы русские задумали изменить, то он убьет Пулло и нападет на его спутников, но не вернется вспять. Этот его маневр понял его товарищ, пав- ший (впоследствии) за веру, Газияв ал-Анди, он

приблизился к сидящим, приготовившись обнажить оружие» .

Шамиль в изображении ал-Карахи не только герой, равного которому мало в мировой истории. Как государственный деятель, рожденный с этим талантом и оказавшийся у кормила власти силою обстоятельств и этого таланта, он руководствуется во внутренней и внешней политике высшими с его точки зрения интересами народа. Ему Баху-бике предлагает огромный куш за измену Гамзату; каждый раз русское командование обещает ему власть над всем Дагестаном, пытается подкупить золотом, подарками склонить на свою сторону. Но неподкупный имам ради личных благ не жертвует свободой и независимостью горцев. Представители царизма зная цену недюжинным способностям вождя горцев, не устают подкупать и обманывать его, а он, наученный горьким опытом, не верит ни во что и вплоть до пленения не изменяет этой линии поведения. «Рассказывают, свидетельствует ал-Карахи о кануне этого пленения, - что во время собрания для переговоров о перемирии он сказал им (посредникам. - А. Г.) следующее: «Наши отцы говорили, поистине, вы (т.е. русские. - А. Г.) приятны речами, богаты деньгами, легки сначала,

тяжелы после (и мы не хотим с вами мира)»

По хронике Мухаммеда Тахира, будучи полководцем, как сказал бы сам Шамиль, волею Аллаха, он малыми силами одерживает не одну победу над превосходящими силами противника, умеет организовать как наступление, так и оборону. Идя на только что описанную встречу с Пулло, «для придания большого вида и многочисленности были выведены все домочадцы и «камили» (рабы, не мусульмане. - А. Г.). Женщины были одеты в мужскую одежду, опоясаны шашками, вооружены и в чалмах». Готовясь к походу в Грузию, Шамиль свои намерения скрывал от всех, «даже от своего сына Гази Мухаммеда, наиба Караляля. Когда Гази Мухаммед спросил его: «В каком направлении нам исправлять дорогу для похода?», то имам ответил: «Исправляй ее во все четыре сторо**ны»**

Читая хронику, ясно видишь, что при всей исключительности личности Шамиля, как бы он ни предвидел события и ни настаивал на своем, он не обходился без совета окружающих, не мог не считаться с их мнением и интересами. На уровне лучших военных мемуаров нарисована сцена последнего совещания руководства имамата перед

сдачей в плен: «Шамиль уговаривал, подбадривал и увещевал собравшихся с ним в мечети, всех сразу и по отдельности, называя каждого по имени, призывая к борьбе, к падению за веру и исканию смерти (в битве), но ни один не выказал к этому стремления, даже и его сыновья. Они отговаривались состраданием к своим семьям. От них (русских) к имаму пришли посредники, требуя мира и прихода Шамиля к генералу. Для этого же пришел Даниял к его родственнику по жене - Гази Мухаммеду. Рассказывают, что имам склонился только благодаря уговорам Гази Мухаммеда.

Он дал им согласие только при том условии, что он и его товарищи пойдут к генералу вооруженные и что генерал даст ему и тем, кто захочет идти с ним, свободно уйти в Мекку. Они (т.е. Шамиль и его товарищи) условились между собою, что если русские будут отделять товарищей от Шамиля или же попытаются взять у них оружие, то они начнут сражаться и дерзнут напасть на русских, ища смерти в битве. На этом они и отправились. Но русские встали между Шамилем и его товарищами и взяли у Шамиля его оружие, говоря, что генерал боится вооруженных».

Из различных глав хроники Мухаммеда Тахира нетрудно заметить, что вынужденный принимать в конечном счете как имам единоличные решения и

суровые меры в силу необходимости в государственных интересах, Шамиль все же умел щадить людей и при решении важных вопросов прислушивался к разумному голосу советников и близких.

Таким образом, в соответствии с действительностью Шамиль в глазах автора хроники воплощение всех положительных качеств героя, полководца и главы государства. С начала до конца книгу пронизывает концепция социально активной, общественно полезной сильной личности патриота. Изображает ли имамов (Гази Мухаммед, Гамзат, Шамиль) или наибов, массу, их представителей, ал-Карахи воспевает величие духа горца, мужество его сердца.

Весьма важное значение в постижении природы очерков, составляющих хронику, имеет вопрос об их методе. Конкретность задачи освещать ряд действительных фактов, событий вызвала к жизни воплощение их в соответствующей форме. Абстрактные славословия были здесь неуместны, и не потерпел бы их трезвый реалист Шамиль, желавший воспроизведе- ние его реальных дел и ясно, четко мысливший.

Прежде всего, не истолкуешь иначе как объективное проявление силы реализма и верность автора правде то, что хотел сказать автор хроники и что в ней сказалось.

Ал-Карахи, как и Гази Мухаммед, Гамзат, сам Шамиль, фанатически предан шариату и газавату. Однако, не будучи в силах отрицать истину, он приводит ряд примеров нежелания горцев считаться с безнадежно устаревшим правопорядком, установленным для арабов в VII-XI веках. «Он (Гази Мухаммед. А. Г.) устрашал, угрожал и, для того чтобы обратиться к старейшинам Дагестана, составил послание, которое назвал «Блестящее доказательство об отказании от ислама признающих адат», обличая в нем людей адата в неверии» . Через месяц после действий и пребывания первого имама в Чиркее, ал- Карахи пишет: «И пошли община за общиной по пути шариата вольно или невольно». В Каранае, Эрпели, Ансалте, Хунзахе, Гимрах - всюду, как свидетельствует сам ал-Карахи, имама встречает вооруженное сопротивление мусульман.

Мало того, взявшийся воспевать героев, жертвующих собой ради ислама, ал-Карахи увидел уже разложение в самом окружении Шамиля. И Шамиль, и ал-Карахи осознали бесчеловечность набега горцев на Грузию

(1853), казавшегося до совершения дозволенным по шариату. «В том сражении в Грузии были многочисленны утаивание добычи, измены и увеличение угнетения со стороны управителей и наибов. Они постепенно переставали повиноваться. А ведь известно, что «государство продолжает существовать при неверии, но не может продолжаться при угнетении». Конец.

И не прибавлял Аллах Всевышний войскам имама после этого сражения, куда бы они не направились, ничего, кроме принижения и поражения, оставления без помощи и отступления. И в то же время не было у глав и правителей ничего, кроме удаления и гордости, у имама кроме опущения узды правления и подтверждения, у семьи имама кроме расширения за пределы дозволенного имамом и припрятывания, у простого народа кроме недовольства правителями, неодобрения этого припрятывания. И это "потому, что Аллах совершает любое дело, которое должно совершиться"».

Значит, сражение в Грузии было делом богопротивным, поражения и несчастия, постигшие имамат, недовольство народа наибами, домом имама,

разлад между народом и властями - следствие обиды Бога на действия Шамиля в Грузии, а говоря иными словами словами самого ал-Карахи, мусульмане поступают хуже насильников: государство, естественно, не может продолжиться при угнетении. Оно проявилось в полную меру.

Таким образом, реалистический метод письма писателя пришел в явное противоречие с его мировоззрением.

Думается, что реализм письма ал-Карахи проявился не только в отмеченном ряде сцен, в которых отобразились суть явлений и характеры людей. Реалистически спокойна, проста речь в целом хроники, то есть речь самого автора и героев его очерков. Она соответствует той обстановке, в которой произнесена, темпераменту тех людей, с чьих уст сорвалась. У каждого героя хроники своя манера речи. В языке Гази Мухаммеда преобладает религиозно-проповедническая фразеология. Его вещий сон и его толкование им (в реке было два бревна, она унесла его бревно, а бревно Шамиля выбросила на берег) напоминает прорицание из легендно-фольклорного произведения: «Это войско (русских. - А. Г.) идет против меня, и я буду сражен

смертью праведника у двери своего дома... Ша- миль будет хорошо относиться к вам» . Совсем в библейском духе пророчески загадочно звучит его предсказание о будущем приходе Гамзата и Шамиля для наказания ансальтинцев: «Но выступит против вас второй и сделает для вас тяжелым (ваше существование), а затем вы увидите, что сделает с вами третий⟫.

Проповедник, не лишенный дара, он в своем вдохновен- ном воззвании к народу для смены зимы весной нашел чисто горское сравнение: «Холод снимет свою шубу, а тепло наденет свои одежды».

Гамзат, видимо, больше действовал, чем говорил или был молчуном, ибо в книге приведена всего одна фраза, характеризующая его аналитический дар: «В таком случае, значит, не завершилось еще их (хунзахских ханов. - А. Г.) укрощение и приведение к покорности»

Слог Шамиля афористически лаконичен и образно выразительно. В волевых нотах его речи чувствуется решительный характер, его титаническая натура. Он

ночью разогнал веселящуюся и обещающую, вопреки шариату, пить вино молодежь аула Унцукуль. Их оставшийся барабан Шамиль продырявил кинжалом, разбил камнем, а затем бросил вслед за убе- гавшими, сказав: «Заберите эту вашу ослиную кожу». И далее Шамиль наутро отвечает их аульчанам: «...клянусь Аллахом, не отойду от устранения дурных поступков и буду сражаться за это устранение, хотя бы даже не было со мной ни- кого» «Если вы думаете, сказал Шамиль им еще, что шариат стал ослаблен смертью Гази Мухаммеда, то клянусь Аллахом, я не допущу уменьшения его хотя бы на один палец, но увеличу его на целый локоть...»

Шамиль отказывался идти на сход, на встречу с Шамхалом Махди и знатью аула Гимры. Но когда его обвинили в трусости, он пошел к ним один без оружия. «После этого его спросили: «С каким намерением ты отправился на эту погибель без какого бы то ни было оружия в руках?» Он ответил: «Меня повело на это волнение гнева, и если бы они напали на меня, то я непременно выхватил бы оружие у одного из них и затем во что бы то ни стало начал сражаться в ними».

Не только презрение к противнику, но и воздание должного его действительным достоинствам, когда это

нужно, в пример наибам, угроза, за которой, слушатель знает, обязательно следует исполнение, навязывание своей воли тем, к кому он обращается, убедительность, точность, эмоциональ- компоненты содержания речи Шамиля, вдохновляющей подчиненных на дела. Вот его выступление перед наиба- ми в ауле Чох: «Истинно, вот те, начальники русских, рабо- тают и день и ночь над усилением их положения и возвышением их дела. Они держатся за свой закон и руками, и ногами, и коленями, и зубами по приказу какого-то христианина. А вы не придерживаетесь религии Аллаха Всевышнего, который есть ваш Владетель и Создатель, кроме как двумя сторонами вот этих мизинца и большого пальца», - и он обвел вокруг этих двух пальцев.

Затем он поклялся наибам: «Поистине, я не оставлю жел- той чалмы на ваших головах, если вы задумаете отступить, оставив эту крепость в руках этого проклятого. Лучше и не мечтайте об этом». Затем он сказал Хаджи Мусе: «Чтобы ты у меня берег и укреплял со своими товарищами место той башни на вершине крепости! Если ты только сойдешь с нее, то я непременно пробью твою голову до мозга и набью ее солью».

Наполнена энергией мысли, свежести красок и

своеобразная речь разных лиц из хроники Мухаммеда Тахира. Будучи один в лагере русских, гордо, как с врагом, говорит упомянутый сметливый, принципиальный Юнус с генералом.

Наиба Шамиля храбреца Шуайба нашел проверяющий Мирза «подобным льву». На вопрос: «А как твои войска?» тот ответил: «Так как надлежит быть... Русские пройдут здесь че- рез нас только тогда, когда убьют меня, выпустят по капле Мою кровь и растопчут мой труп ногами» Интересен лаконичный «обмен любезностями» этого наиба с русским графом тем, что одна сторона умаляет свои потери, а другая свою победу приписывает детям: «После этого сражения в окрестностях аулов Балгит и Гудар (в Чечне. - А. Г.) послал граф к Шуайбу сказать: «Не превозносись и не гордись тем, что ты убил одного или двух солдат, которые отправились в лес принести дрова». В ответ на это Шуайб послал сказать: «Поистине, я не присутствовал при этом, однако я слышал, что наши дети, отправившись в лес нарвать «курасу», перебили солдат.

Или же: «Разреши мне выйти (из окруженного аула. - А. Г.), а иначе я выйду, сломав палку повиновения», —

по-горски красноречиво грозится в Тилике Хаджи Ташав ал-Индири Шамилю.

Если в ответе Шуайба содержится саркастическое издевательство над противником, то в признании, которое будет следовать ниже, чувствуется горькое раскаяние в содеянном, горючий стыд не лишившегося совести человека за недостойное гражданина поведение. Вот Шамиль сдался Барятинскому. «Затем, когда соединились и перемешались меж собой неверные и мусульмане, то наша знать, которая сдалась русским раньше, стала тихо совещаться между собой, стыдясь своего присутствия при Шамиле. Находившийся среди них кадий Аслан ац-Цудакари сказал: «Подлинно, лягушка, которая упала в отхожую яму, не очистится от нечистот. Так пойдемте же мимо него (Шамиля)». И они ушли.

Реалистически простое в целом повествование самого ал- Карахи порой весьма образно в хорошем смысле этого слова. «Убивали их (солдат. - А. Г.), — говорит он, - и валили, как сжатые снопы и срубленные деревья» («Глава о сражении в Балгите»).

Лежит печать специфики арабской речи, проявляется стихия родного аварского языка, своеобразие работы мысли на этих двух языках во множестве авторского текста. Почти каждое высказывание, как у арабов,

начинается со слова «под- линно, действительно, поистине «инна». «Когда неверные обосновались в этих местах (т.е. построили крепости в Хунзахе, Гергебиле и т.д. - А. Г.), то вытянулись шеи отступников и поднялись их головы, т.е. подняли голову», активизировались. Описывая уныние защитников крепости Чох, ал-Карахи пишет, что «склонились рога наибов, твердость оставила ополченцев». В этой же битве «принялись неверные однажды ночью стрелять из каждого «просверленного и выдолбленного» (т.е. из всех орудий и ружей)» (С. 219). «Через некоторое время он (слепой Мухаммед-эфенди ал-Хуми. - А. Г.) со своей семьей вернулся к месту преклонения своей головы (то есть на родину - в Хуми. – А. Г.)»; (С. 259); «...знатные люди стали смотреть русским в рот при проведении и исполнении установлений ислама (то есть бездействовали, без сопротивления, безропотно подчинялись русским. - А. Г.)».

***

Историческая хроника Дагестана в лице «Блеска дагестан- ских шашек в некоторых шамилевских битвах» Мухаммеда Тахира ал-Карахи (наряду с воспоминаниями Абдурахмана) дош- ла в своем развитии до кульминации. Она перестала просто

перечислять события за длительный период истории, когда и что произошло, повернулась лицом к современности, взялась за более подробное, конкретное отображение живой, реальной действительности, показ героических дел и личностей. В результате в недрах исторической хроники впервые в истории дагестанской литературы появился Документально- художественный очерк.

Эти очерки отразили бурное, неповторимое время в истории Дагестана, его противоречия, характеры людей. В реалистической правдивости их изображения, их слова, в противоречии метода и мировоззрения писателя ясно прослеживается проникновение критического реализма в прозу, как и в эпистолярный жанр и поэзию. В этом - вклад Мухаммеда Тахира ал Карахи в развитие дагестанской литературы, его заслуга перед ней.

Разумеется, изображение события, явления не обросло, как следует, художественными деталями, осложнением сюжетно- композиционного механизма, характеры героев еще, за исклю- чением Шамиля, статичны.

Но характеры, притом довольно выпуклые, в Хронике уже запечатлелись, живут.

Дальнейший рост этих элементов, их вживание в дагестанскую литературу мы увидим в творчестве Гасана Алкадари, Абдуллы Омарова, Омарла Батырая, Ирчи Казака, Етима Эми- на, Гасана Гузунова, Эльдарилава и других.

В завершение анализа процесса арабоязычной литературы Дагестана указанного периода, думается, нельзя оставить открытым вопрос: каково было соотношение арабоязычной литературы Дагестана первой половины XIX века с современной ей литературой самих арабов? Ответ на этот вопрос значительно облегчает исследование весьма компетентного Ханна аль- Фахури. Воспроизводя состояние поэзии I этапа, «периода культурного подъема» (конец XVIII – начало XIX в.) в странах арабского Востока, аль-Фахури пишет, что для нее «характерно подражание древним; здесь еще заметны черты упадка. Поэзия развивается лишь в той мере, в какой может развиться поэзия периода перехода от упадка к подъему: с одной стороны, поэты еще не успели ознакомиться с западными формами и стилями, с другой - их возможности в национальной поэзии еще не мо- гут породить яркого и самобытного творчества на родном языке, поэтому они и устремились по пути подражания. Впрочем, и в

подражательном творчестве в этот период преобладают мотивы и настроения упадка. Поэзия **этого** периода поверхностна, невыразительна, для него характерно творчество таких поэтов, как Никула ат-Турки (1828), Бутрус Кераме (1851) - в Ливане; Исмаил ал-Хашшай (1815), шейх Хасан ал-Аттар (1834) и Али ад-Дервиш (1853) — в Египте: шейх Амин ал-Джунди (1841) — в Сирии. В большинстве своем это были «поэты эмиров», **сла**гавшие стихи по какому-либо поводу в честь отдельных семей, мечетей и т.д. Они сочиняли касыды-поздравления, панегирики, элегические плачи, стихи к знаменательным датам, дружеские послания, причем, все эти произведения были крайне искусственны и примитивны»

Не лучше обстояло дело и с прозой арабов того времени: «У прозаиков раннего периода наблюдается стремление к рифмованной прозе, различным риторико-стилистическим приемам, к стилизации, которое можно объяснить отсутствием творческой инициативы, нежеланием раздумывать, исследо- вать, анализировать. В целом, их творения были слабы, невыразительны, путаны. Это и не удивительно: еще сильны были влияния периода упадка, еще не успел сформироваться и окрепнуть новый стиль.

Некоторые из этих черт мы уже отмечали в нашей поэзии и прозе Мухаммеда Яраги и отчасти - в письмах Джамалуддина Казикумухского. И это вряд ли результат контактных связей, ибо нет никаких данных о том, что дагестанцы были знакомы с творчеством названных арабских поэтов.

«Стремление к рифмованной прозе, различным риторико- стилистическим приемам, к стилизации», обусловленные, на наш взгляд, воздействием Корана и хадисов (преданий о Мухаммеде), объясняются не только «нежеланием раздумывать, исследовать, анализировать». Первопричина всего этого - в отсутствии большого движения общества вперед, переломных моментов в классовой борьбе, способствовавших брожению умов.

Как только в общественно-политической жизни и экономике произошли коренные изменения, в том же регионе арабского мира, в той же первой половине XIX века, о которых говорит Ханна ал-Фахури, сложились условия для возрождения нации и ее литературы. За французским вторжением в Египет и Сирию (1789-1801), убедившим передовых людей Арабского Востока в необходимости перенятия научно-технических достижений христианской Европы,

последовали истребление мамлюкских беев и решительные преобразования Мухаммеда Али (1769-1849) и его сына Саида (1854-1863). Не замедлили появиться и произведения, которые стали предшественниками на- раставшей из десятилетия в десятилетия мощи новой арабской литературы. «Это «Описание Парижа» (1834) Рифа`а Тахтавия (1801-1873) и «Описание России» (около 1850 г.) Мухаммеда Айяда Тантави (1810—1861). Обо всем этом достаточно основательно говорится в капитальном научном исследовании академика А.Е. Крымского «История новой арабской литературы» (М., 1971).

В отличие от исторических условий, сложившихся в первой половине XIX века в арабском мире, в Дагестане в то время накал антифеодальной классовой борьбы дошел до уничтожения ханской фамилии, изъятия бекских земель. И это связано с антиколониальным движением против царизма.

Мощная волна народно-освободительного движения воз- несла на свой гребень деятельность талантливых личностей (М. Яраги, Мирза-Али, Ю. Аксайский, Мухаммед Тахир ал-Карахи и др.), чье творчество было прямым ответом на зов времени. И от литературы, отображающей драматизм своего

времени, льется свет жизни, освещающий картины реальной действи**тельности.**

Только по той причине, думается нам, и состоялось возрождение арабской (вернее арабоязычной) литературы в Дагестане чуть раньше, чем в самой Аравии, что борьба широких народных масс против феодализма и колониализма в новых усло- виях началась чуть раньше, чем в Аравии. И питательной средой художественного слова на Северо-Восточном Кавказе была именно эта борьба.

ДАГЕСТАНСКАЯ АРАБОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА В СВЕТЕ ТЕОРИИ ДВУЯЗЫЧИЯ

Относительно небольшой горный край Дагестан всегда отличался многообразием местных и исторических условий. Бесчисленные завоеватели и перемещения народов через небольшую территорию в прошлом оставили в Дагестане глубокие следы. Победители оттесняли местное население, поселялись на его территории, увеличивая и без того значительное многоязычие края. Его раздробленность на множество политических образований (вольные общества,

ханства) с характерными для феодальной формации распрями, пестротой этнического состава населения представляла как бы центробежные силы, мешающие прийти к единой экономике и общему языку. Вместе с тем сознание единства края, чувство родства народов, их культурные запросы говорили о необхо- димости языка межнационального общения.

Эту потребность дагестанцы испытывали давно: и тогда, когда входили в состав Кавказской Албании, когда говорили и писали на албанском (или агванском) языке, и после распада этого межплеменного союза. Очевидно, албанский язык исчез с исторической арены не без последствий. Помимо оставленных письменных памятников, он, видимо, утвердил в сознании народов, чьим государственным языком он был, идею необходимости для них всех одного международного языка, накопил опыт и подготовил предпосылки для другого языка, который займет его место. Но в средневековье, в силу ряда указанных и неуказанных причин, ни один из местных языков претендовать на роль культурного гегемона не мог.

Естественно, что в тех условиях наиболее подходящим для выполнения названных функций был язык веры подав- ляющего большинства населения, язык веры

правителей и подданных. И арабская речь, при помощи которой были синтезированы мусульманами великие культуры античного мира (Иран, Греция, Рим), Византии и Востока, обслуживала не только религиозные обряды. Частные лица и государственные деятели обменивались письмами, через нее люди приобщались к знаменитой культуре мусульманского мира. Безупречная грамотность по-арабски, хорошее образование, полученное при помощи этого языка, было честью для человека, по- читалось высоко. Ценители мудрости и получившие заказы высокопоставленных лиц переписывали важные рукописи, высекали надписи на надгробьях, архитектурных сооружениях, оружии и т.д. Имеющие задатки поэтического дарования пробовали перо. Отсюда тексты надписей, посланий, сти- хов, хроник местного происхождения, отражающих жизнь и потребности края, не лишенных художественности и по всему этому имеющих для нас непреходящее значение и получивших признание специалистов.

Вызванное К ЖИЗНИ историческими, социально-политическими, экономическими условиями двуязычие и по- рой многоязычие народов Дагестана имеет ряд аспектов.

Во-первых, как только что было сказано, результат этого (двуязычия) - специфично арабоязычные произведения, созданные не арабами и проникнутые живой мыслью горца, его образным мышлением. Это наше культурное наследие, отка- заться от которого было бы совсем несправедливо.

Во-вторых, несмотря на попытки части духовенства абсолютизировать арабский язык, справлять все ритуалы на нем, не допуская участия родных языков в этом, запрещая переводы на них, стихия родной речи ломала все препоны: отражалась на фразеологии, синтаксисе этой литературы, требовала внимания к себе. Любой начинавший изучать язык Абу-ль-Ала ал-Маарри, волей-неволей, бывал вынужден соотносить его явления, категории с аналогичными явлениями и категориями родной речи с целью запоминания, отмечал сходство и различие, овладевая писаными законами, стано- вился филологически грамотным. К тому же, с целью созна- тельного отправления культовых обрядов, **духовные вожди** поощряли переводы молитв и частей Корана на родные языки (Джамалуддин Казикумухский еще в первой половине XIX века изложил основы ислама в рукописи «Кифаят ал авам» «Достаточное для всех (неграмотных)» на лакском языке. Бо- лее того, в

Коране Бог сам возвещает, что пророков к народам он посылал говорить с ними на их языках. О попытке перевести Коран на аварский язык свидетельствует П. К. Услар: «Джемалэддин, старший сын Шамиля, оставивший по себе всюду добрую память, возвратясь в горы, сильно скорбел о невежестве и дикости своих земляков. Чтобы вывести их из этого состояния, он счел за самое действительное средство распространить между ними грамотность на родных языках. С этою целью упросил он Гаджи-Али, одного из приближенных Шамиля, перевести Коран на аварский язык. Гаджи Али успел перевести только половину. Шамиль не препятствовал этому занятию, но, по видимому, не сочувствовал ему. Он представил Гаджи-Али, что самое богоугодное дело сра- жаться против неверных, перевод же можно докончить и в другое время⟫.

В издательстве Мавраева вышли в свет части Корана на языках Дагестана до революции. Переводы же как духовной, так и светской литературы вообще расширяли кругозор горца, совершенствовали его художественный вкус, оттачивали его язык. Так что вряд ли состоятельны утверждения, что пользование арабским мешало развитию родных языков.

Многочисленные подстрочные переводы на родные языки арабских слов, выражений из грамматик, учебников логики, риторики, стихов, поздние художественные переводы свидетельствуют, что горцы овладели арабским языком при помощи родного языка (иначе и быть не могло), что с конца XV века идет становление литературы на родных языках. Для их относительно бурного и многогранного развития, оказывается, нужно было прекращение усобицы и разобщенности, водворение всеобщего мира, обеспеченные горцам присоеди- нением их родины к России (1859). Не случайно, что именно с этого времени мощно развивается литература народов Дагестана на всех языках, в это время появляются их классики

(Йырчи Казак, Батырай, Етим Эмин, Али Гаджи из Инхо, Махмуд, Гузунов и др.).

Активно взаимодействуют, взаимодополняют друг друга и параллельно и успешно функционируют фольклор, пись- менная (на языках) арабоязычная и русскоязычная литературы. Вместе с тем, несмотря на то, что жизни арабоязычной литературы было суждено продлиться еще на несколько десятилетий и она внесла существенный вклад в научное и

художественное освоение действительности, несмотря на это, сложившиеся исторические условия подорвали корни влияния арабского языка в народе.

Он и до этого был языком науки и культуры, языком официальной, межнациональной переписки (что само по себе немаловажно), но доступным все-таки ограниченному количеству представителей духовенства и верхов общества, их привилегией. Естественно, что из-за большой удаленности Аравии от Дагестана народные массы не могли общаться с носителями языка их веры.

В силу сложившихся обстоятельств, став гражданами государства иноверцев, горцы стали присматриваться к ним, тысячи из них получили возможность уезжать на заработки в Россию, овладевать русским языком. Горцы-труженики вскоре же убедились, что русский народ - далеко не царь и колонизаторы - русификаторы.

Еще в начала пятидесятых годов Шамиль, будучи имамом, сознавал, что с продолжением войны «была сопряжена напрасная трата крови и напрасные бедствия народа». На во- прос А. И. Руновского: «Почему же он не прекратил этих бед- ствий и этой траты крови, если сознавал бесполезность их?»

Шамиль назвал причины. И, как утверждает А. И. Руновский, «последняя и главная причина упорства Шамиля заключалась в недоверии, питаемом им к русским, по случаю не всегда точного исполнения обещаний, которые иногда давались ему в весьма редких с ним сношениях. Неточность эта происходила, по сознанию самого Шамиля, отнюдь не от желания с нашей стороны обмануть его, но вследствие недоразумений, порождаемых отсутствием прямых сношений между враждующими сторонами, а не менее того и коварными интригами приближенных Шамиля, которые всячески старались выставить перед ним русских в дурном свете и на этом основании каждый редкий случай наших сношений с предводителем горцев, обращали в новую для него возможность убедиться «в неверности» врагов»

И, в частности, в убийстве по его распоряжению полковника Веселицкого и тридцати трех русских офицеров Шамиль считал повинным русского генерала, подписавшего и подославшего к пленным записку, в которой «приглашали их мужаться и потерпеть еще несколько времени, так как открывается возможность освободить их без выкупа, ибо вслед за запиской идут в Дарго и наши войска».

«Этот случай, - пишет А. И. Руновский,

только утвердил в нем дурное мнение о русских, на том основании, что если он был обманут таким «большим человеком» как тот, который подписал записку, то чего же следует ожидать от младших начальников, от простых людей?...».

«— Нет, отвечал на это (т.е. на вопрос. - А. Г.) Шамиль, не я их убил: их убил Воронцов»

В устах привилегированного царского офицера А. И. Руновского все русские - единый народ без классовой дифференциации и по его (Руновского) мнению, «Кавказская война» продлилась из-за ненависти Шамиля к русским, из-за интриг в его окружении. А читателю прозрачно ясно, что предводитель горцев четко представлял себе слои русского общества и виновными в ведении той войны и в потерях с обеих сторон он считал именно царских генералов. Это, с одной стороны. С другой даже после пленения, в отношении феодалов Шамиль говорил: «Прежде всего уничтожьте ханскую власть и дворянское звание, держите беков в таком же черном теле, в каком

держал их я».

Какой бы справедливой и героической со стороны горцев Северного Кавказа война 20-50-х гг. ни была, она все же была обречена на поражение и объективно задерживала ход исторического движения в крае вперед, мешала предопределенному силою обстоятельств объединению народов, их взаимопониманию.

По окончании войны и конфронтации, обстоя- тельно присмотревшись к своим вчерашним противникам, вскоре, а именно во второй половине XIX века, все народы Дагестана сложили рифмованную пословицу: «русский справедливый» (по-лакски, например «оьрус - дурус»).

Правящие же верхи, окончательно переориентировались на царскую Россию. Они и горцы - сотрудники русской администрации, зажиточная часть населения, предпочитая каирским, стамбульским духовным и светским училищам русские гимназии, реальные училища, петербургские и московские светские вузы, посылали своих детей учиться туда.

Европейская культура И русская революционно-

демократическая мысль начали постепенно проникать в культуру и быт горца. И в этом процессе колоссальную прогрессивную роль сыграл русский язык.

Известно, что многим дагестанцам приходилось быть полиглотами. Об этом свидетельствуют и путешественники прошлого, и кавказоведы. Сталкиваясь с иноязычными народами в поисках куска хлеба, обучаясь у разноязычных учителей, на разноязыких территориях, рядовые жители и учащие-ся поневоле овладевали речью соседей.

Эти люди способствовали укреплению братских уз наро- дов, обмену культурными ценностями. Отсюда у дагестанцев ряд идентичных или схожих фольклорных произведений: пословицы, поговорки, лирические и эпические песни, сказки. Представители одного народа участвовали в становлении и развитии литературы другого народа.

Родство народов, населяющих край, нашли отражение в их языках, наложили глубокий отпечаток на искусство слова, созданное на этих языках. В них отразилась наша многовековая история.

Однако, если два соседа знали язык друг друга, их речь оказывалась подчас непонятной для третьего:

всем невоз- можно овладевать всеми языками. В этих случаях выручали кумыкский, азербайджанский, иногда и персидский. Не лишена значимости и литература дагестанцев, созданная на последних двух языках (наследие ашугов и высокообразованных поэтов, которое предстоит серьезно изучить). Но и кумыкский, и азербайджанский не могли иметь распространение в других частях огромной империи. Сама жизнь, сами условия диктовали горцу необходимость овладения русским языком. И он стал средством общения с внешним миром для большего, чем до революции числа населения. Они через него не только изъяснялись друг с другом, но и знакомились с достижениями мировой науки и техники.

Двуязычие не каприз писателей Дагестана, а желание разговаривать с большим числом многоязыких земляков и быть понятыми ими. Абдулла Омаров арабский знал несомненно лучше русского. И все же для своей творческой деятельности он предпочел последний первому по глубокой причине. Он понял выгодность присоединения земляков к могучему северному соседу, предвидел культурные последствия этого и осознал роль русского языка во всем этом. Не по этой ли причине уже русский становится вторым родным языком для следующего поколения

прогрессивно мыслящей интеллигенции Дагестана, в частности для революционно настроенной молодежи (Джалал Коркмасов, Махач Дахадаев, Саид Габиев, Алибек Тахо-Годи, и др.).

Знаменательно, что для того, чтобы писать по-арабски и достигнуть уровня художественности Юсуфа Аксайского и Мирза-Али Ахтынского дагестанцам понадобилось несколько столетий. И, наоборот, прошло не более ста лет, как отдель- ные горцы начали говорить по-русски, и уже появились не менее талантливые, чем арабоязычные стихи Аксайского и Ахтынского, русскоязычные «Рассказ кумыка о кумыках» Д. Шихалиева, «Воспоминания муталима» и «Как живут лаки» Абдуллы Омарова, публицистика Саида Габиева, «Поэт» Эф- фенди Капиева, «Весна, пришедшая с Севера» Юсупа Гереева, «Сулак-свидетель» Магомеда Хуршилова.

Для овладения, скажем, арабским языком, чтобы обра- щаться с ним свободно, как природному арабу, заиметь чувство этого языка и выступать на литературном поприще, горцу, не имевшему контактов с носителями этого наречия, нужно было родиться с задатками поэта-филолога и учиться лет пятнадцать -

двадцать пять.

Следовательно, в область арабоязычной поэзии доступ могли иметь далеко не все талантливые, а одаренные же свои способности могли проявить с чрезвычайно большим опозданием. Естественно, что все это не могло не сопровождаться известным пренебрежением к родному языку и к заботе о развитии искусства слова на нем.

Считалось престижным изучать язык Корана и посланника Аллаха по научной грамматике, и глубокое его знание было предпочтительным перед родной речью, чтобы справлять культовые обряды на нем (арабском). А дерзнуть на зва- ние арабоязычного поэта, признаваемого всеми талантливым, могли лишь слишком редкие счастливцы.

Видимо, этим объясняется отчасти прерывистость процесса литературы на наших языках, множество «белых пятен» в нем, наряду с гибелью памятников и тем, что некоторые из них еще не дошли до нас.

Вместе с тем знание языков более древних и великих культурных традиций благотворно влияло на духовный облик горца, расширяло его кругозор. Образованный человек распространял среди населения филологические и прочие зна- ния, но пишущий, сверх

того, знакомил земляков с образцами художественной литературы других народов, переносил их опыт на родную почву, приобщал свой народ к культурному миру, запечатлевал на бумаге ценнейшие исторические сведения о своем народе, о его духовном облике.

Итак, многоязычие или двуязычие комплекс весьма сложных, порой прямо противоположных и вместе с тем взаимодополняющих друг друга, взаимопроникнутых, вытекающих одно из другого явлений.

Хотя явлению этому несколько столетий и мир сталкивался с ним в разных регионах, проблемой всеобщей и гло- бальной для филологической науки оно начало становиться совсем недавно.

В октябре 1969 года в Ашхабаде состоялась специальная научная конференция, созыв которой был обусловлен значимостью вопроса многоязычия и двуязычия для многонационального государства, каким был Советский Союз. В результате обсуждаемых вопросов конференция должна была выработать практические рекомендации.

Доклады, прозвучавшие на Ашхабадской конференции и вошедшие впоследствии в отдельную книгу, были

посвящены определению понятия двуязычие, его предмета, выяснению основных аспектов исследования и многообразию типов.

Идеи Ашхабадской конференции нашли поддержку и были развиты в ряде исследований ученых бывшего Советского Союза, в частности в трудах сотрудников сектора взаимосвязей русской и зарубежной литератур Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР"

Нас, литературоведов интересует не приблизительно одинаковое владение двумя и более языками, не «языковая практика какой-либо общности, социальной группы, части народа или народа в целом. Задача, ныне стоящая перед языковедами, состоит в уяснении особенностей двуязычия или многоязычия (понятых как одновременное знание или ис- пользование одним или многими индивидуумами двух или нескольких языков), которые позволили бы установить общие или частные исторические закономерности, явлений, а также обнаружить некие общие тенденции во всем разнообразии их форм.

Как видим, здесь превалирует языковедческий аспект проблемы. И поражает он нас масштабностью своей и перспективностью исследования.

Мы же здесь преследуем цель куда скромнее Показать как проявляются закономерности двуязычия (или многоязычия) в процессе возникновения и развития арабоязычной ху- дожественной литературы в Дагестане.

Если не принимать во внимание частности и говорить о сути проблемы предельно кратко, то в существующей и все же немалочисленной литературе с давних пор проходят две основные и диаметрально противоположные мысли, подкрепленные ссылками, на мировые авторитеты: 1) Овладеть в совершенстве вторым языком невозможно; 2) Кто бы ни постиг неродной язык в тонкостях, он не создаст полноценного художественного произведения на этом языке. При этом нет недостатка в примерах из практики признанных мастеров слова, приводимых в подтверждение сказанного.

Если речь идет о несомненном громадном значении русского языка как языка межнационального общения, в этом для нас ничего неприемлемого нет. Но двух родных языков у грузина нет, заявила Манана Гигинейшвили на выездной научной сессии Совета по координации при Отделении литературы и языка

Академии наук СССР, которая состоялась в Тбилиси в мае 1988 года и была посвящена теме «Литература и филологическая наука на этапе перестройки». - Язык это святая святых народа, завершила она свою главную мысль. - Отмирание языка приведет народ к гибели» .

И, наоборот, талантливые люди, утверждают сторонники противоположного мнения, безупречно овладевают не только вторым, но и несколькими языками и создают на них классические произведения [англичанин Чарльз Суинберн (1837— 1909), швед Август Стриндберг (1849-1912), словен Франце Прешерн (1800—1849)] и др.

Со своей стороны я бы тоже назвал украинца Ивана Франко (1856-1916), киргиза Чингиза Айтматова (р. в 1928 г.), индостанского поэта Мухаммада Икбала (1877-1938), создавшего свою лирику на пенджаби, произведения малых жанров поэзии на урду, философские поэмы на персидском,

—

научные труды - на английском и немецком языках. Невозможно не согласиться с истиной: «Иноязычие

звено неразрывной цепи общественных и литературных процессов…

Вопреки многим скептикам, которые игнорируют двуязычие как что-то неестественное и нелитературное, которые полагают, что двуязычие погасло вместе С поэтами- латинистами и что их создания полностью разрушило время мы считаем, что этот процесс будет продолжаться в более разнообразных художественных формах, ибо этого требует дух нашего времени»

Что касается иностранного акцента в трудах одаренных иноязычных писателей, отмечаемого противниками Плюра- лизма и не отрицаемого их оппонентами, то разве в произведениях классиков любой литературы не наблюдаются выра- жения «акцентного» типа, стилистические погрешности, авторские глухоты и т.д.! Кто из смертных не нуждался в хорошем редакторе и обходился без него!

И, наоборот, порой рецензентские требования, редакторская правка, цензорские запреты едва ли выше авторского интеллекта.

Заметим к тому же, что даже в безупречных

вершинных явлениях классической литературы знатоки наблюдают сти- хию второго родного языка писателя. В «Предисловии к «Герою нашего времени» В. Набоков говорит о вещах, несовместимых с понятиями, сложившимися у нас о классике великой русской литературы: «Предприняв попытку перевести Лермонтова, я с готовностью принес в жертву требованиям точности целый ряд существенных компонентов: хороший вкус, красоту слога и даже грамматику (в тех случаях, когда в тексте встречается характерный солецизм.

Надо дать понять английскому читателю, что проза Лермонтова далека от изящества; она суха и однообразна, будучи инструментом в руках пылкого, невероятно даровитого, беспощадно откровенного, но явно неопытного молодого литератора. Его русский временами так же коряв, как французский Стендаля; его сравнения и метафоры банальны; его расхожие эпитеты спасает разве то обстоятельство, что им случается быть неправильно употребленными. Словесные повторы в его описательных предложениях не могут не раздражать пуриста. Все это переводчик обязан скрупулезно воспроизвести, сколь бы велико ни было искушение заполнить пропуск или убрать

лишнее». И это рядом с высокой оценкой того же «Героя нашего времени», данной тем же Набоковым! «Тургенев, пишет А. Н. Толстой в статье «Слово есть мышление», - великий русский писатель, он грешил тем, что он был далек от народного языка. Он писал на блестящем языке, но это был переводный язык, построенный по законам французской речи»

Таковы уж парадоксы творческого акта.

-

И в подтверждение мыслей Станишина о жизненности, необходимости двуязычия в творческом процессе и о многообразии форм межлитературных связей, реализуемых при этом, хотелось бы поделиться раздумьями об опыте искусства слова народов Дагестана.

Диалектику двуязычия, выражающуюся в теоретическом освоении предмета и практическом несоответствии его уровня природе языка дагестанцы сознавали давно, о чем говорит следующий анекдот. Дагестанец у себя на родине долго изучал арабский язык, все его законы. И, отправившись в паломничество в Мекку и Медину, жаждал показать

свои познания первому же арабу, у которого ему придется остановиться на ночлег. Так и сыпал горец цитатами из «Корана», «Преданий о пророках», стихами поэтов, примерами к исключениям из правил арабской речи. А араб терпеливо молчал, слушал и, разозлившись на шалившего в это время своего мальчика, сказал: «Перестань, а то я тебя так изувечу, как этот иноземец наш язык».

И все же, как бы содержание анекдота ни было близко к жизненной практике горцев, мы уже видели, что дагестанцы создали непреходящее арабоязычное наследие. Обратимся теперь к примерам другого порядка.

Дагестанский писатель второй половины XIX века Абдулла Омаров вряд ли настолько хорошо знал русский язык, чтобы стилистически так безукоризненно написать свои художественно и познавательно многозначительные «Воспоминания муталима». Это, видимо, дело рук отличных стилистов из редакции «Сборника сведений о кавказских горцах». Могут ли через это быть сколько-либо умалены идейно-художественные достоинства «Воспоминаний...»? Думается, что нет. Ценнейшие историко-этнографические сведения, выразительные и

неповторимые контрасты жизни, уже давно канувшие в вечность, сочные картины той действительности согреты пафосом отрицания мира насилия, несправедливости, самой дикой формы правления ханской власти. Автора мучают проблемы народа и их вождя, какими путями идти на- ции к своему светлому будущему: через обветшалый ислам или овладения основами настоящих наук. Не будь Омаров по- этом по натуре, никакие стилисты не помогли бы ему ни в отборе жизненного материала, ни в их поэтической компоновке. Эффенди Капиев - горец по рождению, по природе, русский по языку и всем существом. Содержание его произведений целиком и полностью посвящено воспеванию действи- тельности советского Кавказа, в подавляющем большинстве - Дагестана. Незнакомый с судьбой Капиева сказал бы, не задумавшись, что перед ним автор-кавказец и что его произведения - перевод с какого-либо одного из дагестанских языков. Между тем Капиев - признанный русский писатель, и его речь - классически отточенный русский язык.

Омаров и Капиев жили судьбами своего народа, как и их арабоязычные предшественники.

Отказ от их наследия, непризнание его частью истории родной литературы только потому, что оно

иноязычное, было бы непростительным преступлением.

Та действительность, перемен в которой писатель так жаждет, действительные его заботы врываются в его речь ря- дом экзотических для носителей данного языка реалий, не- обычным образным мышлением наряду с подавляющим большинством обычных, понятных для всех вещей. Подчеркивая национальное своеобразие действительности и психологии горца, как мы сказали бы сейчас, редакция «Сборника сведений о кавказских горцах» сопроводила «Воспоминания муталима» комментарием: «Этнографические подробности, сообщаемые подобными сведущими туземцами, носят на себе характер гораздо большей достоверности, чем летучие заметки путешественников, не успевающих ни к чему хорошенько приглядеться. Независимо от этого, при изложении этногра- фических черт самим же туземцем, невольно сказывается и туземное мировоззрение».

Беспощадный реалист Омаров не забывает отметить в родном отце сочетание благочестивости, доходившей до фанатизма, бескорыстия к благам и ... стяжательства при удобном случае. «Тем не менее,

однако, скажу по совести, когда выпадал случай приобрести что-либо из богатства мира сего без труда, он тоже считал обязанностью не упускать такого случая и пользоваться им весьма охотно»

Экзотичны обычаи, гостеприимства боркиханцев (агулов) в описании Омарова даже для ближайших соседей лакцев. Весьма забавно выглядит тогдашний «школьный» класс, где обучали грамоте малолеток, не только для русских прошлого и настоящего, но и для нас, дагестанцев: «Класс этот помещался на балконе, вдоль которого было положено длинное бревно; место за бревном было застлано соломою, которую ученики сами собирали на жительских гумнах, когда там молотили хлеб. На этой-то соломе, лицом к бревну, сидели все ученики, будущие мои товарищи, и перед каждым из них лежало по два плоских камня, поставленных один **подле дру**гого углообразно, чтобы могли на них лежать книжки или азбучные доски»

Посмотрим, как стихия родного языка оставляет печать на иноязычном художественном мышлении писателя.

<<- Не надо ласкать его слишком и показывать ему зубы (т.е. смех), а то он будет лениться в учении и не захочет оста- ваться в чужом ауле муталимом, —

говорил отец.

Нельзя же выгнать из дома дитя живота! Он одичает и после не будет почитать нас, - возражала мать»

Как бы Омаров ни осуждал тиранию Агалар-хана, по изображению в «Воспоминаниях муталима», этот феодал выглядит на его (хана) аршин просвещенным: отлично знает арабский, маан (риторику, законы красноречия), тщательно расследует обстоятельства, прежде чем наказать преступника, обосновывает наказание, ссылаясь на Коран и т.д.

В другом месте, передавая отрицание ханских порядков с позиций мюридизма и устами его представителя (т.е. учителя самого автора), Омаров пишет: «Он (т.е. Мама. - А. Г.) смот- рел на тогдашнее управление хана с большим негодованием, часто исчислял Богопротивные его поступки, упрекал его в безбожии и тиранстве и доказывал, что хан действует во всем только под руководством своих капризов. "Этот дьявол, - говорил он, хочет чтобы целый свет превратился в корову, имеющую одну титьку, а он бы взял ее в свой рот, чтобы од- ному сосать: и не гнев ли Божий, что жизнь каждого из нас зависит от его

каприза!.."».

Если иноязычно-экзотическая окраска в таких выражениях, как «показывать зубы», «дитя живота», «целый свет, превратился в корову, имеющую одну титьку», очевидна, то в ряде других мест аксессуары быта, их обозначения проникают во второй язык писателя, исподволь, незаметно.

Как будто нет ничего русского в сообщении: «Через три дня после этого наш работник нес к учителю три хлеба, большой супник похлебки из пшеницы и бобов, кувшин бузы и ляжку копченого барана». Между тем, «похлебка из пшеницы и бобов», выражаемая по-лакски одним словом «хьхьахьхьари», есть суп, состоящий из цельных зерен пшеницы, бобов (иногда и кукурузы), сушеного бараньего языка, сваренных вместе.

Не менее плотно насыщены сгустками «иноязычного мышления», а следовательно и своеобычными выражениями, Книга «Поэт», записи и очерки Э. Капиева, «Весна, пришедшая с Севера» Ю. Гереева, «Сулак-свидетель» М. Хуршилова, рассказы Х.

Авшалумова.

К сожалению, изучение природы двуязычия ни с лингвистической, ни с литературоведческой стороны у нас, в Дагестане, еще не развернулось. К исследованию же дагестанской арабоязычной литературы в связи с этой особенностью приступили куда раньше, и не в самой Стране гор.

Академик И. Ю. Крачковский отметил прежде всего осо- бую ценность этой литературы: «Исключительное и едва ли не наиболее важное значение за период XVIII-XIX вв. имеют арабские источники, относящиеся к Кавказу. Их основное преимущество в том, что являются источником не со сторо- ны, а возникли в той среде, которой посвящены»

Воздавая при анализе должное историко-художественной ценности произведений, Игнатий Юлианович вместе с тем не проходил мимо языкового своеобразия писем Шамиля, вос- поминаний Абдурахмана, хроники Мухаммеда Тахира.

На изучение каждого документа с точки зрения развития арабского языка на нашей, местной почве

нацеливал другой известный арабист, акад. Г. В. Церетели: «Для изучения тех особенностей и путей, по которым развивался арабский язык в условиях Кавказского нагорья, заслуживает внимания каждый арабский памятник, невзирая на его содержание»

И. Ю. Крачковский, Г. В. Церетели в своих трудах и ученицы последнего Т. С. Маргвелашвили, Н. Г. Канчавели в своих кандидатских диссертациях и публикациях, относящихся к ним, выявили в арабской речи произведений дагестанских авторов отклонения от норм классического языка в лексике, синтаксисе и отчасти в морфологии.

В дагестанских текстах зарегистрирован ряд русских слов, вошедших в обиход горцев и не встречаемых ни в каких словарях арабского языка, ни в других регионах, где пользуются арабским (офицер, сержант, адъютант, полковник, генерал, начальник, почта, телеграф, пароход, рота, чин, закон, верста, пуд, самовар, патрон и др.). При этом в арабской орфографии этих слов отражается специфика фонетики родного языка автора. Факт сам по себе - красноречивый, свидетель- ствующий о влиянии русской культуры и русского языка на развитие дагестанских языков.

Используя русские административно-управленческие, военные термины, дагестанцы изменяли их формы непринужденно, по законам классического арабского языка. Как от- метил И. Ю. Крачковский, в хронике Мухаммеда Тахира рус- ское слово солдат находим в обеих формах арабского множе- ственного числа: «салдатуна» ту» ломаное множ. число. Также слово «патроны» в арабском звучании у Мухаммеда Тахира неузнаваемо видоизменилось: «футарину». Как справедливо заметила Н. Г. Канчавели, лит (эполет) + ру (показатель множественного числа имен в лакском языке)»

С целью расширения коммуникативных функций арабского письма и языка дагестанцы вслед за среднеазиатами ввели в практику дополнительные пояснительные знаки, т.н. «Замир ишара» (И. Ю. Крачковский, Г. В. Церетели, Т. С. Маргвелашвили, Н. Г. Канчавели).

Помимо подчеркнутых особенностей, следует отметить и своеобразные фразеологические обороты, не характерные для речи природного араба. Вместо выражения, мол, он присвоил деньги, у Мухаммеда Тахира находим: он съел деньги (Т. С.

Маргвелашвили).

В соответствующих местах данной работы мы, в свою очередь, приводили арабские выражения, встретившиеся в произведениях дагестанских писателей, оформленных необычно для арабов, на которых заметен отпечаток образного мышления горца: «Да не убавится твое эфендийст- во», т.е. ученость, качество господина, уважаемого человека (М. Яраги); стреляли из каждого «просверленного и выдолб- ленного»; «рога его с перепугу стали мягче» («ланат кьуру нутьу мин ал хавфи»), «поломаю палку повиновения»; «на переноску имущества Даниял-султана дали (т.е. выделили. А. Г.) сто спин» (т.е. носильщиков. - А. Г.) (хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. С. 247).

Разговор об отмеченных своеобразиях языкового харак- тера был необходим, поскольку они освещают особенность стиля произведения с лингвистической точки зрения, отобра- жают специфику данного культурного исторического феномена.

Если арабоязычная литература испытывала на себе воздействие родных языков, естественно, не могла она быть свободна от влияния литературы на этих языках.

В чем это выражается?

Прежде всего в антифеодальном духе этого иноязычного искусства слова. Как в ряде народных песен («Хочбар», «Кайдар», казацкие йыры и др.), в произведениях Саида Коч- хюрского и Аммы Хунинского воспевается лютая ненависть простолюдина к ханам и бекам. Негодование двух последних поэтов произволом, жестокостями хана доходит до предела, и оба жаждут физического уничтожения насильника.

О хан Сурхай! Я сумраком объят. Исполнен твой приказ: не вижу я! Аллах, когда ты скосишь палача? Тот долгожданный час увижу ль я? -

(Перевод Д. Голубкова)

пел гневно Саид Кочхюрский. Ему вторил с другого конца ханства Амма Хунинский, обращаясь к властителю:

Присланные тобою сто золотых

Я вернул, чтобы на твоих похоронах раздать

милостыней.

Черные шелка, что прислал мне,

Пусть носит твоя мать в знак траура по тебе.

(Подстрочный перевод мой. - А.*Г.).*

Похоже, что оба поэта-современники и проклинают одного того же властителя.

Э. Ю. Кассиев в «Песнях отцов» привязывает Амму Хунинского к периоду правления Ага Нуцал-хана (ум. в 1836 г.). С. Кочхюрский, обращаясь к хану, называет его имя. Что ка- сается Сурхай-хана, такого имени в первоначальной записи стихотворения Кочкюрского нет - там речь идет о Мурсал- хане. Поскольку в период поэта мог править Сурхай-хан II, позднее первое имя заменили вторым. Однако, вопреки тщательным поискам литературоведов, продолжающимся с 30-х годов столетия , установить даты рождения и смерти, найти его записи, свидетельства современников, судя по которым, можно было бы привязать жизнь и творчество поэта к определенному периоду, обнаружить хотя бы могилу певца, пока не удалось. Годы 1770-1812, которыми Г. Г. Гашаров точно указывает годы рождения и смерти

поэта в названной выше книге, вызывают сомнения.

Нам почему-то думается, что поэт имел дело с необычайно жестоким и необузданным Ага Нуцал-ханом. Имена Нуцал-хан и Мурсал-хан ближе по созвучию, чем Сурхай-хан. От необычного для лезгин Нуцал-хана к обычному Мурсал- хану перейти куда легче. Это, во-первых. Во-вторых, близко к истине, на наш взгляд, наводящее на эту мысль свидетельство серьезного писателя и ученого Мугутина Чаринова. В своей «Книге для чтения», приводя предание «Хан и его чабан», Чаринов пишет: «В Касумкентском районе еще совсем недавно жил старик, подвергшийся насилию Мурсал-хана». Этот человек был оскоплен за то, что во время пастьбы овец у до- роги, увлеченный игрой на свирели, не заметил проезжавшего по дороге с женами Мурсал-хана и этим не почтил его. Если где-то к середине 20-х годов XX столетия жил современник этого хана и Кочхюрского, видимо, Мурсал, это все же - Нуцал-хан.

Другая линия сопряженности наших литератур на родных и других языках идет через их отношение к новому порядку, установленному в горах мюридизмом, с введением шариата. Если Юсуф Аксайский и его сторонники в открытую и с феодально-байских

позиций, огульно отрицали эти порядки, то наиб Шамиля Башир-бек Сурхайханов долго наблюдал за ходом и состоянием дел в имамате и с тех же позиций пришел в негодование 27. И круг критикуемых явлений шире и конкретней. В его стихотворении «Убежденно взываю к Богу» резко осуждается широко распространенное среди ученых клеветничество, лицемерие, двурушничество, ложь, заразившая все общество коррупция. Его основательно возмущает произвол властей в царстве шариата:

Все, кто любят шариат,

Пристрастились к богатству и власти. Те же, у кого власть в руках,

Только и чинят насилия.

(Подстрочный перевод наш. - А. *Г.).*

Изменил свое первоначальное восторженное отношение к Шамилю как к национальному герою, после его пленения, и выдающийся кумыкский поэт Ирчи Казак:

Ты скосил многих под корень, для присвоения их

богатства…

Твой долг был умереть, чем попасть в плен! —

обращался он в стихотворении, сохранившемся в записи профессора Смирнова и обнаруженном З.Н. Акавовым.

И, напротив, как в письменной литературе, так и в народно-поэтическом творчестве воспеты Шамиль и его сподВижники («Ахульго», «Взятие Салты», «Захват Чоха», «О походе на Кайтаг», «Бук-Магомед», «О Хаджи-Мурате», «О пленении Шамиля» и др.).

Вместе с тем в арабоязычной поэзии Дагестана авторы выбирали размеры стихов адекватные или близкие размерам нашей просодии; в стихах и прозе слышатся интонации, привычные для жителя Страны гор.

Таким образом, арабоязычная литература Дагестана пер- вой половины XIX века является органической частью общего наследия народов, населяющих этот край, она связана с ним внутренне по традициям, по разрешению стоявших перед ней задач, выполнению социального заказа. Их друг от друга **не отделить.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главным событием первой половины XIX века в Дагестане было антифеодальное антиколониальное, народно-освободительное движение горцев.

Идеологическим оружием этого движения был мюриДизм - религиозно-консервативная, реакционная идеология. Некоторые положения этой идеологии наполнялись новым содержанием требования социального равенства, ликвидация сословной иерархии. Был прогрессивным, более демократичным, по сравнению с ханствами, новый тип правле- ния, государственности, созданный предводителем горцев имамом Шамилем.

Идея защиты Родины и равноправия всколыхнула все слои общества, вызвала небывалый взрыв энергии противоборствующих сил, поскольку одним она угрожала лишением былых привилегий, других обнадеживала перспективой, получением материальных благ.

События времени, социальные и прочие противоречия, классовые страсти породили новую

культуру, новую литературу, явились ее содержанием, предметом ожесточенных споров в ней.

Магистральной линией, которая разделяла стороны, в литературе, было отношение к джихаду - священной войне против царизма. Сторонники ее (Гази Мухаммед, Гаджи Юсуф, Мухаммед Тахир ал-Карахи, Абдурахман Сугури и др.) считали войну со стороны горцев справедливой, воспевали подвиги героев. Их противники (Юсуф Аксайский, Идрис Аксай- ский) находили сопротивление бессмысленным пролитием крови, а практику мюридов грабежом, противоречащим предписаниям Корана и ислама, поносили порядки в имамате. Резко критиковал деятельность сторонников Шамиля с позиций ислама и Мирза-Али Ахтынский. Крестьянский демократизм имамата сшибся с классовыми интересами и аристократическим высокомерием крупнопоместного помещика Юсуфа Аксайского.

Ускоренность развития событий, небывалая активизация движущих сил общества послужили причиной бурного развития литературного процесса, секуляризации искусства слова.

Впервые в истории Дагестана власти обращаются к поэзии для достижения политических целей в дипломатических сношениях. О небывалом росте

авторитета художественного слова, его веса в общественном мнении говорит невиданная до того активизация литературы, широкое пользование ею в качестве оружия противоборствующими силами.

Налицо признаки выхода искусства слова из средневеко- вого состояния, сближения с жизнью народа и его существенного роста: литература отпочковалась от общего вида общественного сознания в самостоятельную отрасль и решает социальные задачи своими, специфически собственными художественными средствами.

О дальнейшем накоплении достаточного материала и о сдвигах в сторону его качественного улучшения говорит уже антология арабоязычной поэзии народов Дагестана, состав- ленная мыслителем и поэтом, весьма компетентным в арабской филологии Гасаном Гузуновым в мае 1879 года - через каких-нибудь 31 год после появления в свет (1848г.) первого в истории литературы Дагестана отдельного сборника одного поэта - Мирза Али Ахтынского. В ней после целого сборника арабских стихов самого составителя представлены и произведения упомянутых в данной статье дагестанских поэтов. К их отбору Гузунов несомненно отнесся, основываясь на оценочных категориях.

Если ранее любой поэт выглядел одиночкой, не имел современника, который бы возражал ему в чем-либо, теперь появились весьма квалифицированные оппоненты, и пошли жаркие поэтические дискуссии. Усилилось личностное начало, появилась лирическая ситуация; лирический герой, пока еще не отличимый от автора, стал притязать на выражение своей незаурядной личности. Впервые в истории художественного слова появился характер. И в образе имама Шамиля, пусть пока единственном, изображена многогранная, изменяющаяся, то есть реагирующая на все соответственно обстановке, выдающаяся, яркая личность.

Нарастает предметность содержания, становится конкретнее тематика функционировавших жанров: писем, стихотворений, исторических хроник. Несущая - информативная часть писем становится насыщеннее содержанием. В историческую хронику проникают сюжетно-изобразительные сцены. В ней возрастает характеризующая личность сторона. В ее недрах созревает документально-художественный очерк. На смену былому претенциозно му слогу и абстрактно-обобщающему методу, как называют иные литературоведы, предреализму средневековой

литературы приходят простота, ясность изложения мысли, искусство слова вступает в пределы критического реализма. Последнему предстояло еще долго развиваться, но важно, что литература прочно встала на этот путь (дело пока не дошло до художественного рассказа, не зародились повесть, роман, драма с их сложным сюжетным механизмом; жанровое многообразие, интонационную полифонию дагестанская поэзия будет приобретать в недалеком будущем), в ней обозначился заметно резкий сдвиг в сторону прогрессивного роста.

Вершинными явлениями арабоязычной литературы, в корне изменившими ее вековой облик и темы хода развития были в поэзии - Мирза-Али Ахтынский, Юсуф Аксайский, в прозе - Мухаммед Тахир ал-Карахи.

И по своей идейно-художественной значимости литература эта не только не уступала современному ей искусству слова самой Аравии, но и играла в обществе огромную передовую роль.

Арабоязычная литература народов Дагестана является живым наследием всех народов, населяющих республику, в ней сплелись традиции словесного искусства арабов и горцев Дагестана, на ней от-печатались не только их нравы, моральный облик, но и

их образное мышление, лексическое морфологическое и синтаксическое своеобразие их языка, поскольку в ней отобразилась история и жизнь народа того периода.

Причиной становления арабского языка языком дагестанской литературы является многоязычие на относительно небольшой территории и потребность разноязычных мусульман в общении. В условиях средневековья в Дагестане средством такого общения мог быть только язык Корана и пророка Аллаха Мухаммеда язык мусульманской культуры.

—

Если в первые века ислама были попытки навязать народам Дагестана эту веру силой оружия, то вряд ли кто мог впоследствии вы- нудить горцев овладевать арабским языком огнем и мечом. И для нас ценна та прогрессивная роль, которую этот язык сыграл в Дагестане: он знакомил горцев с передовой в средние века мусульманской культурой, знакомил мусульманский мир с произведениями дагестанцев.

Было бы заблуждением думать, что духовенство и муллы только затемняли сознание горцев на арабском языке, кроме них никого и ничего не было. А между тем прогрессивные идеи, положения высказывались в

борьбе противоположных мнений религиозных деятелей, в трудах ученых прошлого на арабском же языке.

Опыт овладения арабским языком в течение веков и одновременная практика мышления на структурно ином арабском языке, языке отправления религиозных обрядов, судопроизводства, науки и межнационального общения, подготовили почву для перехода на второй, силою обстоятельств ставший родным, русский язык.

Если отвергнуть усилия реакционного духовенства в прошлом, отмести всякие вредоносные наслоения, то развитие арабоязычного наследия народов Дагестана видится в прогрессивно-положительном

свете.

Небывалый скачок литературы вперед говорил о могучих разбуженных творческих силах народа, что подтверждается еще более мощным и многогранным дальнейшим подъемом поэзии и прозы как на родных, так и на арабском и русском языках, появлением на свет целой плеяды таких талантливых поэтов и писателей, как Ирчи Казак, Батырай, Етим Эмин,

Гаджимагомед Согратлинский, Эльдари- лав, Махмуд, Абдулла Омаров, Гасан Гузунов и др.

Логика развития событий толкала мысль на создание принципиально новой культуры, основанной на подлинно передовой идейно- демократической, социально-политической основе.

На базе насильственно вводимого шариата и неосуществимой крестьянской демократии, которыми руководствовался Шамиль, соз- дать новую культуру было невозможно. Одряхлевший мусульманский Восток оправдать эти надежды возможности не имел.

Только ориентация на современную передовую русскую и европейскую культуру, только освоение опыта мировой и великой русской литературы могли открыть нашей культуре, нашей литературе широкие перспективы, дойти до высот, завоеванных Эф. Капиевым и Р. Гамзатовым.

Поворот к этому, думается нам, обусловлен наряду с другими обстоятельствами, и развитием арабоязычной литературы Дагестана первой половины XIX века.

Приобщение к арабоязычной литературе народов

Дагестана одарит жителя этого края радостью и счастьем, утвердит в нем гордость за предков, боровшихся за благородные цели и великие дела. А эти цели и дела, представляющие культурно-исторический опыт одного из членов семьи человечества, не могут не быть поучительны для всех.

Редактор М.К. Алиев

Подписано в печать 11.06.2009. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная No 1. Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 10,5 Тираж 300 экз. Заказ No 223

Учреждение Российской академии наук Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН

367000, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45